

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Ivanovo State Power Engineering University

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOLOV'EVSKIE ISSLEDOVANIYA

SOLOVYOV STUDIES

2026

Выпуск 1(89)

2026

Issue 1(89)

Редакционная коллегия:

- М.В. Максимов* (гл. редактор), д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
И.И. Евлампиев (зам. гл. редактора), д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
И.А. Едошина (зам. гл. редактора), д-р культурологии, г. Кострома, Россия
С.Д. Титаренко (зам. гл. редактора), д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Л.М. Максимова (отв. секретарь редколлегии), канд. филос. наук, г. Иваново, Россия
К.Ю. Бурмистров, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
А.Г. Гачева, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
Н.Ю. Грякалова, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
К.В. Зенкин, д-р искусствоведения, г. Москва, Россия
М.В. Медоваров, канд. ист. наук, г. Нижний Новгород, Россия
Б.В. Межуев, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
В.И. Моисеев, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
В.В. Сербиненко, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
Е.А. Тахо Годи, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
О.Л. Фетисенко, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Д.Л. Шукуров, д-р филол. наук, г. Иваново, Россия
Н.Г. Юрина, д-р филол. наук, г. Саранск, Россия

Международная редакционная коллегия:

- Р. Гольдт*, д-р филол. наук, г. Майнц, Германия
Н.И. Димитрова, д-р филос. наук, г. София, Болгария
П. Дэвидсон, д-р философии, г. Лондон, Великобритания
Э. Ван дер Зверде, д-р философии, г. Неймеген, Нидерланды
Я. Красицки, д-р филос. наук, г. Вроцлав, Польша
Б. Маршадьё, д-р славяноведения, г. Париж, Франция
Т. Немет, д-р филос. наук, г. Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
А. Оппо, д-р филос. наук, г. Кальяри, Италия

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва
(Соловьёвский семинар)
Тел. (4932), 26-97-70, 26-97-75; факс (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим группам специальностей: 5.7.1 – онтология и теория познания; 5.7.2 – история философии; 5.7.3 – эстетика; 5.7.4 – этика; 5.7.7 – социальная и политическая философия; 5.7.8 – философская антропология, философия культуры; 5.7.9 – философия религии и религиоведение; 5.9.1 – русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 – литературы народов мира; 5.9.3 – теория литературы; 5.10.1 – теория и история культуры, искусства

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему РИНЦ согласно договору № 580-12/2012 ЛО от 13 декабря 2012 г. с ООО «Научная электронная библиотека». Журнал зарегистрирован в базе данных Ulrich's periodicals directory (США). Журнал индексируется в Scopus с 20 января 2022 г., включен в «Белый список» научных изданий Минобрнауки РФ.

© М.В. Максимов, составление, 2026

© Авторы статей, 2026

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Максимов М.В. Вл.С. Соловьев и Н.И. Кареев о метафизике и философии истории	6
Королева В.В., Бузина С.В. Традиция русской антологической поэзии в лирике В.С. Соловьева	20
Черноперов В.Л., Смирнов Д.Г. Будущее России в философской рефлексии Владимира Соловьева	33

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Грякалов А.А., Шевченкова А.С., Иванов Е.А. Проект будущего в философии космизма и практиках русского авангарда: основания коллективного субъекта	41
Бессчетнова Е.В., Жукова М.В. Идея христианского единства С.М. Соловьева	56
Гравина И.В. Единое в философии А.Ф. Лосева и «солнечная генология» Эгилия Виллера	72
Сафонов А.А. Философско-математический синтез у П.А. Флоренского и в философии неовсединства	87

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Смирнов В.Н. Влияние эстетических идей Ф. Шиллера во взаимодействии с исторической концепцией И.Г. Фихте на концепцию высших личностей в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»	101
Евлампиев Ф.И. Позднеромантические истоки образа Мечтателя в раннем творчестве Ф.М. Достоевского	117
Фетисенко О.Л. Русская литература в европейском контексте на страницах писем К.А. Губастова К.Н. Леонтьеву	129

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бочаров А.Б. «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского в контексте интерпретационно-дискурсивных практик: от текста в культуре к тексту культуры. [Рец. на:] Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 216 с. ...	151
Материалы к библиографии В.С. Соловьева: 2012–2017 гг. / сост. М.В. Максимов...	160

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Максимов М.В. 2025 год: Хроника Соловьевского семинара	186
Мотрошилова Н.В. Письмо участникам Соловьевского семинара 2018 г. / публ. М.В. Максимова	192
О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	194
О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	196
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	196

Editorial Board:

- M.V. Maksimov* (Chief Editor), Doctor of Philosophy, Ivanovo, Russia
I.I. Evlampiev (Deputy Chief Editor), Doctor of Philosophy, St. Petersburg, Russia,
I.A. Edoshina (Deputy Chief Editor), Doctor of Cultural Studies, Kostroma, Russia
S.D. Titarenko (Deputy Chief Editor), Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
L.M. Maksimova (responsible secretary), Candidate of Philosophy, Ivanovo, Russia,
K.Yu. Burmistrov, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
A.G. Gacheva, Doctor of Philology, Moscow, Russia,
N.Yu. Gryakalova, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
K.V. Zenkin, Doctor of Art History, Moscow, Russia,
M.V. Medovarov, Candidate of Historical Sciences, Nizhny Novgorod, Russia,
B.V. Mezhev, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
V.I. Moiseev, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
V.V. Serbinenko, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
E.A. Takho-Godi, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
O.L. Fetisenko, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
D.L. Shukurov, Doctor of Philology, Ivanovo, Russia,
N.G. Yurina, Doctor of Philology, Saransk, Russia,

International Editorial Board:

- R. Goldt*, Doctor of Philology, Mainz, Germany,
N.I. Dimitrova, Doctor of Philosophy, Sofia, Bulgaria,
P. Davidson, Doctor of Philosophy, London, United Kingdom
E. van der Zweerde, Doctor of Philosophy, Nijmegen, Netherlands,
Ya. Krasicki, Doctor of Philosophy, Wroclaw, Poland,
B. Marchadier, Doctor of slavonic studies, Paris, France,
T. Nemeth, Doctor of Philosophy, New York, United States of America
A. Oppo, Doctor of Philosophy, Cagliari, Italy

Address:

Interregional Research and Educational Center for Heritage Studies V.S. Solovyov – Solovyov Workshop
Ivanovo State Power Engineering University
34, Rabfakovskaya st., Ivanovo, Russian Federation, 153003
Tel. (4932), 26-97-70, 26-97-75; Fax (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

The Journal is included in the List of Leading Reviewed Scientific Journals and Publications, which are approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publishing the main scientific results of the dissertations on the candidate and doctoral degrees for the following groups of specialities: 5.7.1 – ontology and epistemology; 5.7.2 – history of philosophy; 5.7.3 – aesthetics; 5.7.4 – ethics; 5.7.7 – social and political philosophy; 5.7.8 – philosophical anthropology, philosophy of culture; 5.7.9 – philosophy of religion and religious studies; 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation; 5.9.2 – literature of the peoples of the world; 5.9.3 – theory of literature; 5.10.1 – theory and history of culture, art.

Information about published articles is sent to the Russian Science Citation Index by agreement with “Scientific Electronic Library” Ltd. No. № 580-12/2012 LO of 13.12.2012. The journal is included into the database of periodicals “Ulrich’s periodicals directory” (USA). The journal is indexed in Scopus since January 20, 2022, included in the “White List” of scientific publications of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

© M.V. Maksimov, preparation, 2026

© Authors of Articles, 2026

© Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin”, 2026

CONTENT

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

Maksimov M.V. Vladimir Solovyov and N.I. Kareev on Metaphysics and the Philosophy of History	6
Koroleva V.V., Buzina S.V. The Tradition of Russian anthological poetry in the lyrics of V.S. Solovyov	20
Chernoperov V.L., Smirnov D.G. The Future of Russia in the Philosophical Reflection of Vladimir Solovyov	33

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Gryakalov A.A., Shevchenkova A.S., Ivanov E.A. The Project of a Future in the Philosophy of Cosmism and the Practices of the Russian Avant-Garde: the Foundations of a Collective Subject	41
Besschetnova E.V., Zhukova M.V. The idea of Christian unity of S.M. Solovyov ...	56
Gravina I.V. The One in the philosophy of A.F. Losev and “Solar Henology” of Egil Wyller	72
Safonov A.A. Philosophical and Mathematical Synthesis in P.A. Florensky and in the Philosophy of Neo-Unity	87

PHILOSOPHY AND LITERATURE

Smirnov V.N. The influence of F. Schiller's aesthetic ideas in interaction with the historical concept of I.G. Fichte on the concept of higher personalities in F.M. Dostoevsky's novel “The Adolescent”	101
Evlampiev F.I. Late Romantic Origins of the Image of the Dreamer in Dostoevsky's Early Work	117
Fetisenko O.L. Russian literature in the European context on the pages of K.A. Gubastov letters to K.N. Leontiev	129

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Bocharov A.B. “Russia and Europe” by N.Y. Danilevsky in the Context of Interpretive and Discursive Practices: From the Text in Culture to the Text of Culture ([Review of:] The Creative Legacy of N.Y. Danilevsky: History and Modernity / ed. by V.V. Sidorin. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2024. 216 p.)	151
Maksimov M.V. Materials for the bibliography of V.S. Solovyov: 2012–2017	160

SCIENTIFIC LIFE

Maksimov M.V. 2025: Chronicle of the Solovyov Seminar	186
Motroshilova N.V. Letter to the Participants of the Solovyov Seminar 2018 / publication by M.V. Maksimov	192
ON “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL	194
ON SUBSCRIPTION TO “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL	196
INFORMATION FOR AUTHORS	196

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 930:1(470)

ББК 63.0:87.522(2)

Михаил Викторович Максимов

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Россия, Иваново, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

Вл.С. Соловьев и Н.И. Кареев о метафизике и философии истории

Аннотация. Дается историографический обзор исследовательской литературы, посвященной развернувшейся в начале 90-х гг. XIX в. дискуссии Соловьева и Кареева по вопросам философии истории. Представлен анализ позиций Вл.С. Соловьева и Н.И. Кареева относительно понимания роли и значения метафизики в построении концепций философии истории и соотношения субъекта и объекта в познании. Отмечается обоснованность точки зрения Соловьева, трактующего историю как богочеловеческий процесс, постижение которого невозможно без обращения к историсофской метафизике, нацеленной на истолкование внутреннего смысла исторического процесса. Подчеркивается укорененность позиции Соловьева в его концепции всеединства. Отмечается, что антиметафизическая позиция Кареева является следствием его приверженности позитивизму. Подчеркивается важность дискуссии двух выдающихся мыслителей для развития русской философско-исторической мысли конца XIX в.

Ключевые слова: философия истории, философия всеединства В.С. Соловьева, историсофская метафизика, субъект-объектные отношения в познании, позитивизм Н.И. Кареева

Mikhail Viktorovich Maksimov

Ivanovo State Power Engineering University, Doctor Habil. of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Russia, Ivanovo, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

Vladimir Solovyov and N.I. Kareev on Metaphysics and the Philosophy of History

Abstract. The article provides a historiographical overview of the research literature devoted to the debate between Solovyov and Kareev on issues in the philosophy of history, unfolded in the early 1890s. It presents an analysis of the positions of Vladimir Solovyov and N.I. Kareev regarding the understanding of the role and significance of metaphysics in constructing concept of philosophy of history and the correlation of subject and object in cognition. The validity of Solovyov's viewpoint is noted, interpreting history as

a divine-human process, the comprehension of which is impossible without recourse to historiosophical metaphysics aimed at interpreting the inner meaning of the historical process. The rootedness of Solovyov's position in his concept of total-unity is emphasized. It is observed that Kareev's anti-metaphysical stance is a consequence of his commitment to positivism. The importance of the debate between these two eminent thinkers for the development of Russian philosophical-historical thought at the end of the 19th century is emphasized.

Key words: philosophy of history, V.S. Solovyov's philosophy of total-unity, historiosophical metaphysics, subject-object relations in cognition, N.I. Kareev's positivism

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.006-019

Владимир Сергеевич Соловьев и Николай Иванович Кареев – два выдающихся мыслителя XIX–XX веков. В ноябре 2025 г. исполнилось 175 лет со дня рождения Кареева, а в феврале 2026 г. – 95 лет со дня его смерти. Мы чтим память этого выдающегося ученого, современника Соловьева, внесшего существенный вклад в историческую науку.

Кареев и Соловьев – однокашники по гимназическим и студенческим годам, и, как отмечает В.П. Золотарев, один из крупнейших исследователей творчества Кареева, «вне всякого сомнения, очень сильное влияние на гимназиста и студента Н. Кареева оказало продолжительное совместное учение с выдающимся Влад. Серг. Соловьевым, близкое знакомство с семьей С.М. Соловьева, куда он был вхож»¹.

Обстоятельное повествование о юношеских годах Соловьева и Кареева, основанное на материалах С.М. Лукьянова² и воспоминаниях Н.И. Кареева³, представлено в статье А.В. Малинова, отметившего, что «объединяли Соловьева и Кареева не взгляды и убеждения, а общее отрочество и юность. ... Впоследствии между ними сохранились ровные приятельские отношения»⁴, их теоретическая деятельность развивалась параллельно, явным образом практически не пересекаясь.

В обширном наследии Н.И. Кареева отсутствуют оценки творчества В.С. Соловьева. Как отмечает А.В. Малинов, «Кареев нигде не дает оценку творчества Соловьева, не упоминает развиваемые им идеи. Соловьев оставался для него только приятелем юности» [4, с. 56]. Однако у Соловьева есть небольшая

¹ См.: Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. СПб., 1992. С. 13–14 [1].

² См.: Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Книга вторая. Пг., 1918. 366 с. [2].

³ См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с. [3].

⁴ См.: Малинов А.В. В.С. Соловьев и Н.И. Кареев: (К истории взаимоотношений) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 2. С. 52 [4].

статья-отклик на две публикации Кареева в редактируемом им сборнике «Историческое обозрение». Речь идет о статьях «Разработка теоретических вопросов исторической науки» (1890 г.)⁵ и «Философия, история и теория прогресса» (1890 г.), опубликованных в первом томе этого сборника⁶. На эти публикации и откликнулся Соловьев статьей «Руководящие мысли “Исторического обозрения”» в журнале «Вопросы философии и психологии» (1891 г.)⁷. Комментируя статью Соловьева, Н.В. Котрелев и Е.Б. Рашковский – авторы примечаний к этой статье, включенной во второй том сочинений В.С. Соловьева (М.: Правда, 1989), пишут: «Эта статья – едва ли не единственная в соловьевском наследии прямая попытка» дискуссии с Н.И. Кареевым [8, с. 696]. Собственно, этот эпизод из творческой жизни двух мыслителей и является предметом нашего рассмотрения.

Количество исследовательской литературы, посвященной взаимоотношениям Соловьева и Кареева, весьма незначительно, притом что каждому в отдельности посвящены сотни и даже тысячи публикаций. Отдельные краткие замечания о взаимоотношениях Кареева и Соловьева мы находим у Э.Л. Радлова. В «Очерках по истории русской философии» (1912 г.) он приводит фрагмент письма Карееву, в котором Соловьев пишет о своем понимании соотношения этики и религии⁸.

А.Ф. Лосев в обширном исследовании жизни и творчества В.С. Соловьева «Владимир Соловьев и его время» (1990 г.) несколько раз упоминает имя Кареева, отмечая отзывы последнего о «материалистических порывах» 13-летнего Соловьева и о его *вольных* студенческих годах. Характеризуя сочувственное отношение Соловьева к творчеству Кареева, Лосев замечает, что философ «хвалит известного историка», стремящегося поднять историческую науку до такого понимания жизни, какое способствует ее социально-нравственному прогрессу⁹.

В трудах представителей русского зарубежья – историков русской философии Д.Н. Стремоухова и К.В. Мочульского – интересующему нас сюжету отводится незначительное место. Д.Н. Стремоухов вслед за С.М. Лукьяновым, повествуя о юношеских гимназических годах Соловьева, среди его друзей называет Кареева и приводит слова последнего о том, что Соловьев как студент не

⁵ См.: Кареев Н.И. Разработка теоретических вопросов исторической науки // Историческое обозрение: сб. Исторического общества при Императорском С.-Петербургском ун-те за 1890 г. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. С. 3–34 [5].

⁶ См.: Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Историческое обозрение: сб. Исторического общества при Императорском С.-Петербургском ун-те за 1890 г. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. С. 113–164 [6].

⁷ См.: Соловьев В.С. Руководящие мысли «Исторического обозрения» // Вопросы философии и психологии. 1891, Ноябрь. (Кн. 10). 2 паг. С. 75–86 [7].

⁸ См.: Радлов Э.Л. Очерки по истории русской философии / Э. Радлов. 2-е изд., доп. Петербург: Наука и школа, 1920. (98 с.) [Электронный ресурс]. URL: https://samlib.ru/d/drumbb/ocherki_istorii_philosophii.shtml?ysclid=ml5dct1gx3122924629#TOC_id20246683 (Дата обращения: 02.02.2026) [9].

⁹ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. С. 18, 26, 491, 497.

существовал¹⁰. К.В. Мочульский в своей работе «Владимир Соловьев. Жизнь и учение» (1948 г.), основываясь на письмах Соловьева Карееву и работе С.М. Лукьянова, сообщает важные биографические сведения о юношеских годах Соловьева, не затрагивая зрелые годы философа¹¹. Н.О. Лосский и В.В. Зеньковский в своих обобщающих сочинениях по истории русской философии не затрагивают взаимоотношений Кареева и Соловьева.

Одна из первых, возможно, первая специальная публикация – небольшая статья «О становлении двух тенденций культурной ориентации русской либеральной интеллигенции в семидесятые годы XIX века (Н.И. Кареев и В.С. Соловьев)» опубликована замечательным историком и философом Е.Б. Рашковским в 1967 г. в сборнике студенческих работ¹².

Следующая публикация – в 1997 г. – небольшая статья вашего покорного слуги «Вл. Соловьев и Н.И. Кареев: нужна ли метафизика для философии истории?»¹³, опубликованная в провинциальных «Ученых записках Ивановской государственной архитектурно-строительной академии». В 2003 г. опубликована статья уже упоминавшегося А.В. Малинова «В.С. Соловьев и Н.И. Кареев: (К истории взаимоотношений)»¹⁴. Наконец, в 2000-е годы две статьи, посвященные Карееву и Соловьеву, опубликованы в журнале «Соловьёвские исследования»: статья немецкого автора А. Буллера «В.С. Соловьев и вопросы теории истории» (2015 г.)¹⁵ и статья В.В. Сидорина «Вл.С. Соловьев и Н.И. Кареев: к творческой истории “Оправдания добра”» (2020 г.)¹⁶. Таковы весьма немногочисленные публикации, посвященные взаимоотношениям Соловьева и Кареева.

Важно зафиксировать исходные теоретические позиции философа Соловьева и историка Кареева.

¹⁰ См.: Strémooukhoff D. Vladimir Soloviev et son oeuvre messianique. Lausanne: L'Age d'Homme, 1970. P. 21, 25. Впервые сочинение Д. Стремоухова было опубликовано в 1935 г. в *Publications de la Faculté des lettres de L'Université de Strasbourg* в качестве докторской диссертации.

¹¹ См.: Мочульский К. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 21, 25, 38, 41, 62 [10].

¹² См.: Рашковский Е.Б. О становлении двух тенденций культурной ориентации русской либеральной интеллигенции в семидесятые годы XIX века (Н.И. Кареев и В.С. Соловьев) // Материалы XXII научной студенческой конференции «Поэтика, история литературы, лингвистика». Тарту, 1967. С. 79–84 [11]. (URL: <https://ruthenia.ru/stud/sk12.pdf>). Е.Б. Рашковский в этот период (1964–1967 гг.) – библиограф ФБОН СССР (Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР).

¹³ См.: Максимов М.В. Вл. Соловьев и Н.И. Кареев: нужна ли метафизика для философии истории? // Учен. зап. Ивановской гос. арх.-строит. акад. Вып. 6. Иваново, 1997. С. 62–64 [12].

¹⁴ См.: Малинов А.В. В.С. Соловьев и Н.И. Кареев: (К истории взаимоотношений). С. 55–64. В 2007 г. статья републикована в сборнике: Малинов В.А. Историко-философские этюды. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2007. С. 129–142; в 2020 г. статья републикована в сборнике: Малинов В.А. Исследования и статьи по русской философии. СПб.: РХГА, 2020. С. 169–186.

¹⁵ См.: Буллер А. В.С. Соловьев и вопросы теории истории // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 3(47). С. 6–20 [13].

¹⁶ См.: Сидорин В.В. Вл.С. Соловьев и Н.И. Кареев: к творческой истории «Оправдания добра» // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 8–19 [14].

История трактуется Вл. Соловьевым как процесс богочеловеческий. Ее смысл – в восхождении мира к Богу, в претворении разорванного бытия в бытие совершенное. Смысл мирового исторического процесса задается метаисторией, определяемой бытием Абсолютного. Именно поэтому первостепенное значение Вл. Соловьев придает историософской метафизике, нацеленной на истолкование внутреннего смысла исторического процесса¹⁷. Тем самым Соловьев, по существу, конструирует логико-телеологическую модель истории.

На этот методологический принцип построения Соловьевым своей историософии обращал внимание К.В. Мочульский. Он раскрывает характер историософской мысли Вл. Соловьева следующим образом: «У Соловьева нет объективно-научного интереса к истории, он погружается в прошлое, чтобы отгадать настоящее и предсказать будущее. В истории он не беспристрастный исследователь, а утопист и поэт. Обобщения, схемы, синтезы ему необходимы, так как он не изучает историю, а строит ее. Для него история – только введение в эсхатологию. Из исторических символов он пытается вычитать их мистический смысл. Но его мистика – не неподвижное созерцание Плотина, а вечное движение и стремление. Бог его – не Бог геометрии, а Бог истории, не Эн-Соф Каббалы, а творческий Логос, преображающий мир. Мировой процесс раскрывается как последовательный ряд теофаний, и изучение его превращается в богопознание и богопочитание. Но мистическому опыту Соловьева (“всеединство”) противоречит его эмпирический опыт (“вражда всех против всех”). Плотин и Шеллинг помогли ему осмыслить этот распад; Гегель научил диалектическому методу – и мировой процесс вместились в трехчленную схему: первоначальное единство, отпадение мировой души и окончательное воссоединение. Ритм космической и исторической жизни был найден» [10, с. 120].

Необходимость метафизического обоснования философско-исторического познания В.С. Соловьев обосновывает в ряде своих работ: «Чтениях о Богочеловечестве» (1877–1881 гг.), «Философских началах цельного знания» (1877 г.) и других сочинениях. К этому же вопросу Соловьев возвращается спустя 14 лет в 1891 г. в статье-отклике на публикацию Кареевым статьи «Философия, история и теория прогресса». Специально эта проблема анализируется нами в статье «Метафизические основания историософии Вл. Соловьева», опубликованной в 2001 г.¹⁸

Соглашаясь с мыслью Н.И. Кареева о необходимости философского понимания истории, В.С. Соловьев высказывает сомнение в возможности решения ряда философско-исторических вопросов в рамках исторической науки. К таким умозрительным, или метафизическим, вопросам, на решение которых претендуют историки, В.С. Соловьев относит вопросы об исторической причинности, а также «о значении “героев” или великих людей в истории, об исторической

¹⁷ См.: Максимов М.В. Вл. Соловьев и Н.И. Кареев: нужна ли метафизика для философии истории? С. 62.

¹⁸ Максимов М.В. Метафизические основания историософии Вл. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2001. Вып. 1(1). С. 47–75 [15].

роли личности и об ее отношении к “толпе”, к народным массам”¹⁹. Дело в том, считает Соловьев, что для понимания исторического процесса «необходимо объяснить не только частные явления, его составляющие, но и единство, его образующее», необходимо установить не только «формальные причины этого единства, которыми определяется общий ход истории», но и окончательную цель всего процесса²⁰. Как раз этих-то вопросов, подчеркивает Соловьев, и не может разрешить «история на почве своей науки и ее средствами». Она получает их решения, полагает Соловьев, из философии, и прежде всего из решения философского вопроса о субъект-объектных отношениях.

Неудовлетворительное решение этого вопроса Н.И. Кареевым, основывающееся, по мнению Соловьева, на «фантастическом представлении о каких-то двух отдельных мирах объекта и субъекта», привело его к ошибочным взглядам в области философии истории. Анализируя позицию Кареева, Соловьев настаивает на диалектике субъекта и объекта. Их соотношение изменчиво по существу дела, утверждает философ, ибо «то, что для одного субъективно, для другого объективно, и наоборот; и для одного и того же то, что было сперва субъективным, может превратиться в объективное ... Так, моя мысль субъективна для меня, как мое внутреннее состояние, и объективна для другого, как внешний факт; да и для меня самого она становится объективной, как скоро выражается в слове или деле. С другой стороны, все объективно данное, будучи мною усваиваемо в форме ощущения или мысли, необходимо принимает субъективный характер» [7, с. 81].

Как справедливо замечает А.В. Малинов, анализируя позицию Соловьева, «субъективный момент, т.е. стремление к осуществлению идеальных целей, является частью объективной исторической действительности»²¹.

Отрицание диалектической взаимосвязи объекта и субъекта в конечном счете стало причиной, как считает Вл. Соловьев, жесткого противопоставления исторической науки и философии истории. Так, по мнению Н.И. Кареева, «если высшая задача исторической науки состоит в том, чтобы представить объективно эволюцию всех человеческих обществ, то философия истории есть не что иное, как субъективное отношение к этой эволюции, рассмотрение ее с точки зрения прогресса в жизни единого по своей природе человечества» [6, с. 135]. Философия истории не удовлетворяет критериям научности, по мнению Н.И. Кареева, прежде всего потому, что все ее развитие «происходит под сильным влиянием метафизических систем». Несовместимость положительной науки и метафизики, полагает Кареев, обусловлена крайней противоположностью как задач, стоящих перед ними, так и методов, которые применяются для их решения. Положительная наука, – пишет Н.И. Кареев в работе «Основные вопросы философии истории» (1883 г.), – имеет предметом реальные явления в мире феноменов, в то время как для метафизики

¹⁹ См.: Соловьев В.С. Руководящие мысли «Исторического обозрения». С. 77.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Малинов А.В. В.С. Соловьев и Н.И. Кареев: (К истории взаимоотношений). С. 59.

главная задача – «найти скрывающуюся за реальным процессом смены событий и фактов смену моментов некоторого сверхчувственного, идеального процесса», и главный метод – исследование не данного в опыте, а существующего в нашем уме» [16, с. 300–301]. «Гибельность» метафизических методов для философии истории, отмечает Кареев, состоит в том, что для метафизики сущность истории есть «нечто, лежащее за пределами феноменального мира». Поэтому «вместо явлений объективного мира, – пишет Н.И. Кареев, – исследуются субъективные идеи, не как знаки предметов, их признаков, классов, взаимных отношений и т.п., а как самостоятельные реальности; вместо отношений между явлениями, данными или возможными в опыте, исследуются отношения между идеями, как они должны группироваться с известной точки зрения, чисто субъективной» [16, с. 302].

Можно вполне согласиться с оценкой такой позиции, данной А.В. Малиновым: «Философия истории, воздвигаемая на фундаменте положительной науки, осознает свою специфичность через противопоставление метафизике. Позитивная наука, а вслед за ней и кареевская философия истории антиметафизичны. Философия истории опирается на психологию и социологию. Историческая закономерность сводится к законам психологии и социологии. Демаркационная линия вычерчивается на противопоставлении опыта и умозрения, явления и сущности» [4, с. 56].

В отличие от Н.И. Кареева, Вл. Соловьёв убежден в необходимости метафизики для положительной науки. Историческая наука, обращенная к эмпирической истории, сама по себе, на основании одних эмпирических данных не в состоянии, по его мнению, разрешить важнейшую философско-историческую проблему смысла истории. Дело в том, что признание смысла истории связано с метафизическим понятием «цельного развития», указывающим на известное начало и известную цель, в то время как «фактическая история есть отрывок без начала и конца, неопределенный сегмент неизвестной дуги, нечто само по себе лишенное смысла». Если же, указывает Соловьёв в лекции «Метафизика и положительная наука», историческая наука сама по себе не может достигнуть своих высших начал, то она должна получить эти начала от другой – всеобщей и цельной – науки, т.е. метафизики²². Таким образом, для объяснения хода исторического процесса в его целом, считает Соловьёв, «одинаково необходимы как историческая наука, дающая конкретный предмет для разумения, так и философия, которая указывает общие принципы и пути такого разумения»²³.

Историософская метафизика Вл. Соловьёва конечно же не заменяет объективных истин исторической науки. У нее своя задача. Являясь методологическим основанием его историософии, она нацелена, прежде всего, на решение вопроса «о смысле жизни и смысле исторических событий», от решения которого,

²² См.: Соловьёв В.С. Метафизика и положительная наука // Соловьёв В.С. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Соч.: в 15 т. Т. 1 / сост. Н.В. Котрелев, А.А. Носов; Рос. акад. наук. Ин-т философии. М.: Наука, 2000. С. 180 [17].

²³ См.: Соловьёв В.С. Руководящие мысли «Исторического обозрения». С. 80.

по справедливому замечанию Э.Л. Радлова, «зависят все остальные, относящиеся к философии истории»²⁴. В этом отношении Вл. Соловьев был верен традициям мистического реализма русской историософии, еще в XI столетии поставившей перед собой задачу прозрения Абсолютного в истории.

Такова была критика позиции Кареева Соловьевым, можно сказать, с метафизических высот. Но была критика его современниками и с других позиций.

Критическое отношение к Карееву и его творчеству заметно в целом и у В.В. Розанова. В письме В.И. Герье он признавался: «... помню диспут Кареева у Вас, где Вы его поймали на цитате из Тацита, а он, плачевно обращаясь к публике, заговорил, что Вам не нравится его либерализм, и коровы-студенты завыли от восторга, а Вы кусали губы» [18, с. 216]. По существу, Розанов был равнодушен к творчеству Кареева, но не воздерживался от едких замечаний в его адрес. Как отмечает А.Н. Николюкин, в 1913 г. «Розанов иронически писал, что вся его «многолетняя и язвительная полемика против Венгерова и Кареева вытекла из того, что оба – толстые, а толстых писателей я терпеть не могу. Но “труды” их были мне несколько не враждебны (или “все равно”）」 [19, стб. 449].

Один из критиков историософии Кареева П.Н. Милюков утверждает, что «... свою теорией прогресса он [Кареев. – М.М.] не думает объяснять действительного хода истории. Он делает из истории выбор тех явлений, которые ему кажутся “разумными” и имеющими “смысл”. Такого рода выбор, конечно, “не вредит научности”, потому что ничего не имеет общего с наукой; так что если это и забава, то забава невинная» [20, с. 100]. Милюков заявляет, что «разорвав естественную связь между абстрактной и конкретной наукой, г. Кареев превращает прошедшее в “книгу за семью печатями” только для того, чтобы ввести в эту область непроницаемого свой законный субъективизм и иметь удовольствие любоваться в прошлом современными идеалами»²⁵. Ведь, как считает Кареев, «философия истории есть критика прошлого с точки зрения наших идеалов»²⁶.

Теория прогресса Н.И. Кареева была предметом критического рассмотрения Н.Ф. Федоровым, автором религиозно-философского учения о «воскрешении отцов» как «сыновнем долге». В «Записке от неученых к ученым» (1906 г.)²⁷ он пишет: «Прогресс для Кареева есть верховный критерий, посредством кото-

²⁴ См.: Радлов Э.Л. Очерки по истории русской философии [Электронный ресурс]. URL: https://samlib.ru/d/drumbb/ocherki_istorii_philosofii.shtml?ysclid=ml5dct1gx3122924629#ТОС_id20246683 (Дата обращения: 02.02.2026).

²⁵ См.: Милюков П.Н. Историософия г. Кареева («Основные вопросы философии истории»). Ч. I, II, второе переработанное издание. СПб., 1887 // Русская мысль. 1887. Книга XI. С. 101 [20].

²⁶ См.: Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. Т. 1. С. 424.

²⁷ Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. I. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 35–308 [21].

рого он судит историю, ибо философия истории есть суд; в этом и смысл истории, говорит он же. Если же, наоборот, мы возьмем критерием воскрешение, то увидим, что оно, как вмещающее в себе искупление, исключает прежде всего суд. Воскрешение, принятое как критерий, не имеет нужды в споре, оно может не возражать на утверждение, будто бы счастье последующих поколений не было основано на несчастьях предыдущих; но воскрешение не может ограничиться отрицательным благом; оно не только исключает несчастье предыдущих, оно требует их счастья» [21, с. 65]. Нравственная правота Федорова, как подчеркивает С.Г. Семенова, состоит в том, что любовь и уважение своих предшественников возвышает и самих потомков²⁸.

Важно отметить критику субъективных воззрений Кареева Г.В. Плехановым, особенно в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895 г.). Плеханов пишет: «...отличительная черта “субъективных” мыслителей заключается в том, что “мир должного, мир истинного и справедливого” стоит у них вне всякой связи с объективным ходом исторического развития: здесь – “должное”, там – “действительное”, и эти две области отделены одна от другой целой пропастью – той пропастью, которая отделяет у дуалистов мир материальный от мира духовного» [23, с. 549–550].

Как видим, в некоторых аспектах соловьевская критика и плехановская критика Кареева совпадают: нет двух отдельных миров объекта и субъекта, есть их диалектическая взаимосвязь. Но важно отметить и другое: корректное, уважительное отношение Соловьева к своему оппоненту, которого он называл «почтенным редактором», «основателем и председателем Исторического Общества»²⁹. В заключительной части статьи Соловьев отмечает, что «остановился в статье Н.И. Кареева только на том, что нашел неосновательным или ошибочным. Но в этой обширной статье гораздо более верных взглядов и поучительных указаний. <...> Главная тенденция этого издания, как и всех трудов Н.И. Кареева, заслуживает полного сочувствия. Он хочет, чтобы историческая наука поднялась до такого понимания жизни человечества, какое способствует *социально-нравственному* прогрессу самой этой жизни» [7, с. 86].

Причина радикального расхождения двух мыслителей по вопросу о соотношении исторической науки и философии истории, места и роли метафизики кроется, очевидно, в их принадлежности к несовместимым философским позициям: В.С. Соловьева – к метафизике всеединства, Н.И. Кареева – одного «из наиболее плодovitых популяризаторов и продолжателей» позитивизма в России – к позитивистскому пониманию философии³⁰. Как справедливо подчеркивает В.П. Золотарев, виднейший исследователь наследия Кареева, «методологическая часть ис-

²⁸ См.: Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2024. С. 299 [22].

²⁹ См.: Соловьев В.С. Руководящие мысли «Исторического обозрения». С. 75.

³⁰ См.: Малинов А.В. В.С. Соловьев и Н.И. Кареев: (К истории взаимоотношений). С. 53.

торической концепции Н.И. Кареева в целом и всегда (может быть, лишь исключая самое начало научной деятельности ученого и самый ее конец) находилась в потоке позитивистских представлений, к которым прикипел русский историк. Но в этой части своей концепции Н.И. Кареев поставил и разрешил (иногда ошибочно, иногда далеко не бесспорно, а чаще всего научно) многие вопросы исторической методологии, тем самым пробуждая интерес у многих тысяч своих слушателей и читателей, что было действительно в лучших традициях отечественной интеллигенции» [1, с. 29].

Следует отметить, что дискуссия Соловьева и Кареева, развернувшаяся в начале 90-х гг. XIX в., является важным эпизодом в развитии русской гуманитарной мысли конца XIX в. Она в полной мере отвечала состоянию и потребностям развития исторического знания, как подчеркивает Андреас Буллер в своей статье «В.С. Соловьев и вопросы теории истории», «в условиях именно такой, динамично развивающейся и приобретающей новое лицо исторической науки» [13, с. 8]. В связи с этим автор, характеризуя «ситуацию европейской исторической науки конца XIX столетия, неотъемлемой частью которой являлась российская историческая наука»³¹, отмечает вклад в развитие исторической науки В. фон Гумбольдта, Й.Г. Дройзена и В. Дильтея.

Современный российский исследователь наследия В.С. Соловьева А.И. Бродский, оценивая рассматриваемую дискуссию, отмечает, что логико-телеологическую модель истории, которой придерживался Соловьев, в XX в. иногда рассматривают «в качестве некоего условия понимания событий прошлого»³². Действительно, заслуживает внимания позиция известного британского историка и философа Р.Дж. Коллингвуда, утверждавшего в работе «Идея истории» (1946 г.), что «если ... временная последовательность и логическое следование не имеют друг с другом ничего общего, то историческое знание становится невозможным, ибо из этого следовало бы, что тем самым мы теряем право сказать о любом событии: “Так и должно было случиться”, – а прошлое никогда бы не могло стать объектом логического размышления. Если временной ряд – просто совокупность несвязанных событий, мы никогда не смогли бы доказывать от настоящего к прошлому. Но историческое мышление как раз и состоит из ретроспективных доказательств такого рода, и потому оно основывается на предположении (или априорном принципе ...) о существовании внутренних, или необходимых, связей между событиями во временном ряде, так что одно событие необходимо ведет к другому и доказательство от настоящего к прошлому вполне правомерно» [25, с. 106].

Важно, на наш взгляд, отметить еще один момент, выражающий эвристическое значение анализа научного и философского диалога Соловьева и Кареева. Обращаясь к текстологическому, концептуальному и сравнительному анализу

³¹ См.: Буллер А. В.С. Соловьев и вопросы теории истории. С. 8.

³² См.: Бродский А.И. Владимир Соловьев. СПб.: Наука, 2016. С. 50 [24].

текста трактата Соловьёва «Оправдание добра», В.В. Сидорин в названной выше статье формулирует весьма интересное, но требующее, на наш взгляд, дальнейшего исследования предположение о том, что «научная деятельность Н.И. Кареева была немаловажным фактором того интеллектуального контекста, в котором родился, осуществлялся и корректировался замысел соловьёвского трактата»³³.

Анализ взглядов Вл.С. Соловьёва и Н.И. Кареева на проблему соотношения метафизики и философии истории, а также степени изученности этого вопроса в существующей отечественной литературе позволяет сделать вывод, что эта тема остается открытой и ждет углубленного исследования.

Список литературы

1. Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. СПб., 1992. 32 с.
2. Лукьянов С.М. О Вл. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 2. Пг., 1918. 366 с.
3. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.
4. Малинов А.В. Вл. Соловьёв и Н.И. Кареев: (К истории взаимоотношений) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 2. С. 51–60.
5. Кареев Н.И. Разработка теоретических вопросов исторической науки // Историческое обозрение: сб. Исторического общества при Императорском С.-Петербургском ун-те за 1890 г. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. С. 3–34.
6. Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Историческое обозрение: сб. Исторического общества при Императорском С.-Петербургском ун-те за 1890 г. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. С. 113–164.
7. Соловьёв В.С. Руководящие мысли «Исторического обозрения» // Вопросы философии и психологии. 1891, Ноябрь. (Кн. 10). 2 паг. С. 75–86.
8. Котрелев Н.В., Рашковский Е.Б. [Примечания к: «Руководящие мысли исторического обозрения»] // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 696.
9. Радлов Э.Л. Очерки по истории русской философии. 2-е изд., доп. Петербург: Наука и школа, 1920. (98 с.) [Электронный ресурс]. URL: https://samlib.ru/d/drumbb/ocherki_istorii_philosofii.shtml?ysclid=ml5dct1gx3122924629#TOC_id20246683 (Дата обращения: 02.02.2026).
10. Мочульский К. Владимир Соловьёв. Жизнь и учение / 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1951. 286 с.
11. Рашковский Е.Б. О становлении двух тенденций культурной ориентации русской либеральной интеллигенции в семидесятые годы XIX века (Н.И. Кареев и В.С. Соловьёв) // Материалы XXII науч. студ. конф. «Поэтика, история литературы, лингвистика». Тарту, 1967. С. 79–84.
12. Максимов М.В. Вл. Соловьёв и Н.И. Кареев: нужна ли метафизика для философии истории? // Учен. зап. Ивановской гос. арх.-строит. акад. Вып. 6. Иваново, 1997. С. 62–64.
13. Буллер А. В.С. Соловьёв и вопросы теории истории // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 3(47). С. 6–20.
14. Сидорин В.В. Вл.С. Соловьёв и Н.И. Кареев: к творческой истории «Оправдания добра» // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 8–19.

³³ См.: Максимов М.В. Вл. Соловьёв и Н.И. Кареев: нужна ли метафизика для философии истории? С. 8.

15. Максимов М.В. Метафизические основания историософии Вл. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2001. Вып. 1(1). С. 47–75.
16. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. Т. 1. М.: тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1883. 456 с.
17. Соловьев В.С. Метафизика и положительная наука // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Соч.: в 15 т. Т. 1 / сост. Н.В. Котрелев, А.А. Носов; Рос. акад. наук. Ин-т философии. М.: Наука, 2000. С. 176–182.
18. Переписка В.В. Розанова с В.И. Герье / вступ. ст., подгот. текста и коммент. В.Г. Сукача // Контекст-2008. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 203–236.
19. А.Н. Кареев Николай Иванович // Розановская энциклопедия / Российская акад., Ин-т науч. информ. по общественным наукам; сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. Стб. 449.
20. Милюков П.Н. Историософия г. Кареева («Основные вопросы философии истории». Ч. I, II, 2-е перераб. изд. СПб., 1887) // Русская мысль. 1887. Книга XI. С. 90–101.
21. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. I. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 35–308.
22. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2024. 584 с.
23. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. С. 507–730.
24. Бродский А.И. Владимир Соловьев. СПб.: Наука, 2016. 255 с.
25. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 5–320.

References

(Sources)

Collected Works

1. Kareev, N.I. *Osnovnye voprosy filosofii istorii. Kritika istoriosoficheskikh idey i opyt nauchnoy teorii istoricheskogo progressa. T. 1* [Fundamental Problems of the Philosophy of History: A Critique of Historiosophical Ideas and an Outline of a Scientific Theory of Historical Progress. Vol. 1]. Moscow: tipografiya A.I. Mamontova i K^o, 1883. 456 p.
2. Kareev, N.I. *Razrabotka teoreticheskikh voprosov istoricheskoy nauki* [The Development of Theoretical Issues in Historical Science], in *Sbornik Istoricheskogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete za 1890 g. «Istoricheskoe obozrenie». T. 1* [Collection of the Historical Society at the Imperial St. Petersburg University for the Year 1890: Historical Review. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1890, pp. 3–34.
3. Kareev, N.I. *Filosofiya, istoriya i teoriya progressa* [Philosophy, History, and Theory of Progress], in *Sbornik Istoricheskogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete za 1890 g. «Istoricheskoe obozrenie» T. 1* [Collection of the Historical Society at the Imperial St. Petersburg University for the Year 1890: Historical Review. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1890, pp. 113–164.
4. Kotrelev, N.V., Rashkovskiy, E.B. [Primechaniya k: «Rukovodyashchie mysli istoricheskogo obozreniya»] [Notes to: “Guiding Ideas of the Historical Review”], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, p. 696.
5. Plekhanov, G.V. *K voprosu o razvitiy monisticheskogo vzglyada na istoriyu* [On the Question of the Development of a Monistic View of History], in Plekhanov, G.V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. T. 1* [Selected Philosophical Works. Vol. 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956, pp. 507–730.
6. Solov'ev, V.S. *Metafizika i polozhitel'naya nauka* [Metaphysics and Positive Science], in

Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t. Sochineniya v 15 t., t. 1* [Complete Works and Letters in 20 vols. Works in 15 vols., vol. 1]. Moscow: Nauka, 2000, pp. 176–182.

7. Fedorov, N.F. Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t.e. nemirnogo, sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva. Zapiska ot neuchenykh k uchenym, dukhovnym i svetskim, k veruyushchim i neveruyushchim [The Question of Brotherhood, or Kinship, of the Causes of the Unbrotherly, Unrelated, i.e., Unpeaceful, State of the World, and of the Means for the Restoration of Kinship. A Note from the Unlearned to the Learned – Spiritual and Secular – to Believers and Unbelievers], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 35–308.

Individual Works

8. Kareev, N.I. *Prozhitoe i perezhitoe* [My Life and My Experiences]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1990. 382 p.

9. Luk'yanov, S.M. *O VI. Solov'eva v ego molodye gody. Materialy k biografii. Kn. 2* [On Solovyov in His Youth: Materials for a Biography. Book 2]. Petrograd, 1918. 366 p.

10. Perepiska V.V. Rozanova s V.I. Ger'e [Correspondence between V.V. Rozanov and V.I. Guerrier], in *Kontekst-2008* [Context-2008]. Moscow: IMLI RAN, 2009, pp. 203–236.

(Articles from Scientific Journals)

11. Buller, A. V.S. Solov'ev i voprosy teorii istorii [V.S. Solovyov and Questions of the Theory of History], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2015, issue 3(47), pp. 6–20.

12. Maksimov, M.V. VI. Solov'ev i N.I. Kareev: nuzhna li metafizika dlya filosofii istorii? [VI. Solovyov and N.I. Kareev: Is Metaphysics Necessary for the Philosophy of History?], in *Uchenye zapiski Ivanovskoy gosudarstvennoy arkhitekturno-stroitel'noy akademii. Vyp. 6* [Proceedings of Ivanovo State Academy of Architecture and Civil Engineering. Issue 6]. Ivanovo, 1997, pp. 62–64.

13. Maksimov, M.V. Metafizicheskie osnovaniya istoriosofii VI. Solov'eva [The Metaphysical Foundations of Vladimir Solovyov's Historiosophy], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2001, issue 1(1), pp. 47–75.

14. Malinov, A.V. V.S. Solov'ev i N.I. Kareev: (K istorii vzaimootnosheniy) [V.S. Solovyov and N.I. Kareev: Toward a History of Their Relationship], in *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2003, vol. VI, no. 2, pp. 51–60.

15. Milyukov, P.N. Istoriosofiya g. Kareeva («Osnovnye voprosy filosofii istorii»). Ch. I, II. SPb., 1887) [The Historiosophy of Mr. Kareev (Fundamental Problems of the Philosophy of History. Parts I and II. St. Petersburg, 1887)], in *Russkaya mysl'*, 1887, Book XI, pp. 90–101.

16. Sidorin, V.V. VI.S. Solov'ev i N.I. Kareev: k tvorcheskoy istorii «Opravdaniya dobra» [VI.S. Solovyov and N.I. Kareev: Toward the Creative History of The Justification of the Good], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 4(68), pp. 8–19.

17. Solov'ev, V.S. Rukovodyashchie mysli «Istoricheskogo obzreniya» [Guiding Ideas of the Historical Review], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1891, Noyabr' (Kn. 10), 2 pag., pp. 75–86.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

18. A.N. Kareev Nikolay Ivanovich [Kareev Nikolay Ivanovich], in *Rozanovskaya entsiklopediya* [The Rozanov Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 2008, stb. 449.

(Monographs)

19. Brodskiy, A.I. *Vladimir Solov'ev* [Vladimir Solovyov]. Saint-Petersburg: Nauka, 2016. 255 p.

20. Kollingvud, R.Dzh. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. An Autobiography]. Moscow: Nauka, 1980, pp. 5–320.

21. Mochul'skiy, K. *Vladimir Solov'ev. Zhizn' i uchenie* [Vladimir Solovyov: His Life and Teaching]. Parizh: YMCA-Press, 1951. 286 p.

22. Semenova, S.G. *Filosof budushchego veka: Nikolay Fedorov* [Philosopher of the Future Century: Nikolai Fedorov]. Moscow: Pashkov dom, 2024. 584 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

23. Zolotarev, V.P. *Istoricheskaya kontsepsiya N.I. Kareeva: sodержanie i evolyutsiya*. Avtoref. diss. ... d-ra ist. nauk: 07.00.09 [The Historical Conception of N.I. Kareev: Content and Evolution. Abstr. Dr. hist. sci. diss.: Specialty 07.00.09]. Saint-Petersburg, 1992. 32 p.

24. Rashkovskiy, E.B. O stanovlenii dvukh tendentsiy kul'turnoy orientatsii russkoy liberal'noy intelligentsii v semidesyatye gody XIX veka (N.I. Kareev i V.S. Solov'ev) [On the Formation of Two Tendencies in the Cultural Orientation of the Russian Liberal Intelligentsia in the 1870s (N.I. Kareev and V.S. Solovyov)], in *Materialy XXII nauchnoy studencheskoy konferentsii «Poetika, istoriya literatury, lingvistika»* [Proceedings of the 22nd Scientific Student Conference “Poetics, Literary History, Linguistics”]. Tartu, 1967, pp. 79–84.

(Electronic Resources)

25. Radlov, E.L. *Ocherki po istorii russkoy filosofii* [Essays on the History of Russian Philosophy]. Peterburg: Nauka i shkola, 1920 (98 p.). URL: https://samlib.ru/d/drumbb/ocherki_istorii_philosophii.shtml?ysclid=ml5dct1gx3122924629#TOC_id20246683 (Data obrashcheniya: 02.02.2026).

УДК 82(470)

ББК_83.3(2)

Вера Владимировна Королева

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков; Приволжский исследовательский медицинский университет (Владимирский филиал), доцент кафедры общенаучных дисциплин, Россия, Владимир, e-mail: queenvera@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0002-7608

Светлана Васильевна Бузина

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков; Приволжский исследовательский медицинский университет (Владимирский филиал), доцент кафедры общенаучных дисциплин, Россия, Владимир, e-mail: sve3342040@mail.ru, ORCID 0000-0003-3705-4427

Традиция русской антологической поэзии в лирике В.С. Соловьёва

Аннотация. Рассматривается антологическая традиция в лирике В.С. Соловьёва. Предпринимается попытка вычлнить корпус соловьёвских стихотворений, имеющих признаки антологической традиции. Отмечается, что В.С. Соловьёв как поэт, в большей степени принадлежащий к «поэзии созерцательной мысли», замыкает своей поэзией XIX век и открывает XX, поэтому его обращение к античности и к антологическому жанру, который в творчестве ряда поэтов XIX века (А.А. Фета, А.Н. Майкова) занимает существенное место, закономерно и осознанно. Однако отношение к этому жанру к Вл. Соловьёва было двойственное. С одной стороны, философа привлекает антологическая лирика, так как ему интересны поэзия А.А. Фета и А.Н. Майкова и их осмысление античной культуры, с другой стороны, будучи христианским философом-идеалистом, он неоднозначно относится к чувственной красоте античного искусства. Утверждается, что желание Вл. Соловьёва выработать собственную поэтическую стратегию, попробовать себя в разных жанрах и стилях, а также его невероятный культурный кругозор толкают поэта к созданию в духе древних стихотворений и шуточных опытов. В ряде стихотворений Вл. Соловьёва отмечены идиллические мотивы, с которыми органично сопрягается антологическая лирика. Отмечается, что важное место в его поэтическом творчестве занимают переводы античных авторов, демонстрирующие наиболее значимые тексты для русского философа.

Ключевые слова: антологическая лирика, антологическая традиция, античная лирика, идиллические мотивы

Vera Vladimirovna Koroleva

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Doctor of Philology, Head of the Department of Foreign Languages; Privolzhsky Research Medical University, Associate Professor of the Department of General Scientific, Russia, Vladimir, e-mail: queenvera@yandex.ru

Svetlana Vasilyevna Buzina

Vladimir State University named after the Stoletov Brothers, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages; Privolzhsky Research Medical University, Associate Professor of the Department of General Scientific, Russia, Vladimir, e-mail: sve3342040@mail.ru

The Tradition of Russian anthological poetry in the lyrics of V.S. Solovyov

Abstract. This article examines the anthological tradition in the lyric poetry of V.S. Solovyov. It attempts to isolate the corpus of Solovyov's poems that bear the hallmarks of the anthological tradition. As a poet primarily belonging to “the poetry of contemplative thought”, Vladimir Solovyov's oeuvre both closes the 19th century and opens the 20th; consequently, his turn to antiquity and to the anthological genre – which occupies a significant place in the works of several 19th-century poets (A.A. Fet, A.N. Maikov) – is both logical and deliberate. However, Solovyov's attitude towards this genre was ambivalent. On the one hand, the philosopher was drawn to anthological poetry due to his interest in the poetry of Fet and Maikov and their interpretation of ancient culture. On the other hand, as an idealistic Christian philosopher, he held an ambivalent view of the sensual beauty of ancient art. It is argued that Solovyov's desire to formulate his own poetic strategy, to experiment with different genres and styles, together with his remarkably broad cultural horizons, prompted him to create works in the spirit of ancient verse, as well as comic experiments. Idyllic motifs, with which anthological lyrics are organically intertwined, can be discerned in a number of Solovyov's poems. It is also noted that translations of ancient authors, which reveal the texts most significant for the Russian philosopher, occupy an important place in his poetic oeuvre.

Key words: anthological lyrics, anthological tradition, ancient lyrics, idyllic motifs

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.020-032

Интерес к античности у русских поэтов и писателей – это общая тенденция XVIII–XIX вв. Разные эпохи улавливали в древнем искусстве то, что им на тот момент было необходимо: темы, сюжеты, жанры, стилевые принципы. Антологический жанр, заявивший о себе в конце XVIII века в лирике Г.Р. Державина, в полной мере воплотился в творчестве К.Н. Батюшкова, А.А. Дельвига, А.С. Пушкина, а в 40–60-е гг. XIX века был востребован у А.А. Фета, А.Н. Майкова, Н.Ф. Щербины. Так, по наблюдению С.А. Кибальника, в первой половине XIX века «неоклассицизм был одним из направлений, по которым шло утверждение романтизма в русской литературе», но «романтическая сущность неоклассицизма сделалась особенно очевидной в 1840-е гг., когда романтизм развился в творчестве поэтов неоклассической ориентации: А.Н. Майкова, Н.Ф. Щербины, А.А. Фета, Л.А. Мея»¹.

На рубеже XIX–XX веков русская культура, отказавшись от «науки Винкельмана» и взяв «на вооружение ницшеанский миф о Дионисе»², вновь обратилась к античной традиции, но по другому поводу. В эпоху Серебряного века сосуществуют, по мнению Г.С. Кнабе, «три формы освоения античного наследия: обращения к “дионисийскому” началу в теоретических работах и творчестве Вяч. Иванова,

¹ См.: Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1990. С. 34 [1].

² Там же.

Л. Бакста, К. Богаевского; сохранение антично-классического канона как силы, противостоящей декадансу (Н. Бердяев); восприятие античной классики в амальгаме с русской культурой пушкинской поры (неоклассицизм в архитектуре, “Мир искусства”, некоторые мотивы в акмеистической поэзии)» [2, с. 12–13].

Соловьев же идет по своему пути. У него есть зерно всех трех начал. Философа интересовала античность с точки зрения содержания, а не формы. Он не мог ограничиться дионисийством, но, как прообраз мистического экстаза, оно было ему близко (сочетание материального и духовного). Для Соловьева античность – это время слепого предчувствия мистической женственности, софийности, в которой он искал свой идеал, гармонию. Философ считал, что античность потеряла святость, но дала человечеству три подвига, которые он описывает в стихотворении «Три подвига» (1882 г.). Они составляют единый трехступенчатый путь эволюции человеческой души и земного мира. Миф о Пигмалионе символизирует воплощение образа идеальной возлюбленной. Миф о Персее представляет нравственный подвиг – освобождение Души мира от зла. И наконец, миф об Орфее олицетворяет подвиг в борьбе человеческой души с властью смерти.

Соловьев как христианский философ не принимал античного многобожия, бьющую в глаза чувственность, что всегда заканчивалось «дьявольской кровожадностью, или скотским бесстыдством» («Жизненная драма Платона» 1898 г.)³. Но тем не менее он считал античность важной ступенью к христианству, потому что оно рождается именно в недрах эллинистической Иудеи. Для Вл. Соловьева античность многослойна и многообразна: греческая культура у него ассоциируется с искусством и философией, а римская – с войной и разрушением.

Кроме того, античность связана с культом красоты – категория, которая была важна для русского философа. Соловьев дает концепцию своего понимания красоты в статьях «Красота в природе» (1889 г.) и «Общий смысл искусства» (1890 г.).

В статье «Красота в природе» Вл. Соловьев определяет два вида красоты: красота природная, которая является результатом работы высших, провиденциальных сил над просветлением несовершенной материи, и красота искусства, созданная человеком в процессе индивидуального творчества по преобразованию действительности. Оба вида красоты взаимосвязаны, но независимо от генезиса красоты философ убежден, что цель реализуется одна и та же – «эстетически прекрасное должно вести к реальному улучшению действительности»⁴.

Во второй статье «Общий смысл искусства» философ утверждает, что совершенное искусство должно воплотиться в абсолютный идеал и преобразить несовершенства реальной жизни.

³ См.: Соловьев В.С. Жизнь и драма Платона // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 166 [3].

⁴ См.: Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 30–31 [4].

Следует отметить, что в литературоведении проблема «Вл. Соловьев и античность» довольно хорошо изучена. В первую очередь, это касается философских работ поэта (А.Ф. Лосев⁵, Ю.Б. Тихеев⁶ др.). Однако в поле зрения исследователей (З.Г. Минц⁷, Н.Г. Юрина⁸, и др.) не попали такие проблемы, как антологическая лирика Соловьева. На этот аспект творчества поэта исследователи только указывали, но не изучали. Так, например, З.Г. Минц упомянула, что в ряде переводных стихотворений поэта (переводы из Гафиза) заметны анакреонтические традиции русской лирики⁹. На наш взгляд, обращение к этим вопросам позволит глубже понять как эстетические и литературные взгляды и стилистические стратегии самого поэта, так и жанровые и стилевые искания русской литературы рубежа веков. Новизна настоящего исследования связана, прежде всего, с попыткой вычленения корпуса соловьевских стихотворений, имеющих признаки антологической традиции, рассмотрения бытования и различной трансформации антологической лирики в творчестве Вл. Соловьева. Владимир Соловьев как поэт, в большей степени принадлежащий к «поэзии созерцательной мысли»¹⁰, замыкает своей поэзией XIX век и открывает XX века, поэтому его обращение к античным мотивам и к антологическому жанру, который в творчестве ряда поэтов XIX века (А.А. Фет, А.Н. Майков, А.А. Дельвиг) занимает существенное место, закономерно и осознанно.

Т.Г. Мальчукова пишет о двояком понимании слова «антологический»: первое – «в духе античной лирики»; второе – «по образцу греческой эпиграммы». Если первое определение связано с воспроизведением «духа античной эпохи и исключает намеренную модернизацию», то второе – пониманием античного жанра (необязательно эпиграммы, это может быть элегия, идиллия и др.) как «живого жанра новой поэзии»¹¹ и, следовательно, допускающего современное содержание.

Мнение Т.Г. Мальчуковой совпадает со взглядами В.А. Грехнева на антологический жанр: «антологическая пьеса, несмотря на относительную замкнутость своего жанрового объекта, сориентирована в двух временных измерениях

⁵ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 115–290 [5].

⁶ См.: Тихеев Ю.Б. Платоническая космология и сотериология в поздней философии В.С. Соловьева // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2012. № 5. С. 17–25 [6].

⁷ См.: Минц З.Г. Владимир Соловьев – поэт // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 5–56 [7].

⁸ См.: Юрина Н.Г. Литературно-художественное творчество В.С. Соловьева в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль): дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2019 [8].

⁹ См.: Минц З.Г. Владимир Соловьев – поэт. С. 32.

¹⁰ См.: Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 483 [9].

¹¹ См.: Мальчукова Т.Г. «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Антологические эпиграммы» в лирике А.С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1990. С. 52 [10].

сразу: в прошлом и в современности. Она исключает прямые и явные пересечения с современной реальностью, не допускает мировоззренческого разрыва между субъектом и объектом изображения, но, оставаясь в своих жанровых пределах, все-таки перекликается с духовными поветриями времени. Не вовлекая их в сферу изображения, антологическая пьеса реагирует на историческую реальность единственно доступным ей способом, вытекающим из природы жанра. Она является на свет, как правило, в те эпохи, когда в духовной динамике времени резко ослабевает гармоническое начало» [11, с. 34]. Рубеж XIX–XX веков и был тем временем, когда тяга к безусловной красоте искусства и гармонии стала невероятно актуальной для многих поэтов Серебряного века.

По мысли других исследователей (С.А. Кибальник¹², А.В. Успенская¹³ и др.), именно в творчестве Фета и Майкова берет начало более широкое употребление термина «антологический жанр», основу которого составили собственно антологические стихотворения, анакреонтические пьесы, идиллии, эпиграммы (надписи) и послания в духе древних.

Применительно к лирике Вл. Соловьёва стоит придерживаться именно широкого понимания термина «антологический жанр». Кроме того, трудно говорить о реализации антологического жанра в его поэзии целиком, но его переработка и рецепция присутствуют, обнаруживая на выходе неожиданный результат. Проводниками Вл. Соловьёва по антологическому жанру были Фет, Майков, но, надо думать, и пушкинско-дельвиговская антологическая традиция не была чужда поэту. Проблема влияния Фета на лирику и творческую судьбу Вл. Соловьёва хорошо изучена (С.А. Ипатова¹⁴, Ю.Ю. Анохина¹⁵, Л.Л. Пильд¹⁶ и др.).

Вл. Соловьёв создает два стихотворения, посвященные памяти своих поэтических учителей, – «А.А. Фету» («Перелетев на крыльях лебединых...» 1884 г.) и «На смерть Майкова» (1897 г.), среди заслуг отмечает их умение преодолевать «двойную грань пространства и веков»¹⁷ и «вызывать к грядущему то, что миновало»¹⁸.

Влияние Фета-антологиста проявляется, прежде всего, в манере создавать особенные антологические пейзажи, наполненные покоем и отрешенностью от всего суетного. В нескольких стихотворениях Вл. Соловьёва можно отметить

¹² См.: Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. С. 253.

¹³ См.: Успенская А.В. Антологическая поэзия А.А. Фета: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1990. С. 7 [12].

¹⁴ См.: Ипатова С.А. Об участии В.С. Соловьёва в фетовском переводе «Энеиды» Вергилия // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 119–135 [13].

¹⁵ См.: Анохина Ю.Ю. Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьёва: к вопросу о методологии / *Litera*. 2023. № 11. С. 32–44 [14].

¹⁶ См.: Пильд Л. «Вечерние огни» Фета и «зодчество» Соловьёва // От Кибирова до Пушкина: сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 436–447 [15].

¹⁷ См.: Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд., 1974. С. 72 [16].

¹⁸ Там же. С. 116.

идиллические мотивы, с которыми органично сопрягается антологическая лирика: «Прощание с морем» (1893 г.), «Этот матово-светлый жемчужный простор...» (1894 г.), «Тебя полюбил я, красавица, нежная...» (1894 г.). В стихотворении «Этот матово-светлый жемчужный простор...» обращает на себя внимание идиллическая модальность, которая создается, в первую очередь, с помощью умиротворяющего пейзажа, навеянного образами финского озера Саймы, красоты которого много раз вдохновляли поэта. В стихотворении нет античного колорита, роскошной южной красоты, но русская идиллическая традиция эволюционировала именно в сторону создания русской идиллии.

В связи с этим стихотворением Вл. Соловьева можно вспомнить стихотворение Фета «Уснуло озеро; безмолвен черный лес...» (1847 г.), входящее в цикл антологических произведений и стоящее особняком из-за отсутствия в нем античного антуража. Фет, тщательно подбирая детали, создает в нем неброский пейзаж среднерусской полосы: озеро, черный лес, луна, похожая на молодого лебедя, тяжелый карп, уснувшие рыбаки, трель соловья и русалка. Ощущения лирического субъекта переведены в аудиальную сферу и создают спокойный звуковой ряд. Вл. Соловьев использует фетовские детали: зеркальный простор северного озера, в котором отражаются небо и черный лес. Стихотворение Вл. Соловьева также наполнено звуками («детский крик или бубенчики стада»), которые «звучат тишиной, не смущая безмолвной отрады» и даря «чарующую негу»¹⁹.

А.Н. Майков внес существенный вклад в разработку античной традиции в русской литературе. На созданные Майковым антологические стихотворения оказали влияние и чтение в подлинниках римских классиков, и увлечение опытами в духе Батюшкова и позднего Пушкина. По наблюдению А.В. Успенской, «... раздел “В антологическом роде” Майкова достаточно разнородный, в нем собраны пейзажные зарисовки, которые роднит с антологией только общий тон гармонического спокойствия, они соседствуют с отрывками в духе античных элегий, идиллий, эпиграмм, со стихотворениями в гораццианском духе...» [12, с. 31].

Стоит отметить, что отношение к творчеству и личности А.Н. Майкова у Вл. Соловьева было непростым. С одной стороны, он пишет о Майкове статью для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1895 г.), в которой хвалит его антологические стихи, наполненные «древнеэллиническим эстетическим мироощущением с явно преобладающим эпикурейским характером»²⁰, чуждым самому Вл. Соловьеву. С другой стороны, Е.А. Тахо-Годи отмечает, что Вл. Соловьев не принимает в Майкове как в «классике» его измену «классическому пониманию идеала добра и красоты, его собственное впадение в духовное, нравственное, историческое и, наконец, национальное “декадентство”, когда, соблазненный “бесом политической агитации”, он взялся за похвалу злу и неправде “лукавыми словами”» [18, с. 25].

¹⁹ См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 106.

²⁰ См.: Соловьев В.С. Майков (Аполлон Николаевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XVIII (35). СПб., 1896. С. 371 [17].

Стихотворение Вл. Соловьёва «Истинно тот есть любимец богов, кто жизни весною...» (1876 г.), безусловно, можно отнести к антологическим опытам. Вл. Соловьёв воссоздает античный колорит, использует греческий номинативный ряд (царица Китеры, музы и хариты, Кронос) и гекзаметр без рифмы²¹. Тема стихотворения абсолютно антологическая – рождение истинного поэта, в стихах которого заключаются гармония и все богатство мира. В этом стихотворении можно предположить стилистическое и тематическое влияние Майкова, в чьих антологических произведениях («Октава», «Искусство», «Свирель», «Овидий», «Муза, богиня Олимпа...», «Мысль поэта», «Сомнение», «Поэзия», «Гезиод») тема искусства, рождения стиха, судьбы поэта занимает важное место.

В стихотворении «Гезиод» предстает полная гармония мира и поэта, возможная только во времена Золотого века: молоко и мед с божественных холмов «питали гения младенческие силы», юные нимфы, «покинув Геликон»²², насыщают поэта амброзией, танцуют и поют вокруг его колыбели, дубравы лелеют его младенческие годы. Не так завидна судьба поэта у Вл. Соловьёва: в юности его голову не венчают миртом и не одаривают женской любовью, думы его угрюмы и скрытны. Но именно в этой недолюбленной и непризнанной душе рождается то, что «в одну непреклонную силу сольется, волшебным // Мощным потоком все думы людские обнимет, // Цепь золотую сомкнет и небо с землей сочетает»²³. Такой поэт является истинным любимцем богов. Майковские пейзажные зарисовки не присутствуют в стихотворении Вл. Соловьёва. Таким образом, Вл. Соловьёв не унаследовал антологическую традицию Майкова, а, скорее, оттолкнулся от нее, оставив ряд узнаваемых в антологической лирике образов, стихотворный размер, наполнив текст иными смыслами.

Пушкинско-дельвиговская антологическая традиция, особенно приверженность Дельвига к идиллическому жанру, вероятно, тоже не чужда Вл. Соловьёву. Идиллическим настроением проникнуто стихотворение Вл. Соловьёва «Тебя полюбил я, красавица, нежная...», написанное им в тот же день, что и «Этот матово-светлый жемчужный простор...», кроме того, оно развивает традиционную идиллическую тему: печальный скиталец рад обрести долгожданный покой с прекрасной возлюбленной на лоне природы. У этого идиллического сюжета богатая европейская и русская литературная история, берущая начало еще в анакреонтической поэзии К.Н. Батюшкова, повлиявшего на антологическую лирику поэтов пушкинского круга и поколения. Так, лирический герой А.А. Дельвига в стихотворении «Тихая жизнь» (1816 г.) даже готов променять поэтическую славу на «в безвестности покой и счастье в Лилите»²⁴.

²¹ См.: Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 64.

²² См.: Майков А.Н. Избранные произведения / вступ. ст. Ф.Я. Приймы; сост., подгот. текста, примеч. Л.С. Гейро. Л.: Сов. писатель, 1977. С. 50 [19].

²³ См.: Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 64.

²⁴ См.: Дельвиг А.А. «Тихая жизнь» // Дельвиг А.А. Полн. собр. стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.В. Томашевского. Ленинград: Сов. писатель. Ленингр. отд., 1959. С. 80 [20].

В стихотворении Вл. Соловьева «Прощание с морем», конечно, присутствуют аллюзии на стихотворение Пушкина «К морю» (1824 г.). Но есть основания увидеть в этом стихотворении антологические черты: оно написано гекзаметром и наполнено зримыми чувственными описаниями моря («тоскою влюбленной», «жадно впиваться ... очами», «незабвенные ласки») ²⁵, так мало характерными для стилистики Вл. Соловьева. Олицетворяя море, поэт называет его «подругою светло-зеленою», создавая ощущение, что он прощается не с холодным северным морем, а теплым, южным, способным дарить телесное наслаждение. В этом стихотворении Вл. Соловьева чувствуется тот истинный антологический, эллинский дух, о котором по поводу антологических стихотворений Пушкина так восторженно писал Белинский: «...Почти ничего не переводил из Греческой Антологии, но писал в ее духе так, что его оригинальные пьесы можно принять за образцовые переводы с греческого» [21, с. 323].

В лирике Вл. Соловьева представлены антологические стихотворения и малых форм: эпиграммы, надписи («Надпись на книге “Оправдание добра”» (1896 г.)), шуточная эпитафия («Эпитафия» (1892 г.)). Написанная гекзаметром или пентаметром эпиграмма-надпись на статуе относится к одному из древнейших греческих жанров, позднее Катулл и Марциал привнесли в нее иронический или даже сатирический подтекст.

Вл. Соловьев переводит эпиграмму-надпись итальянского композитора и поэта первой половины XVI века из знаменитого флорентийского рода Строщи Джованни Строщи, которую тот посвятил статуе «Ночь» работы Микеланджело Буонарроти. («Эпиграмма Дж. Б. Строщи на статую “Ночь” Микель-Анджело» (1883 г.)) Эта аллегорическая статуя, украшающая гробницу саркофага Джулиано Медичи в капелле семьи Медичи, изображает женщину, которая спит в причудливо вывернутой, неудобной позе.

Ты Ночь здесь видишь в сладостном покое.
Из камня Ангелом изваяна она,
И если спит, то жизнь полна:
Лишь разбуди – заговорит с тобою!» [16, с. 186]

Конечно, Вл. Соловьев, переводя эпиграмму Строщи, не мог не вспомнить блистательные надписи Пушкина («На статую играющего в бабки», «На статую играющего в свайку», «Царскосельская статуя») и Дельвига («Надпись на статую Флорентийского Меркурия», «Купидону»), но и знаменитое антологическое стихотворение Фета «Диана», в котором статуя богини оживает на глазах восхищенного наблюдателя, не осталось без внимания Соловьева. Описание статуй, живописных полотен и произведенных ими впечатлений – одна из глав-

²⁵ См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 99.

ных тем антологических стихотворений Фета («Диана», «Кусок мрамора», «Венера Милосская», «Диана, Эндимион и Сатир», «Даки», «Нимфа и молодой сатир»), продолжающих пушкинско-дельвиговскую традицию.

Микеланджело ответил на эпиграмму-надпись Строцци ироничной эпиграммой, в чем видна не только шутка на злобу дня, но и остроумная игра двух видов эпиграмм, которая, вероятно, не ускользнула от внимания Соловьева-переводчика:

Мне сладок сон, и слаще камнем быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядеть – одно спасенье...
Умолкни, чтоб меня не разбудить [16, с. 186].

Ф.И. Тютчев, озабоченный общественно-политической обстановкой в стране во время Крымской войны, очень тщательно переводил только ответ Микеланджело (сохранились три русских и один французский перевод), но исходная эпиграмма-надпись Строцци, по-видимому, его не интересовала. В этом переводе Строцци-Микеланджело есть нечто привлекательное для Соловьева: здесь соединяется античное и ренессансное, тонкая игра эпох, жанров и смыслов, а также блестящее остроумие поэта, на которое обращает внимание З.Г. Минц²⁶.

Стоит отметить еще один знаковый античный текст, переведенный Вл. Соловьевым, – «Четвертая эклога Вергилия» (1887 г.). Именно Фет посоветовал сделать перевод максимально близким к оригиналу. Как христианскому философу Четвертая эклога, предсказывающая рождение чудесного младенца и наступление Золотого века, весьма интересна Вл. Соловьеву, но и внимательное отношение к античной литературе, возникшее под влиянием Фета, побуждает Вл. Соловьева взяться за перевод Вергилия. По мнению Н.Г. Юриной, обращение Соловьева к переводам продиктовано поиском собственного пути в лирике, желанием найти в творчестве близких по духу и эстетическим взглядам авторов некую поддержку, способ объективизации личных чувств и эмоций, форму выражения той или иной мысли²⁷.

У Вл. Соловьева есть несколько оригинальных эпиграмм, но особенный антологический дух чувствуется в эпиграмме, обращенной к Я.П. Полонскому в честь его 75-летия («С жизнью алмазная свадьба поэта...» (1895 г.)). Вл. Соловьев использует гекзаметр, вводит образ верной музыки. Выбор антологической эпиграммы для поздравления юбиляра неслучаен: хотя Полонский не относится к поэтам, писавшим антологические стихи, в критическом очерке «Поэзия

²⁶ См.: Минц З.Г. Владимир Соловьев – поэт. С. 37.

²⁷ См.: Юрина Н.Г. Литературно-художественное творчество В.С. Соловьева в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль): дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2019. С.152.

Я.П. Полонского» (1896 г.) Вл. Соловьёв называет его «Кассандру» одной из «более крупных жемчужин»²⁸.

Из иронических эпиграмм Вл. Соловьёва можно отметить «Эпиграммы» (1897 г.) из двух частей «Придет к нам, верно, из Лесбоса...», в которых поэт дважды упоминает имя Катулла, родоначальника язвительных эпиграмм. Кроме того, в ироничном стихотворении «Das Ewig-Weibliche» (1898 г.) герой Вл. Соловьёва обращается к чертам, предрекая им скорое появление вечной женственности, совмещающей в себе красоту мирской Афродиты и нетленную красоту духа. Эту красоту черти не смогут испортить так, как они когда-то испортили античную Афродиту, растрив ее: «Адское семя растленья и смерти // В образ прекрасный вы сеять могли»²⁹. Несмотря на свою шуточность, это стихотворение отражает очень важные мировоззренческие установки поэта, заявленные им в статье «Красота в природе», где он рассуждает о взаимосвязи красоты природы и красоты искусства. Вечная женственность – это и есть торжество красоты природы, духа и искусства, миссия которой преобразовать действительность и укротить умных и гордых чертей. Это стихотворение перекликается с шуточными пьесами Вл. Соловьёва, где автор, стилистически пародируя традицию немецкого романтизма, впадает в пошлость³⁰.

Таким образом, с одной стороны, Вл. Соловьёва привлекает антологическая лирика Фета, Майкова, Пушкина и Дельвига, их интерес к античной культуре, с другой стороны, будучи христианским философом-идеалистом, остается чужд чувственной красоте античного искусства и образу жизни. Но желание выработать собственную поэтическую стратегию, попробовав себя в разных жанрах и стилях, невероятный культурный кругозор толкают поэта к созданию стихотворений в духе древних поэтов, переводам и шуточно-хулиганским опытам.

Список литературы

1. Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1990. 272 с.
2. Кнабе Г.С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: Российск. гос. гуман. ун-т, 2000. 240 с.
3. Соловьёв В.С. Жизненная драма Платона // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 161–211.
4. Соловьёв В.С. Красота в природе // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 30–73.
5. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Молодая гвардия, 2000. 613 с.
6. Тихеев Ю.Б. Платоническая космология и сотериология в поздней философии В.С. Соловьёва // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2012. № 5. С. 17–25.

²⁸ См.: Соловьёв В.С. Поэзия Я.П. Полонского // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 538 [22].

²⁹ См.: Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 120.

³⁰ См.: Королева В.В. «“Гофмановский комплекс” в шуточных пьесах Вл. Соловьёва (“Белая лилия”, “Альсим”, “Дворянский бунт”))» // Вестник КГУ. 2018. № 3. С. 138–142 [23].

7. Минц З.Г. Владимир Соловьёв – поэт // Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд., 1974. С. 5–56.
8. Юрина Н.Г. Литературно-художественное творчество В.С. Соловьёва в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль): дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2019. 685 с.
9. Соловьёв В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 483–506.
10. Мальчукова Т.Г. «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Антологические эпиграммы» в лирике А.С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1990. С. 48–72.
11. Грехнев В.А. О жанре антологической пьесы в лирике А.С. Пушкина // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1984. С. 31–50.
12. Успенская А.В. Антологическая поэзия А.А. Фета: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994. 235 с.
13. Ипатова С.А. Об участии В.С. Соловьёва в фетовском переводе «Энеиды» Вергилия // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 4(68). С. 119–135.
14. Анохина Ю.Ю. Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьёва: к вопросу о методологии // *Litera*. № 11. С. 32–44.
15. Пильд Л. «Вечерние огни» Фета и «зодчество» Соловьёва // От Кибирова до Пушкина: сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 436–447.
16. Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд., 1974. 352 с.
17. Соловьёв В.С. Майков (Аполлон Николаевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIII (35). СПб., 1896. С. 371–374.
18. Тахо-Годи Е.А. Лирика К.М. Фофанова в восприятии Вл. Соловьёва. Ч. 3 // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 4(80). С. 23–39.
19. Майков А.Н. Избранные произведения / вступ. ст. Ф.Я. Приймы, сост., подгот. текста, примеч. Л.С. Гейро. Л.: Сов. писатель, 1977. 910 с. («Библиотека поэта. Большая серия»).
20. Дельвиг А.А. «Тихая жизнь» // Дельвиг А.А. Полн. собр. стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.В. Томашевского. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд., 1959. 369 с.
21. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина – Ст. 5 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7 Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 1843–1846. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 740 с.
22. Соловьёв В.С. Поэзия Я.П. Полонского // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 518–542.
23. Королёва В.В. «Гофмановский комплекс» в шуточных пьесах Вл. Соловьёва («Белая лилия», «Альсим», «Дворянский бунт») // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2018. Т. 24, № 3. С. 138–142.

References

(Sources)

Collected works

1. Belinskiy, V.G. *Sochineniya Aleksandra Pushkina* [Aleksandr Pushkin's Works], in Belinskiy, V.G. *Polnoe sobranie sochineniy v 13 t., t. 7* [Collected Writings in 13 vols., vol. 7]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. 740 p.
2. Del'vig, A.A. «Tikhaya zhizn'» [“A Quiet Life”], in Del'vig, A.A. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Collected Writings]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1959. 369 p.
3. Maykov, A.N. *Izbrannye proizvedeniya* [Chosen works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1977. 910 p.

4. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poetry and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1974. 352 p.

Individual works

5. Mints, Z.G. Vladimir Solov'ev – poet [V. Solovyov is a poet], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poetry and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1974, pp. 5–56.

6. Solov'ev, V.S. Zhiznennaya drama Platona [Plato's life drama], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 161–211.

7. Solov'ev, V.S. Krasota v prirode [Beauty in nature], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 30–73.

8. Solov'ev, V.S. Poeziya A.K. Tolstogo [The Poetry of Count A.K. Tolstoy], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 483–506.

9. Solov'ev, V.S. Poeziya Ya.P. Polonskogo [Poetry by Yakov Polonsky], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 518–542.

10. Solov'ev, V.S. Maykov (Apollon Nikolaevich) [Maykov (Apollon Nikolaevich)], in *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona T. XVIII (35)* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. XVIII (35)]. Saint-Petersburg, 1896, pp. 371–374.

(Articles from Scientific Journals)

11. Koroleva, V.V. «Gofmanovskiy kompleks» v shutochnykh p'esakh Vl. Solov'eva («Belaya liliya», «Al'sim», «Dvoryanskiy bunt») [“The Hoffmann complex” in the comic plays of V. Solovyov (“The White Lily”, “Alsim”, “Noble Rebellion”)], in *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova*, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 138–142.

12. Tikheev, Yu.B. Platonicheskaya kosmologiya i soteriologiya v pozdney filosofii V.S. Solov'eva [Platonic Cosmology and Soteriology in the Late Philosophy of V.S. Solovyov], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya*, 2012, no. 5, pp. 17–25.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

13. Anokhina, Yu.Yu. Lirika A.A. Feta v interpretatsii Vl. Solov'eva: k voprosu o metodologii [The lyrics of A.A. Fet as interpreted by V. Solovyov: on the issue of methodology], in *Litera*, 2023, no. 11, pp. 32–44.

14. Grekhnev, V.A. O zhanre antologicheskoy p'esy v lirike A.S. Pushkina [About the genre of the anthological play in the lyrics of A.S. Pushkin], in *Boldinskie chteniya* [Boldinsky readings]. Gor'kiy: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984, pp. 31–50.

15. Ipatova, S.A. Ob uchastii V.S. Solov'eva v fetovskom perevode «Eneidy» Vergiliya [About V.S. Solovyov's participation in the Fetov translation of Virgil's Aeneid], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2020, issue 4(68), pp. 119–135.

16. Mal'chukova, T.G. «Podrazhaniya drevnim», «Epigrammy vo vkuse drevnikh» i «antologicheskie epigrammy» v lirike A.C. Pushkina [“Imitations of the ancients”, “Epigrams in the taste of the ancients” and “Anthological epigrams” in the lyrics of A.S. Pushkin], in *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetry]. Petrozavodsk, 1990, pp. 48–72.

17. Pil'd, L. «Vechnie ogni» Feta i «zodchestvo» Solov'eva [Fet's “Evening Lights” and Solovyov's “Architecture”], in *Ot Kibirova do Pushkina: sbornik v chest' 60-letiya N.A. Bogomolova* [From Kibirov to Pushkin: A Collection in Honor of N.A. Bogomolov's 60th Birthday]. Moscow, 2011, pp. 436–447.

18. Takho-Godi, E.A. Lirika K.M. Fofanova v vospriyatii Vl. Solov'eva [K.M. Fofanov's lyrics in the perception of V. Solovyov], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 4(80), pp. 23–39.

(Monographs)

19. Kibal'nik, S.A. *Russkaya antologicheskaya poeziya pervoy treti XIX veka* [Russian anthological poetry of the first third of the XIXth cen.]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1990. 272 p.

20. Knabe, G.S. *Russkaya antichnost'. Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture Rossii* [Russian antiquity. The content, role and fate of the ancient heritage in Russian culture]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2000. 240 p.

21. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremena* [V. Solovyov and his time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2000. 613 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

22. Uspenskaya, A.V. *Antologicheskaya poeziya A.A. Feta*. Diss. ... kand. filol. nauk [A.A. Fet's anthological poetry. Cand. philol. sci. diss.]. Saint-Petersburg, 1994. 235 p.

23. Yurina, N.G. *Literaturno-khudozhestvennoe tvorchestvo V.S. Solov'eva v kontekste russkoy slovesnosti vtoroy poloviny XIX v. (estetika, poetika, stil')*. Diss. ... d-ra filol. nauk [V.S. Solovyov's Literary and Artistic Works in the Context of Russian Literature of the Second Half of the 19th Century (Aesthetics, Poetics, and Style). Dr. philol. sci. diss.]. Saransk, 2019. 685 p.

УДК 141(470)

ББК 87.3(2)522-685

Василий Львович Черноперов

Ивановский государственный университет, Институт гуманитарных наук, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Россия, Иваново, e-mail: vlchernoperov@rambler.ru

Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет Институт гуманитарных наук, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Россия, Иваново, e-mail: smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Будущее России в философской рефлексии Владимира Соловьёва¹

Аннотация. Высказывается точка зрения на выступления участников международного Круглого стола, напечатанные в журнале «Соловьёвские исследования» в 2024 и 2025 годах. Анализируется содержание и контекст итогового сочинения В.С. Соловьёва «Три разговора», большое внимание уделяется также его статье «Россия через сто лет». В философской рефлексии Владимира Соловьёва разграничивается «слишком человеческое» и то, что ведет мыслителя к поиску Промысла Божия в судьбах мира и России. В этой связи отмечается неоднозначность и напряженность творческих предугадываний философом будущего России. В заключение поддерживается призыв М.В. Медоварова защищать наследие Владимира Соловьёва и высказываются предложения на этот счет.

Ключевые слова: философская рефлексия Владимира Соловьёва, апология соловьёвского наследия, русская идея, европоцентризм, философия носферы

Vasily Lvovich Chernoperov

Ivanovo State University, Institute of Humanities, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of Universal History and International Relations, Russia, Ivanovo, e-mail: vlchernoperov@rambler.ru

Dmitry Grigorievich Smirnov

Ivanovo State University, Institute of Humanities, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Russia, Ivanovo, e-mail: philosivgu@yandex.ru

The Future of Russia in the Philosophical Reflection of Vladimir Solovyov

Abstract. This article presents the authors' perspective on the contributions to the International Round Table published in the journal *Solovyov Studies* in 2024 and 2025. It analyzes the content and context of V.S. Solovyov's final work, *Three Conversations*, with considerable attention also

¹ Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025 – 03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России». The article was prepared as part of the terms of reference for research commissioned by Ivanovo State University no. 2025 – 03 “Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world and the future of Russia”.

devoted to his article “Russia in a Hundred Years”. Within Vladimir Solovyov's philosophical reflection, a distinction is drawn between what is “all too huma” and what leads the thinker to seek Divine Providence in the destinies of the world and Russia. In this connection, the ambiguity and tension evident in the philosopher's creative anticipations of Russia's future are noted. In conclusion, the authors support M.V. Medovarov's call to defend the legacy of Vladimir Solovyov and offer their own proposals in this regard.

Key words: philosophical reflection of Vladimir Solovyov, defense of Solovyov's legacy, Russian Idea, Eurocentrism, philosophy of the noosphere

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.033-040

Карл Ясперс как-то заметил, что «постижение осевого времени определяет наше осознание современной ситуации и исторического развития»². Дуется, что этот познавательный «императив» может быть экстраполирован на значимые вехи и избранные персоналии интеллектуальной истории любой культуры. В контексте русской (российской) культуры подобный объяснительный потенциал характерен в первую очередь для фундаментальной философии Владимира Сергеевича Соловьёва, которая во многом определила лик отечественного «любомудрия».

Философская рефлексия Владимира Соловьёва настолько многогранна и содержательна, что было бы недостаточно провозглашать только его главные утверждения, афоризмы и выводы. В ней – этой «рефлексии малых форм» – огромное значение имеет контекст, необыкновенная эрудиция, живая текучесть его мысли. Н.А. Бердяев был во многом прав, когда писал, что Вл. Соловьёв, действительно, «открывается в отдельных строках и между строк, в отдельных стихах и небольших статьях»³.

Не раз это наблюдение Н.А. Бердяева приходило на ум во время чтения разнообразных и содержательных текстов ученых, откликнувшихся на призыв главного редактора журнала «Соловьёвские исследования» профессора М.В. Максимов⁴ отреагировать на довольно своеобразное интервью московского философа Б.В. Межуева⁵, в котором он высказался о соловьёвском видении миссии России и русского народа. Действительно, данное интервью

² См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 50 [1].

³ См.: Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьёва // Бердяев Н.А. Славянофилы и свобода совести: сб. статей 1908–1912 гг. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 31 [2].

⁴ См.: Максимов М.В. К исследователям наследия Вл.С. Соловьёва и читателям журнала «Соловьёвские исследования» // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 6 [3].

⁵ См.: Межуев Б.В. «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьёв считал, что Россия объединит все человечество? // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 7–19 [4].

дает еще один повод для обсуждения наследия Владимира Сергеевича Соловьёва и поиска новых возможностей его интерпретации. Замечание Н.А. Бердяева оказывается очень уместным и убедительным на фоне зачастую весьма категоричных суждений ученых нашего времени. Так, И.И. Евлампиев объявляет Владимира Соловьёва «великим гностическим философом»⁶. С.Д. Титаренко заявляет, что статья «Русская идея» (1888 г.) является «центральной» для творчества В.С. Соловьёва⁷. Да и сам Б.В. Межуев как-то очень схематично проводит параллели философской мысли В.С. Соловьёва с реалиями нашего времени. (Хотя в случае с интервью Б.В. Межуева стоит учесть, что его соображения – только выступление перед широкой публикой.)

В этой связи интересны и показательны отклики участников обсуждения интервью Б.В. Межуева. Немалое число исследователей упоминают те или иные суждения автора, но очень бегло, без анализа. И только два автора уделяют им существенное внимание. В частности, В.П. Океанский, соглашаясь с Б.В. Межуевым в том, что в числе ведущих направлений русской философии следует назвать всеединство, лейбницианство и экзистенциализм, задается вопросом: а где же евразийство?⁸ Ответ, вероятно, состоит в том, что евразийство не имеет преемственной связи с наследием В.С. Соловьёва, а главное, не очень ясно, создало ли оно что-либо значительное в русской философии. На этот счет могут быть разные мнения. Но еще большее недоумение вызывает следующее утверждение В.П. Океанского: «А кроме того, надо указать и на философию сердца (от П.Д. Юркевича, оказавшего влияние на Соловьёва, до Б.П. Вышеславцева и позднего И.А. Ильина), которая могла бы быть противопоставлена активно педантируемой сегодня ноосферологии» [7, с. 70]⁹. Такое «противопоставление», очевидно, носит формальный характер и в основе своей «ссылается» на контрадикторность ума (как *νοῦς*) сердечному ведению. Вместе с тем ноосферные исследования всегда исходили не только из преемственности философии всеединства В.С. Соловьёва и «философии ноосферы» В.И. Вернадского¹⁰, но и из концептуального значения «философии сердца» в ноосферном дискурсе¹¹. Особый

⁶ См.: Евлампиев И.И. Владимир Соловьёв – великий гностический мыслитель // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 3(83). С. 68–75 [5].

⁷ См.: Титаренко С.Д. «Русская идея» Вл. Соловьёва и «О русской идее» Вяч. Иванова: риторика пророческого слова и тезаурус мысли // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 4(84). С. 30 [6].

⁸ См.: Океанский В.П. Эсхатологический реализм как русская философия будущего // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 4(84). С. 69 [7].

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ См.: Смирнов Г.С. Софийность и ноосферность: парадоксы соприкосновения двух гениев // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 5(20). С. 72 [8].

¹¹ См.: Дмитревская И.В. Богочеловек Вл. Соловьёва – ноосферный человек – «прекрасный человек» А.П. Чехова // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 5(20). С. 85–93 [9]; Дмитревская И.В. Метафизика злого сердца: проблема онтологизации зла в бытии мира и человека. М.: ФЛИНТА, 2013. 352 с. [10].

случай – статья С.М. Усманова¹², который, кажется, задался целью опровергнуть все главные суждения Б.В. Межуева, да еще и некоторые разработки уже покойного В.Л. Цымбурского¹³. Нам такой способ обсуждения не кажется самым плодотворным. В частности, вроде бы вполне убедительной выглядит характеристика С.М. Усмановым мышления Владимира Соловьева как европоцентристского по своей сути¹⁴. Однако, как нам видится, не все здесь так однозначно, на что в свое время указал еще Г.С. Смирнов¹⁵.

В качестве примера рассмотрим текст В.С. Соловьева «Три разговора...» (1900 г.), который он сам считал для себя итоговым. Во всех «разговорах», а особенно во втором из них, современный философу мир показан неоднозначно – многомерно. Обращает на себя внимание фрагмент второго «разговора», когда alter ego автора – Господин Z – неожиданно ставит под сомнение русско-французский союз: «... не кажется ли вам, что, присоединяясь к одному из двух враждебных лагерей на континенте Европы, мы теряем выгоду своего свободного положения как третьего беспристрастного судьи, или арбитра, между ними, теряем свою сверхпартийность» [14, с. 138]. Тем самым Господин Z обрисовывает для России совсем другую стратегию по отношению к Европе, нежели это казалось очевидным тогда не только в Императорском дворце, но и в редакциях самых «передовых» и «прогрессивных изданий» «общественности». Споры героев «разговоров» о русско-турецкой, англо-бурской, испано-американской войнах выходят за пределы обычного тогда в России общественного мнения, характеризующегося европоцентризмом. Показательно, что в «Трех разговорах» ничего отсутствует аргументация, да и тематика еще недавно провозглашавшейся философом «русской идеи». Вероятно, что «Три разговора» Владимира Соловьева в нашей стране все еще по-настоящему не прочитаны.

Ответ на вопрос о том, каким представлялось Владимиру Соловьеву будущее России, можно найти в одном из текстов мыслителя – его краткой статье в газете «Русь» под названием «Россия через сто лет» (1898 г.)¹⁶. (Кстати, сам философ очень дорожил этим своим сочинением, а потому и включил его наряду с несколькими другими в издание «Трех разговоров».) Но едва ли тогдашний читатель газеты был восхищен этим материалом. Возможно, он ожидал красочного описания будущего, а получил только краткое наставление всего в двух пунктах. Первый – оптимизм «почтеннейшей публики» о процветании России через сто лет ни

¹² См.: Усманов С.М. Тревожный патриотизм и русское викторианство // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 3(83). С. 63–67 [11].

¹³ См.: Межуев Б.В. Вадим Цымбурский: от конъюнктур земли к конъюнктурам времени // Метод. 2011. № 1. С. 321–345 [12]; Цымбурский В.Л. О «русском викторианстве» // Стратегический журнал. 2006. № 2. С. 255–272 [13].

¹⁴ См.: Усманов С.М. Тревожный патриотизм и русское викторианство. С. 65.

¹⁵ См.: Смирнов Г.С. Софийность и ноосферность: парадоксы соприкосновения двух гениев. С. 68.

¹⁶ См.: Соловьев В.С. Россия через сто лет // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. Т. X. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 71–75 [15].

на чем не основан. Второй – с Россией будет то, что угодно Богу¹⁷. На первый взгляд, такие утверждения кажутся просто банальностями, но сам философ так не считал: «Но не лицемерие ли это – останавливаться на общем указании неисповедимой для нас воли Божией, – указании, из которого ничего не следует и которое ни к чему нас не обязывает? Разве мы не знаем еще, что именно угодно Богу от нас, от России? Если еще не знаем, то это – наша вина, и от нас зависит ее и исправить, – наверное узнать, чего хочет от нас Бог. Ведь не Прихоть и не Произвол над нами, и есть у нас разум и совесть, чтобы познать высшую волю, – и вот настоящая, единственная задача для размышляющего патриотизма» [15, с. 75].

Как видим, мыслитель резко разграничивает Промысл Божий и человеческое, даже «слишком человеческое». Именно потому он и отвергает оптимизм «почтеннейшей публики» как только человеческое, мелкое, а значит – и неистинное. Добавим, что ведь и сам Владимир Соловьев не раз увлекался этим «слишком человеческим» в своих размышлениях о России. Так нередко было в язвительных и очень полемичных пререканиях В.С. Соловьева с Н.Н. Страховым в цикле статей «Национальный вопрос в России» (1884 г.). Слишком категоричными были и формулировки философа в «Русской идее», где речь идет о «национальном самоотречении», о том, чтобы Россия поскорее отказалась от своих интересов. Причем это «слишком человеческое» «национальное самоотречение» усердно популяризировалось до поры до времени самим мыслителем перед «почтеннейшей публикой».

Может быть, самый показательный образец такого рода – статья В.С. Соловьева «Поэзия Ф.И. Тютчева» в «Вестнике Европы» 1895 г. В ней философ не стеснялся «наставлять» даже уже покойного Федора Ивановича Тютчева: «Значит, – можно сказать поэту, – судьба России зависит не от Царьграда и чего-нибудь подобного, а от исхода внутренней нравственной борьбы светлого и темного начал в ней самой. Условие для исполнения ее всемирного призвания есть внутренняя победа добра над злом в ней, а Царьград и прочее может быть только следствием, а никак не условием желанного исхода. Пусть Россия, хотя бы и без Царьграда, хотя бы и в настоящих своих пределах, станет христианским царством в полном смысле этого слова – царством правды и милости, – и тогда все остальное, – наверное, – приложится ей» [16, с. 121].

Как видим, тут В.С. Соловьев еще потакает оптимизму «почтеннейшей публики», а заодно и «идейности» редакторов журнала «Вестник Европы». А потому получалось сухо, схематично, слишком «по-человечески». Но проходит несколько лет, и мы видим нечто иное в рефлексии философа. Настолько иное, что это уже не подходит для «Вестника Европы» и приходится В.С. Соловьеву публиковать свои «Три разговора» в скромных «Книжках недели». Действительно, ведь в «Трех разговорах» уже и речи нет о «прогессе человечества», который прямо

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Россия через сто лет. С. 71, 75.

осмеивается Господином Z¹⁸. Внимание читателя обращается уже к Промыслу Божию, который, как хорошо видно из исторических реминисценций в первом и втором «разговорах», попускает человечеству не одни лишь утешения, но и множество скорбей, бедствий и испытаний. Кроме того, в предисловии к «Трем разговорам» нельзя не заметить предостережения философа от увлечения «стихиями низшего порядка»¹⁹. Конечно, легко возразить, что, мол, все это давно известно. Безусловно, известно. Только почему-то в наше время мало кому удается использовать эти идеи в своих трудах, в том числе и в научных изысканиях. В самом деле, многие ли из ученых в наши дни осмеливаются не то чтобы принимать во внимание Промысл Божий, но хотя бы только упоминать Бога? Недаром один наш уже ныне покойный коллега говорил, что ныне Имя Бога, как правило, «шифруется». И, разумеется, гораздо легче философствовать на уровне «стихий низшего порядка».

Один из современных исследователей творчества философа М.В. Медоваров призвал «защищать» наследие Владимира Сергеевича Соловьёва²⁰. А как защищать? Наверное, напоминать о нем, читать без суеты и спешки, постигать суть и смысл его текстов, читать «между строк». Говоря об апологии наследия того или иного философа, важно держать в уме замечание В.Д. Бакулова и А.Ф. Поломошнова о том, что «современные антигуманисты различным образом изменяют мир, а дело философов заключается в том, чтобы его спасти»²¹. При этом дело это не только, а может быть, и не столько современных философов, которые находятся в заложниках геделевской теоремы о неполноте, сколько философских старожилов, которые «научились» смотреть на мир и человека в нем «глазами Бога». Думается, что такой смысл апологии философии В.С. Соловьёва звучит в унисон с его собственными мыслями.

Список литературы

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
2. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьёва // Бердяев Н.А. Славянофилы и свобода совести: сб. статей 1908–1912 гг. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 31–62.
3. Максимов М.В. К исследователям наследия Вл.С. Соловьёва и читателям журнала «Соловьёвские исследования» // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 6.
4. Межуев Б.В. «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьёв считал, что Россия объединит все человечество? // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 7–19.
5. Евлампиев И.И. Владимир Соловьёв – великий гностический мыслитель // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 3(83). С. 68–75.

¹⁸ См.: Соловьёв В.С. Три разговора. 1899–1900 // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьёва. Т. X. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 172–173.

¹⁹ См.: Соловьёв В.С. Три разговора. 1899–1900. С. 90.

²⁰ См.: Медоваров М.В. Актуальность философского наследия Владимира Соловьёва: вызовы современности и возможные ответы // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 3(83). С. 60 [17].

²¹ См.: Бакулов В.Д., Поломошнов А.Ф. Апология современной философии // Научная мысль Кавказа. 2021. № 2(106). С. 52 [18].

6. Титаренко С.Д. «Русская идея» Вл. Соловьёва и «О русской идее» Вяч. Иванова: риторика пророческого слова и тезаурус мысли // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 4(84). С. 30–42.
7. Океанский В.П. Эсхатологический реализм как русская философия будущего // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 4(84). С. 66–70.
8. Смирнов Г.С. Софийность и ноосферность: парадоксы соприкосновения двух гениев // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 5(20). С. 68–73.
9. Дмитриевская И.В. Богочеловек Вл. Соловьёва – ноосферный человек – «прекрасный человек» А.П. Чехова // Соловьёвские исследования. 2008. Вып. 5(20). С. 85–93.
10. Дмитриевская И.В. Метафизика злого сердца: проблема онтологизации зла в бытии мира и человека. М.: ФЛИНТА, 2013. 352 с.
11. Усманов С.М. Тревожный патриотизм и русское викторианство // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 3(83). С. 63–67.
12. Межуев Б.В. Вадим Цымбурский: от конъюнктур земли к конъюнктурам времени // Метод. 2011. № 1. С. 321–345.
13. Цымбурский В.Л. О «русском викторианстве» // Стратегический журнал. 2006. № 2. С. 255–272.
14. Соловьёв В.С. Три разговора. 1899–1900 // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьёва. Т. X. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 81–221.
15. Соловьёв В.С. Россия через сто лет // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьёва. Т. X. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 71–75.
16. Соловьёв В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьёв В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 105–121.
17. Медоваров М.В. Актуальность философского наследия Владимира Соловьёва: вызовы современности и возможные ответы // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 3(83). С. 57–62.
18. Бакулов В.Д., Поломошнов А.Ф. Апология современной философии // Научная мысль Кавказа. 2021. № 2(106). С. 46–52.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Rossiya cherez sto let [Russia in a Hundred Years], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva T. X* [Collected Works of Vladimir Sergeevich Solovyov. Vol. X]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo "Prosveshchenie", 1914, pp. 71–75.
2. Solov'ev, V.S. Tri razgovora. 1899–1900 [Three Conversations. 1899–1900], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva. T. X* [Collected Works of Vladimir Sergeevich Solovyov. Vol. X]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo "Prosveshchenie", 1914, pp. 81–221.
3. Solov'ev, V.S. Poeziya F.I. Tyutcheva [Poetry of F.I. Tyutchev], in Solov'ev, V.S. *Literaturnaya kritika* [Literary Criticism]. Moscow: Sovremennik, 1990, pp. 105–121.

Individual Works

4. Berdyaev, N.A. Problema Vostoka i Zapada v religioznom soznanii Vl. Solov'eva [The problem of East and West in Vl. Solovyov's religious consciousness], in Berdyaev, N.A. *Sbornik statey 1908–1912 godov «Slavyanofily i svoboda sovesti»* [Collection of articles 1908–1912 "Slavophiles and freedom of conscience"]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2015, pp. 31–62.
5. Yaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and purpose of history]. Moscow: Politizdat, 1991. 528 p.

(Articles from Scientific Journals)

6. Bakulov, V.D., Polomoshnov, A.F. Apologiya sovremennoy filosofii [Apology of the modern philosophy], in *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2021, no. 2(106), pp. 46–52.

7. Dmitrevskaya, I.V. Bogochelovek VI. Solov'eva – noosfernyy chelovek – «prekrasnyy chelovek» A.P. Chekhova [God-man of VI. Solovyov – noospheric man – “beautiful man” of A.P. Chekhov], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2008, issue 5(20), pp. 85–93.

8. Evlampiev, I.I. Vladimir Solov'ev – velikiy gnosticheskiy myslitel' [Vladimir Solovyov – the Great Gnostic Thinker], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 3(83), pp. 68–75.

9. Maksimov, M.V. K issledovatelyam naslediya VI.S. Solov'eva i chitatel'nyam zhurnala «Solov'evskie issledovaniya» [To researchers of VI.S. Solovyov's heritage of and readers of the journal “Solovyov Studies”], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 1(81), p. 6.

10. Medovarov, M.V. Aktual'nost' filosofskogo naslediya Vladimira Solov'eva: vyzovy sovremennosti i vozmozhnye otvety [The relevance of Vladimir Solovyov's philosophical heritage: challenges of modernity and possible responses], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 3(83), pp. 57–62.

11. Mezhuiev, B.V. Vadim Tsyburskiy: ot kon'yunktur zemli k kon'yunkturam vremeni [Vadim Tsyburskiy: from the conjunctures of the land to the conjunctures of time], in *Metod*, 2011, no. 1, pp. 321–345.

12. Mezhuiev, B.V. «On videl osobuyu missiyu russkogo naroda». Pochemu filosof Vladimir Solov'ev schital, chto Rossiya ob'edinit vse chelovechestvo? [“He saw the special mission of the Russian people”. Why did philosopher Vladimir Solovyov believe that Russia would unite all mankind?], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 1(81), pp. 7–19.

13. Okeanskiy, V.P. Eschatologicheskiy realizm kak russkaya filosofiya budushchego [Eschatological realism as Russian philosophy of the future], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 4(84), pp. 66–70.

14. Smirnov, G.S. Sofiynost' i noosfernost': paradoksy soprikosnoveniya dvukh geniev [Sophia and noosphericity: paradoxes of two geniuses contiguity], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2008, issue 5(20), pp. 68–73.

15. Titarenko, S.D. «Russkaya ideya» VI. Solov'eva i «O russkoy idee» Vyach. Ivanova: ritorika prorocheskogo slova i tezaurus mysli [“The Russian Idea” of VI. Solovyov and “On the Russian Idea” of Vyach. Ivanov: the Rhetoric of the Prophetic Word and the Thesaurus of Thought], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 4(84), pp. 30–42.

16. Tsyburskiy, V.L. O «russkom viktorianstve» [On “Russian Victorianism”], in *Strategicheskiy zhurnal*, 2006, no. 2, pp. 255–272.

17. Usmanov, S.M. Trevozhnyy patriotizm i russkoe viktorianstvo [Anxious patriotism and Russian victorianism], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 3(83), pp. 63–67.

(Monographs)

18. Dmitrevskaya, I.V. *Metafizika zlogo serdtsa: problema ontologizatsii zla v bytii mira i cheloveka* [Metaphysics of the evil heart: the problem of the ontologization of evil in the existence of the world and man]. Moscow: FLINTA, 2013. 352 p.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

УДК 141.201
ББК 87.3(2)53-688

Алексей Алексеевич Грякалов

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Институт философии человека, кафедра философской антропологии и истории философии, профессор, доктор философских наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: alexalgr@mail.ru

Анастасия Сергеевна Шевченкова

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Институт философии человека, кафедра философской антропологии и истории философии, ассистент, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: anastasia.shevchenkova@gmail.com

Евгений Александрович Иванов

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Институт философии человека, кафедра философии, ассистент, кандидат философских наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: jenuya94.04.10@mail.ru

Проект будущего в философии космизма и практиках русского авангарда: основания коллективного субъекта¹

Аннотация. Рассматриваются идеи коллективности и интеграции отдельных индивидов в единую субъективность, направленную на переход от исторически обусловленного существования к состоянию активно действующей вневременной силы, что характерно для проектов космизма и русского авангарда. Особое внимание уделяется их роли в современном философско-культурологическом контексте, в котором отмечается тенденция к пересмотру субъект-объектных отношений в сторону их уравнивания в пространстве унифицированной смысловой среды. Подходы космизма и авангарда на этом фоне выделяется как попытки сохранить исключительность человека, акцентируя его коллективное измерение. В качестве ключевых оснований будущей общности всех людей в исследуемых направлениях выделяются различие между природным и культурным началами, а также наличие ясного и достижимого образа будущего. В качестве выводов отмечается, что, несмотря на утопичность и универсализм исследуемых концепций, отдельные их элементы могут быть регионально адаптированы в познавательных и образовательных практиках, культурных инициативах и стратегиях жизнестроения, нацеленных на сохранение культурной идентичности, формирование коллективного видения будущего и развитие общества в условиях современного мира.

Ключевые слова: космизм, русский авангард, коллективная субъективность, философия общего дела, футурология, проекты будущего, соборность

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00356, <https://rscf.ru/project/24-28-00356>. The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation 24-28-00356 <https://rscf.ru/project/24-28-00356>.

Aleksei Alekseevich Gryakalov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Institute of Human Philosophy, Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Professor, Dr. Sci. Phil., Russia, St. Petersburg, e-mail: alexalgr@mail.ru

Anastasia Sergeevna Shevchenkova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Institute of Human Philosophy, Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Assistant, Russia, St. Petersburg, e-mail: anastasia.shevchenkova@gmail.com

Evgeniy Aleksandrovich Ivanov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Institute of Human Philosophy, Department of Philosophy, Assistant, Russia, St. Petersburg, e-mail: jenya94.04.10@mail.ru

The Project of a Future in the Philosophy of Cosmism and the Practices of the Russian Avant-Garde: the Foundations of a Collective Subject

Abstract. This article discusses the ideas of collectivity and the integration of individuals into a unified subjectivity. This concept, characteristic of the projects of cosmism and the Russian avant-garde, is aimed at facilitating a transition from a historically conditioned existence to the state of an actively acting timeless force. Particular attention is paid to their role in the modern philosophical and cultural context, which is marked by a tendency to revise subject-object relations in the direction of their equalization within a unified semantic environment. Against this background, the approaches of cosmism and the avant-garde stand out as attempts to preserve the exclusivity of the human, emphasizing its collective dimension. The key foundations for a future community of all people in the movements under study are identified as the distinction between natural and cultural principles, as well as the presence of a clear and achievable image of the future. In cosmism, the future is presented through a unique understanding of time as reversible, which consequently opens up prospects for the transformation of reality. In the Russian avant-garde, there is a general feeling of the future as having already arrived, which forms the collective consciousness. In conclusion, it is noted that despite the utopian and universalist orientation of the concepts under study, some of their elements can be regionally adapted in educational practices, cultural initiatives, and life-building strategies. These strategies aim to preserve cultural identity, form a collective vision of the future, and develop society in the modern world.

Key words: cosmism, Russian avant-garde, collective subjectivity, philosophy of common cause, futurology, projected future, sobornost

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.041-055

Введение

Вопрос о концептуализации современности значим как в области культурно-исторической, так и особенно в сфере философской теории, тем более что он связан с пониманием своевременности и уместности в сложном пространстве топологической рефлексии. Обсуждения, до недавнего времени сводившиеся к выяснению отношений между модернизмом и постмодернизмом, в последнее

время дополнились темами метамодернизма и топомодерна². При этом совершенно очевидно, что гетерогенность метафорики и категориальности содержит в себе «бросок» к пониманию возможных перспектив актуальной рефлексии. Райнхарт Козеллек, исследуя темпоральные структуры исторического развития понятий, делает точное обобщение: «В действительности можно утверждать, что все современные “измы” образованы напряжением между опытом (обобщенным в них наличным бытием) и ожиданием (проектом будущего)» [3, с. 26].

На этом фоне современность неразрывно связана с неопределенностью, поиском стратегий выхода из сложившихся кризисов, необходимостью преодоления ограничений, установленных прошлым, а также с реализацией проектов лучшего будущего. Сценарии будущего рассматриваются гуманитарными исследователями с разных позиций: футурологии, социальной философии, философии науки, этики технологий, философии истории. Можно сказать, что установка современности нацелена на некоторый выход за пределы исторического и переход к иному типу бытия, уже не нуждающемуся в последующих прорывах ввиду изначально правильно расставленных приоритетов. Из предлагаемой М. Фуко³ триады современности – «проблематизация настоящего, способ исторического бытия, построение субъективности» – именно вопрос о характере субъективности выступает в качестве поля сборки той основы, на которой формируются проекты будущего. Статус социальной рефлексивности в условиях ускоряющегося ритма жизни сегодня может быть поставлен под вопрос, так как сам запрос на рефлексивное самоопределение «подчиняется технической и рационализирующей логике, в соответствии с которой развиваются производство и потребление»⁴. Процесс глобализации наглядно отражает и подпитывает кризис рефлексии, вводя в пространство жизненного мира тиражируемые образы популярной культуры: избыточное потребление, унификацию трудовых и досуговых практик – все это, как и многие другие элементы жизни XXI века, переводит вопрос о статусе субъекта из чисто философского и исторического рассмотрения в ландшафт политического, социального и культурного. В истории, которую проживает человек-субъект, понятий как дискурсивный эффект, надындивидуальные смыслообразующие нарративные структуры воображения опосредуют пространство возможного и невозможного не только в аспекте самосозна-

² См.: Павлов А. *Метамодернизм: критическое введение* // *Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма* / под ред. Р. ван ден Аккера и др.; пер. с англ. В.М. Липки; вступ. ст. и науч. ред. А.В. Павлова. М.: РИПОЛ классик, 2022. С. 7–33 [1]; Грякалов А.А. *Диалог, событие и субъект-свидетель – топо-модерн?* // *Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 2: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.)*. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. С. 11–30 [2].

³ См.: Фуко М. *Что такое Просвещение?* / пер. с фр. и примеч. Н.Т. Пахарьян // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 1999. № 2. С. 141 [4].

⁴ См.: Афанасов Н. *Ускоренная рефлексивность – депрессивная социальность* // *Логос*. 2023. Т. 33, № 6(157). С. 11–12 [5].

ния, но и в аспекте (не)рефлексивной самоидентификации субъекта с обществом, политической рефлексии, упорядочивания своего и чужого⁵.

Вопрос о человеке и, как следствие, человеческом обществе в XXI веке в ряде западных философских теорий предсказуемо перемещается в пространство постантропологического дискурса (Б. Латур, Г. Харман, Т. Мортон, Ж.-М. Шеффер), в котором предлагается рассматривать общность (уже не исключительно человеческую) как некую форму группообразования в ситуации постоянно изменяющихся систем координат. В ситуации, когда к актерам относят как людей, так и неодушевленные предметы, исторические, культурные, природные, вымышленные феномены, а отказ от границ между природным и культурным погружает человека в единое дискретное поле (среду, сеть), вопрос обращения к рефлексии субъекта, смотрящего в будущее и проектирующего будущее, становится чрезвычайно актуальной задачей.

Русская философия конца XIX – начала XX века по-своему разворачивала проблематику субъективного. Будучи онтологически ориентированной, тесно связанной (в плане преемственности или критики) с православной традицией в христианстве, тяготеющей к художественной выразительности и эстетическому переживанию, русская мысль последовательно обращается к субъективности как к единству, произрастающему на почве общего чувства. Еще в 1865 г. Рудольф Клаузиус на основе предложенного им принципа энтропии выдвинул идею тепловой смерти Вселенной⁶ вследствие достижения термодинамического равновесия, в котором энергия становится «недоступной» для преобразований. Являясь пионером научных взглядов на долгосрочное будущее космоса, теория вызвала дискуссии не только в физике, но и в философских науках, подняла вопросы о конечности времени и судьбе человечества в контексте космических процессов. В этом контексте движение космизма может пониматься как «реакция на безальтернативный футурологический пессимизм, на картину Вселенной, в которой человек оказывается бессмысленным и ненужным созданием, величинной, которой можно пренебречь» [7, с. 19]. На этом фоне философия русского космизма отличается яркой религиозно-антропологической направленностью. Она осмысляет человека как становящееся, совершенствующееся существо в его планетарном и космическом масштабе. Преобразование человеческой природы при этом идеологами космизма (Н.Ф. Федоров, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий) видится осуществимым посредством культуры в соответствии с божественным замыслом о судьбе человечества. Таким образом, актуализируется вопрос о будущем коллективном жизнеустройстве и потребности в ясном образе того, что находится по ту сторону истории, а «субъектом планетарного и

⁵ См.: Ivanov E., Voskresenskiy A., Kozhurin A., Shevchenkova A. Exploring Alternatives in Political Narratives: National and Civilizational Identities in Global Discourse // *Relações Internacionais do Mundo Atual*. 2024. Vol. 2, No. 44. P. 257–265 [6].

⁶ См.: Тепловая смерть Вселенной [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/teplovaia-smert-vselennoi-297bef> (Дата обращения: 08.06.2025).

космического преобразовательного действия признается не отдельный человек, а соборная совокупность сознательных, чувствующих существ, все человечество в единстве своих поколений»⁷.

Несмотря на то что космизм и авангард в своих футуристических форсайтах могут восприниматься как своего рода контрпроекты, выбирающие диаметрально противоположные стратегии упорядочивания и сонастроенности с хаосом соответственно⁸, то общее, что в них выделяется, – это обращение к коллективному модусу человеческого существования в его открытости и направленности к цельному образу будущего. В связи с этим проекты космизма и русского авангарда представляют особый интерес не только как определенные и отдельные друг от друга исторические события мысли, но и как интуиции относительно современного положения человека в условиях цифровой эпохи с ее сближением прагматического и идеального, повседневного и возвышенного, практического и теоретического.

В будущее возьмут всех

Обращение к теме будущего в формате его конструирования и утверждения – общий момент проектов космизма и русского авангарда. И в этом чрезвычайно важна роль эстетической мысли. Субъект авангардного сознания непосредственно представляет свое будущее: эстетическое, ввиду его прозрачности, превращается в своеобразное фундаментальное *отстранение*. Космизм и авангард ориентированы на проективность, в такой интенции энергично взаимоустремлены представления о порядке космоса и субъективные устремления творческого субъекта.

Но как свести воедино субъективное – авангардное – целеполагание и надличностность структуры?

Свершение желаемого и воспринимаемого в качестве необходимого будущего обеспечивается тотальной включенностью отдельных индивидов в коллективную производственную и духовную силу.

Идеи космизма относительно необходимости перехода человечества в коллективное состояние во многом созвучны теориям и практикам русского авангарда. Кубофутуристы, супрематисты, а позднее производственники в своих манифестах от лица всех нацеленных на прогрессивное будущее («Мы») предлагали сбросить с парохода современности классиков («Пощечина обществу вкусу»), переводили художников в статус марсиан (Хлебников), заявляли о своих желаниях («Мы хотим» Уновиса), воспитывали новых людей с помощью кинематографа (Вертов). При этом стоит отметить, что в стремлении к всепла-

⁷ См.: Семенова С.Г. Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 32 [8].

⁸ См.: Menzel B. Russian Cosmism // The European Legacy. 2021. Vol. 26(7–8). P. 862–864 [9].

нетарному духовному братству космизм, в отличие от авангарда, выступает типичным явлением модернистского толка. Как отмечает В.П. Руднев⁹, различие между модернизмом и авангардом проходит по линии прагматики. В своем стремлении создавать новое модернист ограничивается художественной формой, действуя как художник или ученый, в то время как авангардист, как правило не без эпатажа, активно воздействует на публику, прорывается в быт и жизненное пространство своей эпохи.

На каких принципах может быть основана искомая и космизмом, и авангардом общность? Прежде всего, стоит отметить удержание различия природного и культурного. Проект «регуляции природы» Федорова сохраняет дистанцию между материальным и духовным, нацеливаясь на подчинение первого последнему. Человечество не предназначено для растворения в единообразной ткани космоса, напротив, оно последовательно выстраивает и сохраняет идентификацию себя как общности разумных существ, существ действующих, полагающих смыслы, задающих ход событиям. Человеческое сознание сталкивается с необходимостью дальнейшей сознательной регуляции природы, сознательного управления эволюцией. Федоров пишет: «Природа, враг временный, будет другим вечным, когда в руках сынов человеческих она из слепой, разрушительной силы обратится в воссозидательную» [11, с. 521]. Природа, несущая смерть живому и поэтому враждебная, требует борьбы с собой, но «борьба с ней не под силу отдельным лицам; она должна расширяться и организоваться в борьбу общественную, государственную и международную, то есть всенародную»¹⁰. В подобном объединяющем акте самозащиты перед угрозой природы человечество, по Федорову, способно оставить братоубийственные войны и солидаризироваться, выполняя общее дело. В основе регуляции природы, по Федорову, лежит особая этика долга – супраморализм, призывающий человека к делу воскрешения отцов-предков. Именно через регуляцию природы возможно приведение бытия в состояние нераздельности, цельности, подлинной соборности, вдохновленной осмыслением образа Пресвятой Троицы¹¹. Такой подход, продолженный последователями мыслителя, означает переосмысление отдельного человека как принадлежащего субъективности надличностного уровня: «Покорению природы, утилитаристскому и прагматическому отношению к научно-техническому прогрессу и его перспективам, когда не только земля, но и космос воспринима-

⁹ См.: Руднев В.П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. С. 177 [10].

¹⁰ См.: Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный? // Федоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 522 [11].

¹¹ См.: Гачева А.Г. Антропология и футурология в философском и художественном космизме // Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. С. 641–697 [12]; Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров // Созидание будущего: философия русского комизма. М.: Ноократия, 2020. С. 210–245 [13].

ются лишь как источник ресурсов, сырьевой придаток цивилизации, они противопоставляют идеал регуляции, субъект-объектному отношению к бытию – субъект-субъектный, декларируют необходимость единства цели и средств и, проектируя развитие науки, техники, технологий, настаивают на его этическом векторе» [14, с. 169]. Так, например, В.И. Вернадский, развивая свою концепцию перехода биосферы в ноосферу, отмечает всеобщность и коллективность ноосферного действия: «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть *ноосфера*» [15, с. 349].

Сторонники авангарда с интересом относились к научным открытиям своего времени – наука значима для искусства и для проектов регуляции природы. Якобсон писал в воспоминаниях: «Для нас не было границы между Хлебниковым-поэтом и Хлебниковым-математическим мистиком» [16, с. 73] – обновитель поэтического слова выступал как создатель нового представления о мире, открывающегося в поэтическом языке. Ориентированные на форму опыты футуристов сближали их творчество с «магическими формулами гностиков». В письме Алексею Крученых Якобсон говорит о поэтах как особенных существах – «иррациональных бродягах». Этот не совсем проясненный в философском плане жест в будущем сближается с фигурами нового *гностика, диагноста, свидетеля* и даже радикально отвертывающегося от мира «ушельца в щель» (Сигизмунд Кржижановский).

Малевич, говоря об отношениях человека и природы, подчеркивает необходимость ухода от подражания природному в искусстве: «Природа есть живая картина, и можно ею любоваться. Мы живое сердце природы. Мы самая ценная конструкция этой гигантской живой картины... Повторить ее есть воровство, и повторяющий ее есть ворующий. <...> На художнике лежит обет быть свободным творцом, но не свободным грабителем... А это возможно тогда, когда мы... приучим сознание видеть в природе все не как реальные вещи и формы, а как материал, из массы которого надо делать формы, ничего не имеющие общего с натурой» [17, с. 40–41]. Символическая взаимосвязь между проектами супрематизма и космизма прослеживается через образы креста, крестьянства, работы на земле, к которым в разные периоды обращается художник¹².

Для Малевича и других авангардистов искусство – больше чем искусство в привычном в то время понимании этого слова. Искусство перестает пониматься как способ наслаждения, созерцания, оно начинает служить инструментом явления миру истинного порядка вещей, новой гармонии. Так, например,

¹² См.: Меденица В. Мат в два хода: можно ли говорить о существенном сходстве между супрамодализмом Н.Ф. Федорова и супрематизмом К.С. Малевича? // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903): сб. науч. ст. / сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов; отв. ред. А.Г. Гачева. М.: Академический проект, 2018. С. 572–590 [18].

супрематический проект нацелен на экспансию во все сферы жизни людей – от архитектуры до узоров на обоях. Еще более глубокая духовная взаимосвязь с идеями космизма прослеживается в теоретическом осмыслении принципов нового искусства художником Василием Чекрыгиным под впечатлением от знакомства с русской религиозной философией, в том числе с проектом Федорова¹³. Чекрыгин разрабатывает проект «Собора Воскрешающего Музея», в котором художникам отводится свое место во всеобщей преобразующей деятельности: «Пришедший в разум человек объединит духовные силы, соединится в Братство. В едином опыте, труде, знании, строя орудия и испытывая действия напряженности тел, поставит первым делом всеобщего труда – устранение раздора, бурь, грозы вселенной, безобразные силы возводя в материал новой архитектуры, соединяя живое с первоначалом, строя тела из огненных зерен, ибо назначение искусств человека – восстановить в подлинном историю в совершенстве» [20, с. 471].

Близость авангарда повседневным практикам делает его одним из родоначальников дизайна в промышленной среде, смещая внимание с его [авангарда] философского заряда на переустройство мира. Например, при обращении к феномену Вхутемаса как образовательного учреждения нового толка важно не только учитывать передовые для своего времени способы решения вопросов функциональности и утилитарности предметов обихода, но и обращать внимание на сам процесс обучения и фундирующие его идеи коллективного совместного бытия, включенности художников в процесс производства, их сонастроенность с потребностями общества, с которым они делят общее чувство мира.

Другим принципом общности как для космизма, так и для русского авангарда можно назвать работу с ясно обозреваемым будущим. Проектам космизма и авангарда не свойственно ограничиваться рефлексией относительно настоящего и наброском возможного сценария грядущего. В своем обращении к будущему они предельно точны и конкретны. Их рассуждения лишены поправок на вероятность. Такой подход указывает на иное понимание времени, лежащее в основе их прогностики. Ключевая идея космизма – воскрешение предков – требует особого обращения ко времени и его связи с пространством. Русские футуристы – будетляне – уже находятся в будущем, их имя – не предпочтение, не открытость различным сценариям, но принадлежность четко определенному будущему, к которому они готовы, в которое они намерены, пусть даже несколько снисходительно, вести цепляющихся за старые образы и привычки прошлого людей.

«Воскрешение есть полное выражение совершеннолетия, выход из школы...» [11, с. 87] – как бы отвечает Федоров И. Канту. Этот рискованный шаг – дать имя совершеннолетию, заглянуть по ту сторону дрящегося из века в век преодоления несовершеннолетия. Что позволяет Федорову встать на такую позицию? В. Софронов пишет: «“Тайна” “русского космизма”, которая должна быть открыта, состоит

¹³ См.: Титаренко Е.М. «Реальное дело художника» и философия искусства: Соловьёв – Федоров – Чекрыгин // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 4(80). С. 132–147 [19].

в том, что подлинная суть, подлинная и радикальная новизна (“небывальщина”) *концепции Федорова – это экспансия не в пространстве, а во времени*, это имманентное, совершаемое усилиями самого человечества, воскрешение мертвых» [21, с. 136–137]. Именно иное чувство времени и его взаимосвязи с пространством, своего рода его «опространствливание», позволяет помыслить обратимость смерти и необходимость всеобщего участия в утверждении вечной жизни.

Мотивы выхода за пределы привычного течения времени к вечному созиданию можно встретить и у Малевича. В заметках к так и не опубликованному тексту «Мы» художник видит во всеобщей солидарности людей способ преодолеть напряжение между индивидуальным и божественным и выйти из порочного круга изжившего себя искусства подражания природе. Т.В. Горячева приводит следующие строки черновика Малевича, посвященные воцарению нового коллективного свободного мира: «Все искусство с того момента, когда все “Я” перейдут в “Мы”, должно выйти в органическое действие изобретения совершенства, нет поэзии воспевающей, нет театра представляющего, нет музыки увеселяющей, нет искусства изображающего, и нет искусства “Я” личного, ибо “мы” – единый организм» [22, с. 62].

Борис Арватов, осмысляя производственное искусство и тот вклад, который внесли в его становление художники и теоретики ЛЕФа, говорит об эпохе индустриального коллективизма как об уже свершившейся. Пройдет совсем немного времени, и соцреализм вернется к изображению настоящего в его историческом развитии и состоянию затяжного поиска путей осуществления лучшей жизни для всех людей, но в 1926 г. Арватов исходит из установки уже изменившейся реальности и будущего как неизбежно свершающегося: «... точно так же, как люди не ждут социализма, а накапливают его элементы уже теперь, – точно так же производственное искусство должно... осуществляться сейчас» [23, с. 93].

Удержание напряжения между природным и разумным, нацеленность на размыкание границ индивидуального при сохранении личного чувства сопричастности, перспектива жизни вне времени – в эпоху кризиса массовой культуры и разворачивающихся постчеловеческих сценариев подобные ходы мысли прошлого вновь становятся интересны. Помещенные в современную ситуацию, они становятся способными к локальной работе в качестве фундирующих смыслов для общественных, научных и художественных практик.

Следующие шаги

Попытки переосмысления идей коллективного и общего с учетом выведения за скобки обрамляющих их эпатажных образов осуществляются с момента их концептуализации. В. Софронов отмечает работу В. Муравьева «Овладение временем как основная задача организации труда» (1924 г.) как перевод философии общего дела Федорова «...с языка родства, долга, морального усилия на язык теории множеств, теории систем, социологии»¹⁴. Следует отметить, что

¹⁴ См.: Софронов В.В. Положение мертвых. Ревизионистская история «русского космизма». М.: ЦЭМ: V-A-C press, 2022. С. 96 [21].

Муравьев, дистанцируясь от религиозной стороны учения Федорова в связи с разворачивавшейся антирелигиозной кампанией 1920-х годов, тем не менее сохраняет приверженность идее необходимости всеобщего универсального объединения. В его проекте овладения временем, обосновываемом уже научной возможностью, достижение идеала требует определенных условий: «...исполнение этого идеала зависит исключительно от всеобщности усилий, направленных к его достижению. <...> Однако такая всеобщность усилий предполагает всеобщее согласие, а последнее требует сознательности всех существ. Поэтому, пока нет такой сознательности, мировое свершение времени остается лишь как проективное положение, которое лишь в отдаленном будущем, в случае наших усилий и усилий других существ сделаться сознательным, приблизится к претворению в положение объективное» [24, с. 39]. Такой ход мысли Муравьева можно назвать продолжением его более ранних идей, изложенных в мистерии «София и Китоврас», в которой искомая спасительная всеобщность еще связана с образами соборного действия. Устами Китовраса Муравьев отмечает: «...когда подвижник погружается в себя, остается один с собой и пытается превратить свое “я” в целое, во все, в Бога, его постигает страшная кара. Он проявил самый большой и самый тонкий эгоизм, он отъединился от мира, он, так же как и безбожный земной индивидуалист, объявил своеволие подвига и самоспасения» [25, с. 212]. Ответом на проблему духовного индивидуализма для Муравьева выступает не отказ от личного мистического опыта, но должное его направление. Пресвитер Иоанн, герой мистерии, выражает данную мысль таким образом: «В человеческой душе рядом с ее личной глубиной раскрываются другие глубины – а именно, вся сложность человеческих взаимоотношений – макрокосм в микрокосме. Религия говорит о спасении одного человека, но она же говорит о всех личностях, о всем мире. Глубокая скорбь человека об одной потерянной душе превращается в скорбный хор всех духовно страждущих и недугующих. И только в этом объединении молитв может раскрыться истинный Бог, если вообще он людям раскрывается. Путь к нему лежит не только через личность, но необходимо через соборное делание, через Церковь» [25, с. 212].

Современная мысль сталкивается с необходимостью отказа от пафоса разработки единого сценария благополучного жизнеустройства, оказываясь перед возможностью развития региональных стратегий смыслогенеза, основанных на интуициях проектов прошлого. Одним из возможных пространств рефлексии при этом может выступать сфера образования. Современность ставит сферу образования перед необходимостью поиска новых оснований для выстраивания стратегий обучения и процессов коммуникации внутри образовательного сообщества. Если традиционно образование понималось в основном как начальный этап предсказуемой карьерной траектории, то сегодня принято говорить о новой задаче образования – подготовке к жизни в состоянии неопределенного будущего: «За последние полвека мысль обнаруживает тенденцию к новому (обогащенному всеми новейшими научными открытиями) варианту античного космологического воззрения и отчасти даже к научному подтверждению некоторых мотивов

ветхозаветно-христианской космологии» [26, с. 13]. Выстроенная в ходе истории социальная идентичность человека не стремится к реконструкции древних переживаний. Гераклитова река требует от субъекта новой оптики в отношении себя, мира и времени: «Космистски ориентированный субъект-свидетель не только реально представляет прошлое и настоящее, но прозревает дальнейшее-иное – для такого положения обязательно переживание некоторой антропологической заброшенности и утраты себя в потоках цифровой реальности, одиночества, отчужденности и одновременно же экзистенциальной *призванности*» [26, с. 18]. Описанные выше переживания могут стать основой для некоторой региональной общности – в масштабе образовательного учреждения, проекта, курса, не *преодолевающей* вызовы времени, не диктующей отжившие правила и формы жизни, но ищущей новые творческие способы совместного жизнеустройства.

Заключение

Обращение к проектам космизма и авангарда и переосмысление представленных в них концептов коллективности позволяют исследовать сформулированное в них понимание субъективности как живой общности, выходящей за рамки традиционных бинарных оппозиций – индивидуального и массового, субъектного и объектного. Подобный подход отказывается от механистического уравнивания человека с другими существами или объектами неживой природы, предлагая вместо этого идею общности, сохраняющую свою уникальность и исключительность. Такая общность задумывается не как ассамбляж, не как случайный момент из множества событий мира, но как специфический способ сосуществования, в котором человек остается одновременно включенным в природные процессы и при этом наделенным своим особым статусом.

В отличие от утопических проектов прошлого, которые стремились к глобальному объединению и универсальной гармонии всех человеческих индивидуальностей, современное обращение к идеям космизма и авангарда открывает путь для локального применения концептов солидарности. Это позволяет переосмыслить коллективное не как инструмент подчинения или слияния, но как средство сосуществования, способное учитывать разнообразие отношений между людьми, природой и технологиями. Подобное локальное применение идей коллективности становится особенно актуальным в условиях усиливающегося кризиса гуманистических подходов и растущего влияния постгуманистического дискурса, нивелирующего человеческую уникальность в пользу более широких систем взаимодействий.

Трактовка общности, предлагаемая проектами космизма и авангарда, представляет собой альтернативное понимание человека, дистанцирующееся как от гипертрофированного индивидуализма, так и от постантропологических установок, нацеленных на преодоление субъективности. В поле интересов философии космизма и смысловых установок русского авангарда – поиск путей

формирования солидарности через опыт этического и эстетического единения (братство всех людей, чувственное освоение и преобразование мира), а также удержание дистанции между человеком и его окружением. Такое понимание общности и коллективности способно выступать инструментом для переосмысления локальных социальных, экологических и культурных инициатив перед лицом глобальных вызовов, таких как отчуждение, климатический кризис, или цифровая фрагментация социальной реальности.

В исследуемом контексте идеи русского космизма и авангарда находят свое новое звучание: они больше не воспринимаются как романтические мечты о единении, но становятся философскими и практическими ориентирами для построения локальных жизнеспособных форм общности, нацеленных на отдельные сферы жизни. Это могло бы быть определено как топологически ориентированная философия – особый *космо-логос*. Идеи о взаимообращенности авангарда и космизма ценны не только для теоретической мысли, но и для практической реализации в рамках социальных, образовательных, экологических и культурных инициатив жизнестроения.

Список литературы

1. Павлов А. Метамодернизм: критическое введение // Метамодернизм. Историчность, эффект и глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккера и др.; пер. с англ. В.М. Липки; вступ. ст. и науч. ред. А.В. Павлова. М.: РИПОЛ классик, 2022. С. 7–33.
2. Грякалов А.А. Диалог, событие и субъект-свидетель – топо-модерн? // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 2: материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.). СПб.: Изд-во РХГА, 2022. С. 11–30.
3. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий: пер. с нем. // История понятий, история дискурса, история менталитета: сб. ст. / под ред. Х.Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 328 с.
4. Фуко М. Что такое Просвещение? / пер. с фр. и примеч. Н.Т. Пахарьян // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 2. С. 132–149.
5. Афанасов Н. Ускоренная рефлексивность – депрессивная социальность // Логос. 2023. Т. 33, № 6(157). С. 1–28.
6. Ivanov E., Voskresenskiy A., Kozhurin A., Shevchenkova A. Exploring Alternatives in Political Narratives: National and Civilizational Identities in Global Discourse // *Relações Internacionais do Mundo Atual*. 2024. Vol. 2, No. 44. P. 257–265.
7. Гачева А.Г. Философия русского космизма и образ будущего // Земля и Вселенная. 2023. № 1(349). С. 14–35.
8. Семенова С.Г. Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 3–33.
9. Menzel V. Russian Cosmism // *The European Legacy*. 2021. Vol. 26(7–8). P. 862–864.
10. Руднев В.П. Модернизм // Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. С. 177–180.
11. Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный? // Федоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 521–522.
12. Гачева А.Г. Антропология и футурология в философском и художественном космизме // Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. С. 641–697.

13. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров // Созидание будущего: философия русского космизма. М.: Ноократия, 2020. С. 210–245.
14. Гачева А.Г. Футурология космизма в свете научной фантастики: опыт В. Муравьева и А. Горского // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 3. С. 163–204.
15. Вернадский В.И. О ноосфере // Вернадский В.И. Собр. соч.: в 24 т. Т. 9 / под ред. акад. Э.М. Галимова; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. Биосфера и ноосфера / науч. ред. и сост. акад. Э.М. Галимов. М.: Наука, 2013. С. 341–362.
16. Якобсон Р.О. Будетлянин науки // Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б. Янгфельдта; испр. и доп. переизд. сб. материалов «Якобсон-будетлянин» (Стокгольм, 1992). М.: Гилея, 2012. С. 21–112.
17. Малевич К.С. От кубизма и футуризма к супрематизму // Малевич К.С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Гилея, 1998. С. 35–56.
18. Меденица В. Мат в два хода: можно ли говорить о существенном сходстве между супраморализмом Н.Ф. Федорова и супрематизмом К.С. Малевича? // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903): сб. науч. ст. / сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов; отв. ред. А.Г. Гачева. М.: Академический проект, 2018. С. 572–590.
19. Титаренко Е.М. «Реальное дело художника» и философия искусства: Соловьев – Федоров – Чекрыгин // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 4(80). С. 132–147.
20. Чекрыгин В.Н. О Соборе Воскрешающего Музея // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2 / сост., вступ. ст., коммент. А.Г. Гачевой и при участии Е.В. Бронниковой, А.Д. Кожевниковой, В.Г. Макарова, Д.В. Фомина. М.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного института, 2008. С. 450–482.
21. Софронов В.В. Положение мертвых. Ревизионистская история «русского космизма». М.: ЦЭМ: V-A-C press, 2022. 380 с.
22. Горячева Т.В. Теория и практика русского авангарда: Казимир Малевич и его школа. М.: АСТ: Времена, 2020. 237 с.
23. Арватов Б.И. Искусство и производство в истории рабочего движения // Искусство и производство: сб. ст. М.: Пролеткульт, 1926. С. 74–93.
24. Муравьев В.Н. Овладение временем как основная задача организации труда [Электронный ресурс]. URL: http://chronos.msu.ru/old/RREPORTS/muraviev_ovladienie.pdf (дата обращения: 16.08.2023).
25. Муравьев В.Н. София и Китоврас // Муравьев В.Н. Соч.: в 2 кн. Кн. 1 / сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 55–396.
26. Идеи космизма и философия образования: диалог и трансверсальность / А.А. Воскресенский, А.А. Грякалов, В.А. Рабош, К.В. Султанов // Научное мнение. 2023. № 4. С. 11–20.

References

(Sources)

Collected Works

1. Chekrygin, V.N. O Sobore Voskreshayushchego Muzeya [On the Cathedral of the Resurrecting Museum], in *N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn. Kn. 2* [N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books. Book 2]. Moscow: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta, 2008, pp. 450–482.
2. Malevich, K. Ot kubizma i futurizma k suprematizmu [From Cubism and Futurism to Suprematism], in Malevich, K. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 1* [Collected Works in 5 vols., vol. 1]. Moscow: Gileya, 1998, pp. 35–56.
3. Murav'ev, V.N. Sofiya i Kitovras [Sophia and Kitovras], in Murav'ev V.N. *Sochineniya v 2 kn., kn. 1* [Essays in 2 books, book 1]. Moscow: IMLI RAN, 2011, pp. 55–396.

4. Vernadskiy, V.I. O noosfere [On the Noosphere], in Vernadskiy, V.I. *Sobranie sochineniy v 24 t., t. 9* [Collected Works in 24 vols., vol. 9]. Moscow: Nauka, 2013, pp. 341–362.

Individual Works

5. Arvatov, B. Iskusstvo i proizvodstvo v istorii rabocheho dvizheniya [Art and Production in the History of the Workers' Movement], in *Sbornik statey «Iskusstvo i proizvodstvo»* [Collection of Articles “Art and production”]. Moscow: Proletkul't, 1926, pp. 74–93.

6. Fedorov, N. Kto nash obshchiy vrag, edinyy, vezde i vseгда prisushchiy, v nas i vne nas zhivushchiy, no tem ne menee vrag lish' vremennyy? [Who is Our Common Enemy, Unified, Present Everywhere and Always, Living Within Us and Outside Us, but Nevertheless Only a Temporary Enemy?], in *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Mysl', 1982, pp. 521–522.

(Monographs)

7. Gacheva, A.G. Antropologiya i futurologiya v filosofskom i khudozhestvennom kosmizme [Anthropology and Futurology in Philosophical and Artistic Cosmism], in *Chelovek i istoriya v zerkale russkoy filosofii i literatury* [Man and History in the Mirror of Russian Philosophy and Literature]. Moscow: Vodoley, 2021, pp. 641–697.

8. Goryacheva, T. *Teoriya i praktika russkogo avangarda: Kazimir Malevich i ego shkola* [Theory and practice of the Russian avant-garde: Kazimir Malevich and his school]. Moscow: AST: Vremena, 2020. 237 p.

9. Kozellek, R. K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitiy ponyatiy [On the question of temporal structures in the historical development of concepts], in *Sbornik nauchnykh statey «Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta»* [History of Concepts, History of Discourse, History of Mentality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 21–34.

10. Pavlov, A. Metamodernizm: kriticheskoe vvedenie [Metamodernism: A Critical Introduction], in *Metamodernizm. Istorichnost', affect i glubina posle postmodernizma* [Metamodernism: Historicity, Affect and Depth After Postmodernism]. Moscow: RIPOL klassik, 2022, pp. 7–33.

11. Rudnev, V. Modernism, in *Slovar' kultury XX veka: Klyuchevye ponyatiya i teksty* [Dictionary of 20th Century Culture: Key concepts and texts]. Moscow: Agraf, 1999, pp. 177–180.

12. Semenova, S.G. Russkiy kosmizm [Russian Cosmism], in *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought]. Moscow: Pedagogika-press, 1993. 365 p.

13. Semenova, S.G. Filosof budushchego veka: Nikolay Fedorov [Philosopher of the Future Age: Nikolay Fedorov], in *Sozidanie budushchego: filosofiya russkogo komizma* [Creating the Future: the Philosophy of Russian Comedy]. Moscow: Nookratiya, 2020, pp. 210–245.

14. Sofronov, V. *Polozhenie mertvykh. Revizionistskaya istoriya «russkogo kosmizma»* [The position of the dead. The revisionist history of “Russian cosmism”]. Moscow: TSEM: V-A-C press, 2022. 380 p.

15. Yakobson, R.O. Budetlyanin nauki [Budetlyanin of science], in *Budetlyanin nauki: vospominaniya, pis'ma, stat'i, stikhi, proza* [Budetlyanin of science: memoirs, letters, articles, poems, prose]. Moscow: Gileya, 2012, pp. 21–112.

(Articles from Scientific Journals)

16. Afanasov, N. Uskorennyaya reflektivnost' – depressivnaya sotsial'nost' [Accelerated Reflexivity – Depressive Sociality], in *Logos*, 2023, vol. 33, no. 6(157), pp. 1–28.

17. Foucault, M. Chto takoe Prosveshchenie? [What is Enlightenment?], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 1999, no. 2, pp. 132–149.

18. Gacheva, A.G. Filosofiya russkogo kosmizma i obraz budushchego [The Philosophy of Russian Cosmism and the Image of the Future], in *Zemlya i Vselennaya*, 2023, no. 1(349), pp. 14–35.

19. Gacheva, A.G. Futurologiya kosmizma v svete nauchnoy fantastiki: opyt V. Murav'eva i A. Gorskogo [Futurology of Cosmism in the Light of Science Fiction: The Experience of V. Muravyov and A. Gorsky], in *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 163–204.

20. Gryakalov, A.A. Dialog, sobytie i sub"ekt-svidetel' – topo-modern? [Dialogue, event, and subject-witness – topo-modern?], in *Archive of conference «Vizantiya, Evropa, Rossiya: sotsial'nye praktiki i vzaimosvyaz' dukhovnykh traditsiy»*, vyp. 2, Sankt-Peterburg, 22–24 sentyabrya 2022 g. [Archive of the Conference “Byzantium, Europe, Russia: Social Practices and the Interconnection of Spiritual Traditions”, issue 2, St. Petersburg, September 22–24, 2022]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2022, pp. 11–30.

21. Ivanov, E., Voskresenskiy, A., Kozhurin, A., Shevchenkova, A. Exploring Alternatives in Political Narratives: National and Civilizational Identities in Global Discourse, in *Relações Internacionais do Mundo Atual*, 2024, vol. 2, no. 44, pp. 257–265.

22. Medenitsa, V. Mat v dva khoda: mozhno li govorit' o sushchestvennom skhodstve mezhdu supramoralizmom N.F. Fedorova i suprematizmom K.S. Malevicha? [Checkmate in two moves: is it possible to talk about significant similarities between N.F. Fedorov's supramoralism and K.S. Malevich's suprematism?], in *Sbornik nauchnykh statey «Moskovskiy Sokrat: Nikolay Fedorovich Fedorov (1829–1903)»* [Collection of Scientific Articles “Moscow Socrates: Nikolay Fedorovich Fedorov (1829–1903)”]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018, pp. 572–590.

23. Menzel, B. Russian Cosmism, in *The European Legacy*, 2021, vol. 26 (7–8), pp. 862–864.

24. Titarenko, E.M. «Realnoe delo khudozhnika» i filosofii iskusstva: Solov'ev – Fedorov – Chekrygin [The “real business of the artist” and the philosophy of art: Solovyov – Fedorov – Chekrygin], in *Solovevskie issledovaniia*, 2023, issue 4(80), pp. 132–147.

25. Voskresenskiy, A., Gryakalov, A., Rabosh, V., Sultanov, K. Idei kosmizma i filosofiya obrazovaniya: dialog i transversal'nost' [Ideas of cosmism and philosophy of education: dialogue and transversality], in *Nauchnoe mnenie*, 2023, no. 4, pp. 11–20.

(Electronic Resources)

26. Murav'ev, V.N. *Ovladenie vremenem, kak osnovnaya zadacha organizatsii truda* [Mastering time as the main task of organizing work]. Available at: http://chronos.msu.ru/old/RREPORTS/muraviev_ovladenie.pdf (Accessed: 16.08.2023).

УДК 140.8:27
ББК 87.3:86.37(2)

Елена Валерьевна Бессчетнова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, Россия, Москва, e-mail: ebesschetnova@hse.ru

Марина Владимировна Жукова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат философских наук, стажер-исследователь школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, Россия, Москва, e-mail: mv.zhukova@list.ru

Идея христианского единства С.М. Соловьёва¹

Аннотация. Идея христианского единства в русской религиозно-философской мысли традиционно связывается с Вл.С. Соловьёвым, в то время как вклад его племянника и последователя, С.М. Соловьёва, остается малоизученным. Актуальность исследования обусловлена необходимостью реконструкции целостной картины развития филокатолических и экуменических идей в России в начале XX века, а также осмысления духовного опыта личности, становление которой пришлось на период исторических преобразований в обществе. Исследование вопроса выполнено при анализе ключевых работ Соловьёва-мл., включая его поэтическое наследие, переписку, архивные материалы (фонды РГБ, РГАЛИ, ЦА ФСБ, АССО), а также труды современных исследователей. Историко-философская реконструкция эволюции взглядов мыслителя в контексте его жизнетворчества и общественно-политических изменений прослеживается при помощи сравнительного и биографического методов. Выявляются основные этапы формирования идеи христианского единства С.М. Соловьёва – от поиска синтеза культур в символической поэзии через православие к окончательному переходу в католичество восточного обряда. Рассматривается полемика мыслителя с представителями «нового религиозного сознания» и его критика славянофильства. Утверждается, что ключевыми для Соловьёва-мл. стали прагматический и историко-церковный мотивы истолкования католичества как духовного и политического фундамента для спасения послереволюционной России. Анализируются поздние работы мыслителя, в которых раскрывается тезис о необходимости союза с Римом как условия возрождения православного Востока. Делается вывод о том, что идея христианского единства С.М. Соловьёва, пройдя сложную эволюцию, приобрела характер конкретной церковно-практической программы, в которой сочетались экуменический идеал, утопические проекты обновления России и осознание кризиса всех исторических форм христианства.

Ключевые слова: идея христианского единства, филокатолицизм, русское католичество, восточный обряд, экуменизм, новое религиозное сознание, славянофильство, католический экзархат, византийская традиция, Вселенская Церковь

¹ Статья выполнена в рамках реализации работ по гранту РФФИ №25–28–00642 «Идея христианского единства в русской мысли XX–XXI веков». The article was prepared within the framework of the work under the grant of the Russian Science Foundation No. 25–28–00642 “The idea of Christian unity in Russian thought of the 20th–21st centuries”.

Elena Valerievna Besschetnova

National Research University “Higher school of economics”, Candidate of Sciences in Philosophy (PhD.), associate professor, leading research fellow school of philosophy and cultural studies, faculty of Humanities, Russia, Moscow, e-mail: ebesschetnova@hse.ru

Marina Vladimirovna Zhukova

National research university “Higher school of economics”, Candidate of Sciences in Philosophy (PhD.), research assistant school of philosophy and cultural studies, faculty of Humanities, Russia, Moscow, e-mail: mv.zhukova@list.ru

The Idea of Christian Unity of S.M. Solovyov

Abstract. The concept of Christian unity in Russian religious philosophy is predominantly associated with Vladimir Solovyov, while the intellectual legacy of his nephew and follower, Sergey Solovyov, remains significantly under-researched. This study addresses this gap by examining the development of Philo-Catholic and ecumenical ideas in early 20th-century Russia, exploring the unique spiritual trajectory of a thinker whose formation occurred during a period of profound historical catastrophe. The research is based on a comprehensive analysis of a wide range of sources, including Sergey Solovyov's philosophical, theological, and literary-critical works, his poetic oeuvre, correspondence, and previously unstudied archival materials (from the holdings of the Russian State Library, the Russian State Archive of Literature and Art, the Central Archive of the FSB, and the ACCO). The methodology combines historical-philosophical reconstruction with comparative and biographical analysis to trace the evolution of the thinker's views against the backdrop of his life-creation and socio-political upheavals. The article reconstructs the intellectual biography of Solovyov and identifies the key stages in the evolution of his idea of Christian unity – from the aesthetic search for a cultural synthesis in his Symbolist poetry, through his Orthodox priesthood, to his final conversion to Eastern Rite Catholicism. It analyzes his polemics with representatives of the “New Religious Consciousness” and his critique of Slavophilism. The study argues that Solovyov's approach was fundamentally pragmatic, historical, and ecclesiastical, interpreting Catholicism as both a spiritual and a political foundation for the salvation of post-revolutionary Russia. His later works are examined to reveal his core thesis on the necessity of a union with Rome as a prerequisite for the revival of the Orthodox East. The study concludes that Sergey Solovyov's idea of Christian unity, after a complex evolution, crystallized into a concrete ecclesiastical and practical program. This program synthesized an ecumenical ideal for Russia's renewal and a tragic awareness of the crisis of all historical forms of Christianity, representing a unique reinterpretation of the “Russian Idea” through the lens of a Catholic eschatology.

Key words: Christian unity, Philo-Catholicism, Russian Catholicism, Eastern Rite, Ecumenism, “New Religious Consciousness”, Slavophilism, Catholic Exarchate, Byzantine tradition, Universal Church

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.056-071

Введение

С.М. Соловьев (1885–1942) – русский мыслитель, непосредственно связанный с идеей восстановления единства христианских Церквей, – был племянником и крестным сыном философа Вл.С. Соловьева, его биографом, который пошел по стопам своего дяди и во многом повторил его духовную эволюцию. Если Владимир

Соловьев прошел курсы Московской духовной академии вольнослушателем, то Сергей Соловьев закончил полный курс и принял сан священника. Владимир Соловьев подготовил теоретическую почву для воссоединения Русского Православия и Римско-католической церкви, Сергей Соловьев принял католичество официально и стал католическим священником восточного обряда.

Творческая эволюция Соловьева-мл. от поэта-символиста Серебряного века к католическому церковному деятелю и богослову – это путь, отражающий уникальный духовный опыт. Он является автором нескольких текстов, которые напрямую отсылают к идее единства Церкви: «Идея Церкви в поэзии Владимира Соловьева» (1913 г.), «Опыт апологии христианства» (1916–1917 гг.), «Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия» (1917 г.), доклад «Кризис славянофильства» (1917 г.), «Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция» (1922–1923 гг.) и две незаконченные рукописи «Основы Вселенского православия» (1924 г.), «Под дубом Воыни» (1926 г.). В работе «Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия» Соловьев сформулировал свой ключевой тезис: «Забота о воссоединении церквей должна быть у нас заботой каждого, кто верует в православие, любит наш народ и радуется его освобождению. Обильны наши храмы, обильны наши святые, но кругом в них мерзость запустения ... <...> ... невероятным кажется теперь соединение церквей, которое явится началом возрождения русского православия. Но мы уже чувствуем теплоту первых мартовских лучей. <...> Мы верим, что дождемся нашей Пасхи, светлого праздника церковной любви и мира» [1, с. 16].

Воссоединение с Римом виделось мыслителю единственным практическим средством восстановления целостности России и ее духовного спасения. Святой Престол воспринимался как реальная сила и опора в период, когда Православная церковь в России оказалась не в состоянии сопротивляться революционному кризису. Однако и это был утопический проект, в 1920–1930-е годы русские католики также стали жертвами большевистского террора, а Святой Престол по факту не оказал им поддержки. Соловьев с группой других русских католиков был арестован в феврале 1931 г. Его обвинили в антисоветской деятельности: получении финансовой помощи из-за границы, распространении нелегальной литературы, общении с Ватиканом и епископом Пием Эженом Неве², французским и польским посольствами. Поэт и мыслитель был осужден на 10 лет концлагеря, ввиду болезни наказание было заменено на высылку в Казахстан, а впоследствии было отсрочено в связи с лечением в психиатрической больнице [2]. Он умер в эвакуации в Казани, куда была переправлена психиатрическая больница им. Кашенко во время войны. Соловьев был одним из восторженных последователей-идеалистов идей Вл.С. Соловьева, в реальности же с ним произошел надлом, такой же как и с

² Пий Эжен Неве (23 февраля 1877–1917 октября 1946) – епископ Римско-католической церкви, епископ Цитрусский, первый Апостольский администратор Москвы.

его дядей, пересмотревшим свой проект свободной теократии и описавшим ее обратную сторону в «Краткой повести об Антихристе» (1900 г.); имело место столкновение реальной политической прагматики и идеалистических мечтаний русской интеллигенции.

Формирование идеи христианского единства С.М. Соловьева

Не только творчество, но и жизненный путь Соловьева-мл. во многом был определен огромным влиянием на него религиозно-философской мысли Вл.С. Соловьева. С детских лет он близко знал и любил своего знаменитого родственника и чувствовал себя его духовным наследником. Речь идет не только о филокатолических взглядах мыслителя и его идее Вселенской церкви, которая была воспринята его племянником как практическая. Соловьев-мл., как и многие другие его современники, в том числе два близких ему человека Александр Блок и Андрей Белый, считал, что ранняя заря Серебряного века забрезжила именно в творчестве Вл.С. Соловьева. П.П. Гайденко писала об этом: «Не случайно же поэты-символисты видели в романтическом культе красоты В. Соловьева теоретические истоки своей эстетики. <...> ... его яркая, незаурядная личность, о которой еще при его жизни ходили легенды, оказала огромное влияние на формирование той духовной атмосферы, что характерна для серебряного века» [3, с. 72]. Исследовательница также отмечает, что поиски Соловьева-мл. изначально сводились к одному ключевому вопросу: быть ли русскому ренессансу христианским или языческим? М. Смирнов, не отрицая тезиса Гайденко, его уточняет, подчеркивая, что Соловьеву-мл. поэтическое наследие, богословские и историко-философские тексты помогали преодолевать внутренние противоречия, духовную раздвоенность, когда изначальная христианская направленность (именно в православном формате) и влечение к античности, к ценностям европейской культуры не соединялись органически. Также Смирнов подчеркивает, что для Соловьева-мл. «другой проблемой стало в эти годы соотношение индивидуального и соборного в религиозном сознании и творчестве»³. Мыслитель интуитивно не принимал программу нового религиозного сознания Мережковского, критиковал идею «умирающего Бога» Вяч. Иванова и его попытку сблизить Диониса и Христа. Сам Соловьев-мл. писал, что для него разделение на «язычество» и «христианство» есть только недоразумение, достаточно обличаемое историей. Вместо данного деления он предложил деление на мирозерцание религиозно-эстетическое и научно-философское, так как именно эти два мирозерцания сменяются в истории и постоянно враждуют.

В течение 1916–1917 гг. Соловьев-мл. готовил большое теоретическое исследование «Опыт апологии христианства», в котором открыто планировал выступить против Д.С. Мережковского, Вяч.И. Иванова и основоположника антропософии Р. Штейнера: «Мережковскому дорого не столько язычество, сколько

³ См.: Смирнов М. Последний Соловьев. М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 52 [4].

Ренессанс, смешение язычества с христианством, что представляет собой поворот от Ницше к Гете. <...> ... он будет стремиться примирить Акрополь со крестом, не переставая враждовать с опорой византийского Христа, с церковью. <...> Уже в первых произведениях Мережковского намечено его основное заблуждение: христианство берется у него только как начало слабости и сострадательности ..., образ не христианина, а сентиментального язычника времени упадка. Мережковский ищет ему восполнение: слабость должна соединяться с языческой жестокостью, Христос с антихристом. Понять Христа не как слабость, не как “бледную лилию”, а [как] Слово Бога и силу, Мережковскому не удастся. Он – слишком ницшеанец, слишком поверил Платону и Ницше, что страдание расслабляет душу, что сила и красота по существу аморальны» [5]. С точки зрения Соловьева-мл., далеко от христианской истины уводит и Иванов, он отмечает, что «поверить почитаемому филологу – значит потерять здравый и вообще всякий смысл в неверии»⁴. Иными словами, истинным предметом исканий Соловьева-мл. оставался путь к чаемому христианскому единству, а вместе с ним – единству христианской культуры, Востока и Запада.

Уже в первом сборнике стихов Соловьева-мл. «Цветы и ладан» (1907 г.) обозначилась ключевая для автора проблема поиска оснований для единства европейской культуры и места России в ней. Он был убежден, что «собственные переживания, окружающая жизнь тоже должна восприниматься поэтом только как материал для создания объективно-прекрасного»⁵. «Цветы и ладан» – это не эклектика, а сознательный синтез, в котором автор стремится найти точку соприкосновения между природой, народной верой, эстетическим католицизмом и личным, мистическим опытом православия, пытаясь увидеть единую Божественную истину в разных ее проявлениях. Это «ладан» в его внешнем, чувственном проявлении. Через католическую эстетику поэт ищет путь к трансцендентному. Примером может служить стихотворение «Святая Цецилия»:

Возле органа
Святая Цецилия, –
Вся осиянна –
Божия лилия! [7, с. 29]

Если католичество в сборнике часто связано с образом «ладана» (внешняя, обрядовая сторона), то православие в этом стихотворном цикле предстает как более глубокая, внутренняя, мистическая стихия. Православные мотивы максимально интимны для Соловьева-мл. Они проявляются в образах русских святых,

⁴ Соловьев С.М. Черновики критических заметок // Российская государственная библиотека. Ф. 696. С.М. Соловьев. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 3 [6].

⁵ См.: Гайденок П.П. Соблазн «святой плоти» (Сергей Соловьев и русский Серебряный век) // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 74.

старцев, в описании личного юношеского религиозного опыта. Этот мотив отчетливо прослеживается в стихотворении «Храм»:

Прими меня, родной, убогий храм,
Где я искал и находил спасенье.
Куда ребенком бегал по утрам
К заутрене, в святое воскресенье [8, с. 35].

Такой мотив противостоит языческой радости («цветам») и создает внутреннее напряжение цикла. Православие часто показано не через догмат, а через народное, «почвенное» благочестие, что роднит его с фольклорным пластом образной системы этого цикла стихов. Фольклорные мотивы привносят стихию плодородия, простой и ясной народной мудрости, обрядовых песен (календарных, свадебных). Соловьев-мл. видит в этой стихии не отрицание веры, а ее природную, «тварную» основу, которую тоже можно освятить.

В свою очередь, античный идеал вступает в диалог (а иногда и в конфликт) с христианским смирением. Может ли Аполлон примириться с Христом? Этот вопрос стоит за многими текстами цикла. Поэт показывает, что все пути ведут к одному – к поиску Бога, Красоты и Истины: античность – через красоту тела и разума, народная культура – через связь с природой, католичество – через величественный обряд, православие – через внутреннее горение духа. Духовные поиски Соловьева действительно происходили между православием, которое он воспринял с детских лет и считал естественной средой своего существования, и неосмысленной личной религиозностью в форме Римского католичества. Его путь к католичеству и идее христианского единства с опорой на скалу Святого Петра был долгим и во многом был спровоцирован исторической катастрофой русской государственности и Церкви, последовавшей за революцией 1917 года. Безусловно, Соловьев-мл. интуитивно ощущал, что античная культура была христианизирована католическим Римом, когда на развалинах языческих храмов расцвели христианские соборы. Однако во время своей поездки с женой в Италию и посещения Рима в 1913 году город св. Петра не произвел на него впечатления. Соловьев его описывал как максимально формальное и туристическое место, «лишенное своей особой духовности»⁶. Соловьев, сравнивая атмосферу Вечного города с родными ему местами, описал свои впечатления в стихотворении «Привет Новому Иерусалиму»:

Какая смерть в чертогах Ватикана!
<...>
Там даже гроб апостола Петра
Не окрылил в душе моей молитвы [9, с. 432].

⁶ См.: Смирнов М. Последний Соловьев. С. 63.

Однако в этот период идея христианского единства все же не оставляла Соловьева-мл., в поездке он думал о проекте объединения Церквей, принадлежавшем Вл.С. Соловьеву. С.М. Соловьев встретился с кардиналом Рамполлой⁷ и говорил о значении идей Вл.С. Соловьева. В поэме «Италия» (1914 г.) Соловьев-мл. написал об этой встрече:

Под сенью ватиканских сводов
Я видел дней твоих закат,
Союзник северных народов
И Льва Тринадцатого брат⁸ [11, с. 506].

Стефано Гардзонио отмечает, что эта зрелая поэма стала поводом для полной переоценки ценностей, для внутреннего переосмысления своего искусства и его идейных основ, что и отразилось в оценке поэта своих предыдущих сочинений. Поэма стала высшим результатом стремления Соловьева к «обретению концептуального поэтического единства»⁹, а также стимулом для глубокого размышления о красоте и святости, о собственной жизни и о судьбах своей семьи, о форме своей религиозности и путях христианского единства. Соловьев-мл. приходит к выводу, что православие остается для него духовной опорой, но в расширительном значении Православной церкви, соединяющей в себе и Запад, и Восток, – Вселенской Православной Церкви. Свидетельство этого можно найти также в поэме «Италия»:

Другой из глубины могилы,
Из мглы невозвратимых дней,
Встает монаха образ милый,
И он душе моей родней.
<...>
Смиренный инок Дионисий
В моей душе возжег любовь
К таинственным пещерам Рима [10, с. 506].

Данные строки очевидно посвящены митрополиту Дионисию¹⁰, первому предстоятелю Польской православной церкви. Волынь стала особым местом для

⁷ Кардинал Марьяно Рамполла дель Тиндаро был статс-секретарем Святого престола начиная с 1887 года, как раз в период наиболее активных контактов Вл.С. Соловьева с католическими церковными деятелями, продвигавшими его идеи при Святом Престоле. Кардинал статс-секретарь был прекрасно осведомлен о проекте христианского единства русского философа (см. об этом: Besschetnova E. Vladimir Solovyov's idea of ecclesiastic unity and the Holy See // Zeitschrift für Slawistik. 2024. Vol. 69. No. 1. P. 101–114 [10]).

⁸ Речь идет о кардинале Рамполла.

⁹ См.: Гардзонио Ст. Послесловие // Соловьев С.М. Собрание стихотворений. Томск: Водолей, 2007. С. 658 [12].

¹⁰ С.М. Соловьев также посвятил митрополиту стихотворение «Епископу Дионисию» из цикла «Возвращение в отчий дом».

Соловьев-мл., он проводил лето 1912 года в имении Боголюбья под Луцком, принадлежавшем отчиму жены поэта Т.А. Тургеневой. Особое впечатление на него произвела Почаевская лавра, где сталкивались русское православие, католичество и греко-католическая униатская церковь. Эти места благодаря их особой духовности, религиозной жизни и истории стали для Соловьева-мл. землей христианского единства. В стихотворении «Волынь» он писал:

Люблю тебя, как благодатный рай,
О, колыбель славянского народа,
Волынский край!
<...>
Волынский край, где я нашел, не чаяв,
И путь, и жизнь! [13, с. 467]

В этот период Соловьев-мл. всецело увлечен идеей единства Церкви. Он начинает свои поиски с исследования данной проблематики в поэтическом наследии Вл.С. Соловьева. В 1913 году он делает доклад «Идея Церкви в поэзии Владимира Соловьева», опубликованный отдельной статьей в «Богословском вестнике» в 1915 г. В нем он утверждает, что и философия, и поэзия для Вл.С. Соловьева были инструментами религиозного действия. Его настоящей «специальностью» была христианская религия. Соловьев-мл. сравнивает Владимира Соловьева с Платоном и Иоанном Дамаскином, видя в их мысли сочетание философского и поэтического гения. В тексте Соловьев-ст. противопоставляется нисходящему, экстатическому вдохновению, таких писателей как Н.В. Гоголь и Ф.М. Достоевский. Стоит отметить, что гений Достоевского трудно воспринимался Соловьевым-мл., в нем он видел доминирование стихийных сил. В своем письме к С.Н. Дурылину от 1 ноября 1927 г. он писал: «Перечитываю раз в шестой Карамазовых и смотрю на роман новыми глазами ... идеологически – большая неразбериха. Периодически эсхилоская [нрзбр.] идея очищения через страдания, при этом идея церкви и мира не только не раскрыты, но окончательно запутаны» [14]. Напротив, в творчестве своего гениального родственника Соловьев-мл. видел основы синтеза античной философии и христианского богословия, в этой связи он воспринимал его как целостного мыслителя-мистика, чье творчество было целиком подчинено задаче религиозного служения и выражению идеи Церкви как вселенского начала. Кроме того, Соловьев-мл. был убежден, что в «Краткой повести об Антихристе» его дядя, несмотря на ранние филокатолические взгляды, признал истину в деле объединения разделенной Церкви за православием: «Нельзя не смотреть на Повесть об Антихристе как на возвращение Соловьева к Православию. Хотя он не оставляет идеи соединения церквей, но в этом соединении русскому епископу принадлежит роль или равная с католическим или даже первенствующая. Об Унии, в смысле подчинения русской церкви папе, не может быть и речи» [15, с. 83–84].

В данный период и сам Соловьев-мл. делает выбор в пользу православия. В 1915 г. он заканчивает курс Московской духовной академии, 2 февраля 1916 г. он был рукоположен в сан православного священника. В этом же году выходят важные работы, которые стали отражением его духовного пути: сборник стихов «Возвращение в дом отчий» и «Богословские и критические очерки. Сборник статей и публичных лекций».

Сборник «Возвращение в отчий дом» чрезвычайно важен для понимания специфики идеи христианского единства у Соловьева-мл. В нем он окончательно разводит между собой античность и христианство, показывая их принадлежность к разным историческим эпохам. Стоит отметить, что ключевой для своего раннего творчества вопрос о синтезе античной культуры и христианства мыслитель в данный период сводит к проблеме характера культуры эпохи Возрождения, а также ставит вопрос о том, каким был или может быть русский Ренессанс. Данной теме посвящена статья «Эллинизм и Церковь» (1913 г.), где в качестве цели исследования Соловьев обозначил доказательство тезиса о том, что дух русского классического возрождения отличается от духа рациональной западноевропейской культуры: «мы утратили бы самобытность и были осуждены на бесплодие; у нас есть свои вожди, свое историческое прошлое, из которого может развиться грядущее Возрождение. <...> ... нам пора вспомнить, что у нас есть национальные гении, не уступающие европейским» [16, с. 51].

В свою очередь, в сборнике «Возвращение в дом отчий» Соловьев-мл. приходит к ясной формулировке основания собственной идентичности: я есть «чадо Церкви». Церковь воспринимается одновременно и как источник духовной жизни, и как гарант непрерывности традиции, обеспечивающий связь с предками через веру. Стоит отметить, что идея единства Церкви в сборнике – это не просто одна из тем, а своего рода духовный стержень, вокруг которого выстраивается все мироощущение лирического героя. В стихах часто встречаются обращения к образам предков, которые жили в вере. Их молитвы, их быт – это и есть та почва, на которой стоит «отчий дом». Разрушение этой связи воспринимается как величайшая трагедия, а восстановление – как возвращение к истокам. Литургическая жизнь Церкви описывается как источник благодати и подлинной реальности. Евхаристия – это момент максимального единения с Христом–Церковью. Молитва, исповедь, колокольный звон – это не ритуалы, а «голос» Церкви, зовущий домой. Мир вне Церкви, мир «блужданий», часто изображается как пространство раздробленности и метафизического холода. Церковь, напротив, представляется неизменным основанием. Она собирает распадающуюся личность воедино, примиряет человека с Богом и с миром.

Определив свой камень веры, Соловьев-мл. продолжил искать ответы на вопрос о путях восстановления исторического единства Церкви, ее Востока и Запада. В начале 1915 г. во время своего путешествия в Галицию Соловьев-мл. погрузился в особую духовную среду польского католичества и церкви униа-

тов. М. Смирнов приводит примеры из писем Соловьева, в которых он описывает впечатления от своего путешествия: «Львов – город средневекового польского католицизма. Этот католицизм имеет мало общего с веселым античным католицизмом Рима. Из Рима я уехал решительным врагом католицизма ..., но я изменил свой взгляд, познакомившись с католицизмом в Польше. <...> А молящая толпа! В Риме я видел в церквах только туристов, там никто не молится. Но как молятся польские женщины! Часами стоят они на коленях, не сводя взгляд с темного лика Ченстоховской Божией Матери» [4, с. 68–69]. Начинается новый этап в духовных поисках Соловьева-мл., он начинает близко общаться с русскими католиками восточного обряда, посещает богослужения московской общины. В июне 1916 года Соловьев-мл. встретился с В.В. Абрикосовым и его женой, пришедшими к христианству от агностицизма и присоединившимися к Римско-католической церкви. Также мыслитель через митрополита Шептицкого знакомится с экзархом русских католиков восточного обряда Леонидом Федоровым, с которым, по всей вероятности, Соловьёва-мл. связывала тесная дружба, по крайней мере Федоров часто бывал в гостях в Дедово, родовом имении мыслителя¹¹.

В 1917 году в разгар революционных событий Соловьев-мл. опубликовал работу «Вопрос о соединении в связи с падением русского самодержавия», в ней он сблизил униатов и русских католиков восточного обряда, объединяя и тех, и других в единую греко-католическую церковь. Данный текст чрезвычайно важен для понимания будущего перехода автора в католичество, в нем он критикует государство и Русскую церковь за чрезмерный национализм, на примере притеснений русских католиков пишет об историческом провале Русской церкви, ее фактической несвободе, участии в государственных репрессиях и насилии¹². Мыслитель делает вывод: «Духовенство окончательно продает свое первенство за чечевичную похлебку: равнодушие к чистоте вероучения и к нравственной правде, развращенное и ленивое, оно проявляет свою энергию только в деле борьбы с революцией и инородцами» [1, с. 8–9]. Критикуя церковь в России, Соловьев-мл. сравнивает ее с католической церковью и последовательно пытается опровергнуть миф об отсутствии в последней особой духовности, живой веры и народолюбия. В сущности, мыслитель пришел к выводам аналогичным, сделанными в свое время его дядей: «Только в католической церкви живет идеал сверхнародный, вселенский, и только эта церковь может вдохнуть дух жизни в слагающееся тело демократической Европы» [1, с. 14]. 6 февраля 1917 года Соловьев-мл. сделал доклад на заседании Петроградского религиозно-философского обще-

¹¹ В личном архиве кн. Петра Волконского сохранились совместные фотографии Соловьева и Федорова еще до момента присоединения первого к католической церкви. На одном из фото – две дочери Соловьева сидят на ступеньках флигеля, на крыльце с книгой стоит Сергей Соловьев, а рядом Леонид Федоров (см.: АССО Russi, Principe Pietro Volkonsky, Prot 76/47 fasc.9. ff.1–2).

¹² Данный тезис был основным и в критике Вл.С. Соловьева.

ства под названием «Кризис славянофильства». В нем он критиковал славянофилов за чрезмерный национализм и признание исключительности за русской православной духовностью. Он предложил свой путь обновления России – путь христианского единства путем объединения католичества и православия¹³. Зачатки данного союза Соловьев-мл. видел в общине русских католиков восточного обряда, сочетавших византийскую литургию, почитание православных святых (кроме неканонизированных Римом) и верность Папе.

В 1918 г. Соловьев-мл. высоко оценил книгу Л.П. Карсавина «Католичество» за то, что в ней автор сумел описать особый религиозно-мистический опыт католичества, показывая глубину его духовности, что для русского интеллектуального пространства, обычно делающего акцент на историческом устройстве церковной иерархии Рима и специфике догматов, было не характерно. Однако в 1922 г. Соловьев-мл. написал критическую рецензию на работу Карсавина «Восток, Запад и Русская идея», отмечая, что точка зрения автора и не католична, и не православна. Христианское единство у Карсавина, с точки зрения Соловьева-мл., представляет собой дипломатический договор, воссоединение культур: «эта замена понятия единой религиозной истины понятием “культура” – все та же болезнь современного сознания ... <...> ... стоит поставить на место ветхого идеала государственного самодержавия идеал Вселенской церкви, и дело соединения церквей может из области мечтаний перейти в историческую действительность» [18, с. 17–18].

В 1918 г. Соловьев-мл., спасая семью от голода, был вынужден уехать в Саратовскую губернию. Соловьев-мл. вернулся в Москву только в конце 1920 г. и начал совершенно новый этап своей жизни. Он окончательно пересмотрел свои взгляды на русскую церковь, ее возможное обновление и преображение России. В сущности, его России уже и не было, Октябрьская революция разбила все мечты на демократические преобразования, страна погрузилась в гражданскую войну. По всей вероятности, материальное положение Соловьева-мл. было весьма затруднительно, он даже решился в 1921 г. продать Саратовскому университету рукописи Вл.С. Соловьева и передать ряд книг С.М. Соловьева (своего деда) во временное пользование Историко-филологического факультета того же университета¹⁴. Соловьев-мл. также совершил шаг, который окончательно определил его дальнейшую судьбу. По возвращении в Москву на Рождество 1920 г. он присоединился к общине русских католиков¹⁵. М. Смирнов отмечает, что Соловьева-мл. принял в католичество Леонид Федоров¹⁶. Его переход был вполне логичным и во много был вызван

¹³ Соловьев исключал из своего проекта протестантов, не видя в них духовной близости к русскому народу.

¹⁴ Переписка С.М. Соловьева с Саратовским университетом о передаче рукописей // РГАЛИ. Ф. 475. Оп. 2. Ед. хр. 13.

¹⁵ См. об этом: Mailloux P. Exarch Leonid Fedorov: Bridgebuilder between Rome and Moscow. New York: Kenedy & Sons, 1964. P. 38.

¹⁶ См. об этом: Смирнов М. Последний Соловьев. С.85.

прагматикой жизни. Дело в том, что в первые послереволюционные годы многие русские мыслители, осознавшие всю глубину катастрофы, которая настигла и русскую государственность, и Русскую церковь, увидели спасение России в опоре на скалу Святого Петра. Н.О. Лосский опубликовал статью «Об единстве Церкви. Проблемы русского религиозного сознания» (1924 г.); было создано общество поборников воссоединения церквей, членами которого являлись Е.Н. Трубецкой, Г.А. Рачинский и С.М. Соловьев¹⁷; С.Н. Булгаков в работе «У стен Херсониса» (1923 г.) писал, о возможности отказаться от всей русской философии и литературы за исключением двух имен: Чаадаева и Соловьева, потому что это были те самые философы, которые служили делу истинного единства и определили опору для России в Престоле Святого Петра¹⁸.

Стоит отметить, что в первой половине 1920-х Святой Престол организовал гуманитарную миссию помощи голодающим в России. Патриарх Тихон направил обращение к Римскому понтифику с просьбой о помощи. Бенедикт XV ответил в конце 1921 г., буквально за два месяца до своей кончины в январе 1922 г., успев направить в молодое советское государство более 40 вагонов зерна. Однако основная организация миссии была возложена на Пия XI, который взошел на Папский престол в 6 февраля 1922 г. Историк католической церкви Кьяра Доммарко отмечает, что «если бы миссий помощи голодающим не было, восстания людей было бы не избежать»¹⁹. Вполне вероятно, что Соловьев-мл., уже присоединившийся к русским католикам и активно принимавший участие в жизни общины, смотрел на Римскую церковь как на единственный деятельный субъект, способный противостоять разразившемуся в России хаосу.

Однако переход Соловьева-мл. в католичество не был легким, он сопровождался сомнениями и духовными метаниями. В 1922 г. он временно возвращается в православие, но уже в 1923 г. возвращается в католичество, примерно в этот же период Соловьев-мл. был рукоположен в сан католического священника, а в 1926 г., уже после ареста Леонида Федорова и других членов общины, сознательно, понимая все риски для своей жизни, он становится вице-экзархом русской католической церкви восточного обряда, оставаясь верным своему выбору и служению до конца жизни, несмотря на арест в 1931 г. и последовавшую за ним болезнь. Биографы Соловьева-мл. А. Венгер и М. Смирнов отмечают, что первым и достоверным свидетельством принятия сана католического священника Соловьевым-мл. можно рассматривать его письмо в адрес Католической миссии помощи России о передаче рукописи книги Вл.С. Соловьева «История и

¹⁷ Воззвание общества поборников воссоединения церквей ACCO Russi, Principe Pietro Volkonsky, Prot. 76/47, fasc. 6. ff. 1–2 rv.

¹⁸ См. об этом: Булгаков С.Н. У стен Херсониса // Символ. 1991. № 25. С. 167–342.

¹⁹ См.: Доммарко К.М. Как Святой престол помогал голодающим в 1920-х годах [Электронный ресурс]. URL: <https://s-t-o-l.com/material/37413-kak-svyatoy-prestol-pomogal-golodayushchim-v-1920-kh-godakh/> (дата обращения: 21.07.2023) [19].

будущность теократии» в дар Апостольской библиотеке Ватикана²⁰, свое письмо Соловьев-мл. подписал как «племянник Владимира Соловьева, католический священник восточного обряда Сергей Соловьев»²¹.

Окончательное решение вопроса о возможных путях христианского единства

А. Венгер свидетельствует о том, что Соловьев-мл. с большой ревностью исполнял свои пастырские обязанности. Он продолжил размышлять о путях к христианскому единству, открыто говоря о важности почитания славянских святых и даже древнерусских святых всеми христианами, что могло бы поспособствовать появлению молитвенного общения. Соловьев-мл. поделился своей идеей с руководителем комиссии Pro Russia монс. Мишелем д'Эрбиньи и апостольским администратором в Москве монс. Неве. Они попросили Соловьева-мл. подготовить историческое обоснование данной инициативы и отмечали, что, «если начать с доктринального подхода, необходимо будет обратиться в Saint Office (Конгрегацию вероучения), которая, безусловно, отнесется к этому враждебно» [20, с. 6].

В последний, католический период жизни и творчества Соловьева-мл. идея христианского единства нашла свое отражение в работе «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева» (1922–1923 гг.) и в двух неоконченных рукописях «Основы Вселенского православия» (1924 г.) и «Под дубом Волыни» (1926 г.). Работа «Основа Вселенского православия» была призвана стать манифестом христианского единства, сводом его конкретных инициатив по достижению единства Церкви, а главное – дать обоснование важности данного вопроса для современного мыслителя исторического момента. Соловьев-мл. настаивал, что в данный период невозможно решить проблему разделения христианского человечества только путем религиозно-философских или богословских дискуссий, она, наконец, должна быть воспринята как актуальный исторический вызов, ответ на который может быть найден только внутри церковной практики. М. Смирнов отмечает, что «о. Сергей ставит вопрос о воссоединении церковей более исторично, конкретно, с большей эрудицией. <...> Ему хочется осмыслить и разрешить проблемы разъединения Церквей до конца, преодолеть благостное равнодушие к ней» [4, с. 107]. Соловьев-мл. подчеркивает, что вне союза с католическим Западом православный Восток окончательно обречен на исторический

²⁰ См. об этом: Смирнов М. Последний Соловьев. С. 93; Венгер А. Материалы к биографии Сергея Михайловича Соловьева // Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель: Жизнь с Богом, 1977. С. 3 [20]; Berdnikova A. The History and Future of Theocracy by Vladimir Solovyov: sources, editions, and the manuscript // *Studies in East European Thought*. 2024. С. 1–14.

²¹ См.: Письмо С.М. Соловьева в адрес Католической миссии помощи России // *Biblioteca Apostolica Vaticana (BAV). Vat. Slav.* 64. ff. 3–4 [21].

провал. Мыслитель, с одной стороны, настаивает на том, что православная церковь не является схизматической, она никогда не покидала Вселенской Церкви, поэтому католической в значении кафолической «является не только латинская церковь, но и греческая церковь»²². Однако, с другой стороны, он отмечает, что православный критерий истины – соответствие церковному преданию и учению святых отцов церкви – устарел, в связи с чем церковь христианского Востока обращена сугубо в прошлое, она не способна воспринимать живую истину, в отличие от Римско-католической церкви, которая тонко улавливает духовные потребности эпохи. В этой связи союз с христианским Западом способствует расцвету христианского Востока.

Стоит отметить, что в идее христианского единства С.М. Соловьева-мл. лежат также основы и Русской идеи. В сущности, католичество стало для Соловьева тем связующим звеном, которое помогло соединить веру его предков и его народа с достижениями европейской культуры, именно католичество, особенно после большевистской революции, виделось ему защитой от языческой стихии христианства в России.

Список литературы

1. Соловьев С.М. Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия. М.: Типография товарищества Рябушинских, 1917. 16 с.
2. Справка по делу Соловьева и др. «восточных католиков» // Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. № Н-7558. Дело № 591681, Описание дела № 107338 стр. б/н.
3. Гайденок П.П. Соблазн «святой плоти» (Сергей Соловьев и русский Серебряный век) // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 70–95.
4. Смирнов М. Последний Соловьев. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 369 с.
5. Соловьев С.М. Рукопись статьи «Опыт апологии христианства» // Российская государственная библиотека. Ф. 696. С.М. Соловьев. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 1–3.
6. Соловьев С.М. Черновики критических заметок // Российская государственная библиотека. Ф. 696. С.М. Соловьев. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 3.
7. Соловьев С.М. Святая Цецилия // Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2007. С. 29.
8. Соловьев С.М. Храм // Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2007. С. 35–36.
9. Соловьев С.М. Привет Новому Иерусалиму // Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2007. С. 431–433.
10. Besschetnova E. Vladimir Solovyov's idea of ecclesiastic unity and the Holy See // Zeitschrift für Slawistik. 2024. Vol. 69, No. 1. P. 101–114.
11. Соловьев С.М. Рим // Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2007. С. 499–511.
12. Гардзонио Ст. Послесловие // Соловьев С.М. Собрание стихотворений. Томск: Водолей, 2007. С. 650–670.
13. Соловьев С.М. Вольнь // Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2007. С. 466–468.
14. Письмо С.М. Соловьева к С.Н. Дурьлину от 1 ноября 1927 года // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 810. Л. 1.
15. Соловьев С.М. Идея церкви и поэзии Владимира Соловьева // Богословский вестник. 1915. Т. 1, № 1. С. 59–86.

²² См.: Смирнов М. Последний Соловьев. С. 108.

16. Соловьёв С.М. Эллинизм и Церковь // Богословский вестник. 1913. Т. 3, № 9. С. 50–76.
17. Фотодокументы из личного архива князя П.П. Волконского // Архив Конгрегации Восточных Церквей (АССО). Russi, Prot 76/47 fasc. 9. ff. 1–2.
18. Соловьёв С.М. Рецензия на: «Восток, Запад и русская идея Карсавина Л.П.» // Российская государственная библиотека. Ф. 696. С.М. Соловьёв. Картон. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 18.
19. Доммарко К.М. Как Святой престол помогал голодающим в 1920-х годах [Электронный ресурс]. URL: <https://s-t-o-l.com/material/37413-kak-svyatoy-prestol-pomogal-golodayushchim-v-1920-kh-godakh/> (дата обращения: 21.07.2023).
20. Венгер А. Материалы к биографии Сергея Михайловича Соловьёва // Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. Брюссель: Жизнь с Богом, 1977. С. 3–15.
21. Письмо С.М. Соловьёва в адрес Католической миссии помощи России // Bibliotheca Apostolica Vaticana (BAV). Vat. Slav. 64. ff. 3–4.

References

(Sources)

1. Fotodokumenty iz lichnogo arkhiva knyazyaya P.P. Volkonskogo [Photographic Documents from the Personal Archive of Prince P.P. Volkonsky], in *Archivio della Congregazione per le Chiese Orientali* [Archive of the Congregation for the Oriental Churches]. Russi, Principe Pietro Volkonsky, Prot 76/47 fasc. 9. ff. 1–2.
2. Spravka po delu Solov'eva i dr. «vostochnykh katolikov» [The Investigative Case of S.M. Solovyov and Other “Eastern Catholics”], in *Tsentr'al'nyy arkhiv Federal'noy sluzhby bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* [Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. No. N-7558.

Individual Works

3. Solov'ev, S.M. Chernoviki kriticheskikh zametok [Drafts of Critical Notes], in *Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka* [Russian State Library] (further: RGB). F. 696. S.M. Solovyov. Op. 2. Ed. khr. 13. L. 3.
4. Solov'ev, S.M. Khram [Temple], in *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems]. Moscow: Vodoley, 2007, pp. 35–36.
5. Solov'ev, S.M. Ellinizm i Tserkov' [Hellenism and the Church], in *Bogoslovskiy vestnik*, 1913, vol. 3, no. 9, pp. 50–76.
6. Solov'ev, S.M. Ideya tserkvi i poezii Vladimira Solov'eva [The Idea of the Church and Vladimir Solovyov's poetry], in *Bogoslovskiy vestnik*, 1915, vol. 1, no. 1, pp. 59–86.
7. Solov'ev, S.M. Rim [Rim], in *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems]. Moscow: Vodoley, 2007, pp. 499–511.
8. Solov'ev, S.M. Pis'mo S.M. Solov'eva k S.N. Durylinu ot 1 noyabrya 1927 goda [Letter from S.M. Solovyov to S.N. Durylin dated November 1, 1927]. *RGALI*. F. 2980. Op. 1. Ed. khr. 810. L. 1.
9. Solov'ev, S.M. Pis'mo S.M. Solov'eva v adres Katolicheskoy missii pomoshchi Rossii [Letter from S.M. Solovyov to the Catholic Mission for Aid to Russia], in *Bibliotheca Apostolica Vaticana*. Vat. Slav. 64. ff. 3–4.
10. Solov'ev, S.M. Retseziya na: «Vostok, Zapad i russkaya ideya Karsavina L.P.» [Book Review: Karsavin L.P. “The East, the West, and the Russian Idea”]. Petrograd: Academia, 1922. 80 p., in *Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka*. F. 696. S.M. Solov'ev. Karton. Op. 2. Ed. khr. 16. L. 18.
11. Solov'ev, S.M. Privet Novomu Ierusalimu [Greetings to the New Jerusalem], in *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems]. Moscow: Vodoley, 2007, pp. 431–433.
12. Solov'ev, S.M. Rukopis' stat'i «Opyt apologii khristianstva» [Manuscript of the Article “An Attempt at an Apology for Christianity”], in *Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka*. F. 696. S.M. Solovyov. Op. 2. Ed. khr. 14. L. 1–3.

13. Solov'ev, S.M. Svyataya Tsetsiliya [Saint Cecilia], in *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems]. Moscow: Vodoley, 2007, p. 29.

14. Solov'ev, S.M. Volyn' [Volhynia], in *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems]. Moscow: Vodoley, 2007, pp. 466–468.

15. Solov'ev, S.M. *Vopros o soedinenii tserkvey v svyazi s padeniem russkogo samoderzhaviya* [The Question of the Union of Churches in Connection with the Fall of the Russian Autocracy]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva Ryabushinskikh, 1917. 16 p.

(Articles from Scientific Journals)

16. Besschetnova, E. Vladimir Solovyov's idea of ecclesiastic unity and the Holy See, in *Zeitschrift für Slawistik*, 2024, vol. 69, no. 1, pp. 101–114.

17. Gaydenko, P.P. Soblazn «svyatoy ploti» (Sergey Solov'ev i russkiy serebryanny vek) [The Temptation of the “Holy Flesh” (Sergei Solovyov and the Russian Silver Age)], in *Voprosy literatury*, 1996, no. 4, pp. 70–95.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

18. Gardzonio, S. Posleslovie [Epilogue], in Solov'ev, S.M. *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems]. Tomsk: Vodolei, 2007, pp. 650–670.

(Monographs)

19. Smirnov, M. *Posledniy Solov'ev* [The Last Solovyov]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2014. 369 p.

20. Venger, A. Materialy k biografii Sergeya Mikhaylovicha Solov'eva [Materials for a Biography of Sergey Mikhailovich Solovyov], in *Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya Vladimira Solov'eva* [The Life and Creative Evolution of Vladimir Solovyov]. Brussels: Zhizn' s Bogom, 1977, pp. 3–15.

(Electronic Resources)

21. Dommarko, K.M. *Kak Svyatoy prestol pomogal golodayushchim v 1920-kh godakh* [How the Holy See Helped the Starving in the 1920s]. Available at: <https://s-t-o-l.com/material/37413-kak-svyatoy-prestol-pomogal-golodayushchim-v-1920-kh-godakh/> (accessed: 21.07.2023).

УДК 1(091):11.8
ББК 87.3:87.152.12

Ирина Викторовна Гравина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога, Россия, Москва, e-mail: ei-rene@ya.ru

**Единое в философии А.Ф. Лосева
и «солнечная генология» Эгиля Виллера¹**

Аннотация. Предпринята попытка сравнения ряда философских идей А.Ф. Лосева с аналогичными идеями малоизвестного в России норвежского антиковеда Эгиля Виллера (1925–2021) и его оригинальным подходом к античной философии. Предметом рассмотрения является неоплатоническое учение о Едином (генология), которое артикулируют и развивают оба автора независимо друг от друга, но имея при этом сходные интенции. Подчеркнуто, что оба философа подходили к проблеме Единого с религиозных позиций, во многом преследуя апологетические цели в среде, чуждой религиозным системам. Генология в их работах выступает как конституирующая основа дискурса христианской философии в качестве апофатического начала, наследующего традиции раннего христианского неоплатонизма, но на языке современных философских понятий. Отмечено, что Виллер не просто вводит в научный оборот саму генологию, полагая ее перспективным направлением для современной философии, но и вступает в диалог с хайдеггеровой философией, вводя еще понятие генологического различия (henological difference). Наконец, отмечено, что пристальное внимание к генологии характерно не только для указанных философов, но и в целом для философии XX века. Сделан вывод о взаимодополняемости взглядов мыслителей.

Ключевые слова: генология, учение о Едином, генология Виллера, античная философия, неоплатонизм, феноменология, постметафизика, апофатизм, философия А.Ф. Лосева

Irina Viktorovna Gravina

National Research University “Higher School of Economics”, PhD in Philosophy, Research fellow, International Laboratory of Russian-European Intellectual Dialogue, Moscow, Russia, e-mail: ei-rene@ya.ru

**The One in the philosophy of A.F. Losev
and “Solar Henology” of Egil Wyller**

Abstract. This article attempts to compare a number of philosophical ideas of A.F. Losev with those of the Norwegian classical scholar Egil Wyller (1925–2021), little-known in Russia, and his original approach to ancient philosophy. The subject of consideration is the Neoplatonic doctrine of the One (henology), which both authors articulate and develop quite independently of each other, yet with remarkably similar intentions. It is emphasized that both philosophers approached the problem of the One

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>. The research was funded by the Russian Science Foundation № 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

from a religious standpoint, largely pursuing apologetic goals within an environment alien to religious systems. In their works, henology acts as the constitutive basis of Christian philosophical discourse, serving as an apophatic principle that inherits the traditions of early Christian Neoplatonism, but articulated in the language of modern philosophical concepts. It is noted that Wyller not only introduces henology into scholarly circulation, considering it a promising direction for contemporary philosophy, but also engages in a dialogue with Heidegger's philosophy, introducing, among other things, the concept of "henological difference". Finally, it is observed that close attention to henology is characteristic not only of these two philosophers, but of 20th-century philosophy as a whole. The conclusion is drawn about the complementary nature of the thinkers' views.

Key words: henology, doctrine of the One, Wyller's henology, ancient philosophy, Neoplatonism, phenomenology, post-metaphysics, apophaticism, philosophy of A.F. Losev

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.072-086

Небольшой экскурс в историю проблемы Единого (или генология) хотелось бы начать с рассмотрения античной философии досократиков, платонизма и неоплатонизма, в которых генология обретает понятийную структуру как проблема одного и иного, блага-самого-по-себе «по ту сторону сущности» (ερεκεῖνα τῆς οὐσίας), апофатического Первоначала и его эманаций; затем – средневековой философии, которая развивает эту тему в рамках дискуссий о формировании Троичного догмата; философии эпохи Возрождения – трудов Николая Кузанского, мистика Мейстера Экхарта и герметических воззрений Джордано Бруно. В Новое время эта проблема теряет свою остроту и трансформируется в проблему Абсолюта². Будучи тесно связанной с религиозной философией, часто подразумевая под собой теологическое содержание, проблема Единого все в большей и большей степени исчезает из пространства рассмотрения европейского рационализма, уходящего в критику метафизических понятий, апогеем чего станет развитие позитивизма. В пике данной тенденции в русской религиозной философии XIX–XX вв. возникает повышенный интерес к этой теме.

Для русской религиозной философии (а именно, философии всеединства) тема Единого обусловлена православным мироощущением авторов и, по сути, обнаруживается еще в XIX веке в трудах Вл. Соловьева и славянофилов³, хотя еще не формулируется именно как генология, но содержит теорию божественного сверх-начала. Тем любопытнее, что в XX веке ей начинают интересоваться даже далекие от религии европейцы. П.П. Гайденко, отмечая внимание к данной

² О генезисе понятия Единого в истории философии см.: Кузьменко Г.Н. О перспективах использования термина «генология» в историко-философском исследовании. Вопросы философии. 2016. № 2. С. 213–216 [1].

³ Исследователи находят развитие данной темы уже у славянофилов (см., например: Петрова Л.А. Концепция соборности А.С. Хомякова в контексте представлений о единстве и множественности в византийской философии // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 119–130 [2]).

теме в философии XX века, пишет, что «в зависимости от того, какое из этих понятий признается верховным началом, можно говорить о двух типах метафизики – метафизике единого (генологии) или метафизике бытия (онтологии)» [3, с. 14]. Именно такую классификацию предлагает антиковед Эгиль Виллер. Тенденция интереса к этой теме затронула и французский постструктурализм (М. Фуко), и постмодернизм (Ж. Делез, А. Бадью), где звучит призыв к «низвержению платонизма»⁴ с его метанарративным мышлением, мышлением единства и иерархии, как образца изжившей себя метафизики, и более поздние версии постметафизической философии и теологии. У протестантского философа Райнера Шюрманна (Reiner Schürmann) возникает концепция, согласно которой генология видится как путь выхода из кризиса метафизики⁵. Сходные идеи можно увидеть у феноменолога Ж.-Л. Мариона и теолога Дж. Милбанка. Тема генологии интересовала не только европейских и русских исследователей. В статье «От генологической редукции к феноменологии имени»⁶ японский исследователь Шигеру Тагучи определяет мистическое созерцание в феноменологическом ключе. Автор проводит параллели между буддийской и платоновской традициями, акцентируя внимание на понятии Единого, обозначая «восхождение» к нему современным термином «редукция»⁷. А.Ф. Лосев, в свою очередь, писал, что в наиболее объемном виде тема апофатического Единого на Востоке была представлена в Упанишадах⁸.

Наконец, что касается истории самого термина «генология», то здесь можно сослаться на Виллера, который пишет: «...термин (enologie) был введен ... Этьенном Жильсоном, Париж, в 1948 году как характеристика неоплатонической мысли в рамках европейской средневековой традиции; в том же смысле и Йозеф Кох, Кёльн, позднее ввел в употребление слово “Einheitsphilosophie” (1956 г.)» [8, с. 5]. При этом Лосев отмечает куда более ранние источники: «Интенсивный анализ платоновской солнечной генологии в духе Прокла начинается в середине 20-х годов нынешнего столетия. Небезынтересно отметить, что такие первые две интерпретации платоновских “Парменида” и “Тимея” появились одновременно в Париже и в Москве. Парижский историк философии Жан Валь и автор настоящей работы впервые подробно проанализировали с этой точки зрения платоновские диалоги “Парменид” и “Тимей”, основополагающие для всего последующего развития платонизма, особенно для неоплатонизма» [9, с. 266–267]. Иными словами,

⁴ См.: Делез Ж. Симулякр и античная философия // Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С. 330–367 [4].

⁵ См.: Schürmann R. Neoplatonic Henology as an Overcoming of Metaphysics // Research in Phenomenology. 1983. Vol. 13. P. 25–41 [5].

⁶ См.: Taguchi S. From Henological Reduction to a Phenomenology of the “Name”: A Reinterpretation of Japanese Pure Land Thought // Frontiers of Japanese Philosophy 4: Facing the 21st Century. Nagoya: Nanzan Institute for Religion & Culture, 2009. P. 51–64 [6].

⁷ Там же.

⁸ См.: Лосев А.Ф. Самое Самó // Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самое Самó / подгот. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016. С. 188–426 [7].

сперва о генологии заговорили исключительно как об оригинальной интерпретации при прочтении платоновских текстов (именно неоплатоникам принадлежат комментарии на «Парменид» Платона, где развивается идея об апофатическом Едином, *едином-которое-выше-бытия*). Однако вскоре, как мы отметили, платоническая проблема Единого вышла за пределы исключительно историко-философских штудий и заинтересовала философов своей актуальностью для современной философии в целом⁹.

Словом, проблема Единого в XX веке обрела как своих критиков, так и своих сторонников¹⁰. Настоящими апологетами генологии в XX веке становятся А.Ф. Лосев и Э. Виллер, причем, что самое интересное, определяли её крайне сходным образом.

Алексей Лосев: генология как абсолютная мифология

Важность понятия Единого для характеристики системы А.Ф. Лосева впервые отмечает А.Л. Доброхотов, участник упомянутого виллеровского генологического семинара: «речь идет о проблеме, которая волновала мыслителя на протяжении всей его интеллектуальной жизни: о Первоедином и формах его открытости познающему уму» [12, с. 5]. Наиболее активно Лосев размышлял над данной темой в ранний период творчества, часто и много он касался ее в 20–30-е годы, она лежала в основе толкования Лосевым платонизма, а апофатическая диалектика Дионисия Ареопагита¹¹ оказала огромное влияние на лосевскую концепцию символа и имени. Ряд работ Лосева непосредственно посвящен выяснению статуса Единого у конкретных европейских философов и в истории философии вообще (особенно примечательны тексты о Николае Кузанском¹²), стоит выделить работу о Германе Когене, посвященную анализу и критике его понятия «принцип происхождения» из «Логики чистого познания» с позиций

⁹ Споры идут не только о том, нужно ли современной философии Единое или этот метанарратив должен быть преодолен, но и о том, корректны ли неоплатонические комментарии на Платона в принципе, есть ли у него действительно эта самая «генология». Например, в работе «Философия беспредпосылочных начал» А.М. Гагинский полагает, что этот комментарий ошибочен и догматичен [10].

¹⁰ См.: Гравина И.В. Переосмысляя Единое: А.Ф. Лосев и европейская генология XX // Вопросы философии. 2022. № 10. С. 76–85 [11].

¹¹ Обычно Лосев не пишет уже давно принятую приставку «Псевдо-»(Дионисий), хотя отмечает, что Ареопагитики слишком методологически развиты для эпохи Дионисия Ареопагита и лишь подписаны этим именем. Поэтому и в статье используются лосевские формулировки.

¹² См., в частности: Лосев А.Ф. Николай Кузанский и диалектический Перво-принцип в антично-средневековой философии // Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: в 2 т. Т. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 317–360 [13]; Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: сборник: в 2 т. / отв. ред., сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Е.А. Тахо-Годи. М.: ЯСК, 2016. Т. 1. 727 с.; Т. 2. 519 с. [14].

неоплатонизма¹³. Вот как комментирует цели Лосева О. Бычков: «Алексей Федорович поставил перед собой по человеческим меркам невыполнимую задачу просмотреть всю историю европейской мысли – от античности до конца средних веков – и в одиночку перевести выборки текстов по понятию Единого, причем в кратчайшие сроки, вероятнее всего в течение одного 1929 г.» [16, с. 122]¹⁴. При жизни Лосева эти исследования полноценно не дошли до читателя, посмертно опубликованы обширные фрагменты на эту тему¹⁵. Например, Лосев довольно детально прослеживает как «истощалось» понятие платоновского Единого в работе «Николай Кузанский и диалектический Перво-принцип в антично-средневековой философии», отмечая, что логика отказа от генологии постепенно привела не просто к номинализму, но к уже современному ему позитивизму, а если идти вслед за мыслью Лосева, то и к кризису метафизического мышления в целом. Эта же тема акцентированно развита Лосевым в работе «Самое Самó», в которой прослеживается история развития сверх-начала, какие формы и имена оно получало в истории философии.

Хотя генология Лосева, в отличие от генологии Виллера, имеет понятийно не всегда артикулированную форму, она куда более методологически проработана. Если Виллер пытается актуализировать античные идеи, своего рода популяризовать их, то Лосев в работе «Диалектика мифа»¹⁶ разрабатывает целую систему (не говоря о том, что тема Единого содержится и в его антиковедческих работах), названную им абсолютной (мифологией). Последняя представляет собой диалектически обоснованную понятийно описанную модель Пресвятой Троицы. Диалектическая система Лосева буквально выстраивается вокруг понятия апофатического Единого, которое принимает катафатические формы мифа, имени, символа, числа. Будучи приверженцем античной диалектики неоплатоников, для которых это понятие было центральным, Лосев адаптирует его для своей собственной религиозной системы (в каком-то смысле так же, как его в свое время адаптировала патристика для описания Троицы). Пользуясь методом негативной теологии (Дионисий Ареопагит), Лосев утверждает истинность генологической трактовки Абсолюта как апофатического сверх-начала и, что важно, форм его выражения в свете относительных несовершенных социальных мифов, претендующих на истинность. Особенное значение здесь имеет критика социальных мифов – политических идеологем и экспансии позитивистской

¹³ См.: Лосев А.Ф. «Логика чистого познания» Г. Когена и неоплатонизм [Электронный ресурс] // Журнальный клуб «Интелрос // Credo New. 2012. №1. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-2012-1/13141-logika-chistogo-poznaniya-g-kogena-i-neoplatonizm-iz-arhiva.html (дата обращения: 25.10.2025) [15].

¹⁴ Напомним, что подобной работе вполне успешно посвятил свою жизнь Эгиль Виллер.

¹⁵ О сложной судьбе этих текстов можно прочесть во введении к уже упоминаемому двухтомнику о Николае Кузанском, написанном Е.А. Тахо-Годи (см.: Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: сборник: в 2 т.).

¹⁶ С этой точки зрения важен полный текст работы, то есть со всеми примечаниями, опубликованными посмертно. Именно в них подробно раскрывается понимание Лосевым *абсолютной мифологии*.

науки в сферу сакрального (его критики и отрицания) с ее уверенной трактовкой действительности. Критика философа направлена на материализм, он спорит с идеей отрицания трансцендентного. Кроме того, Лосеву важно вывести христианство из дискурса трансцендентального, которое оказалось там благодаря дуалистическому взгляду философии модерна на религиозные смыслы, далее получившему свое концептуальное завершение в критикуемой им кантовской «вещи в себе».

Для полемики с кантовским агностицизмом Лосеву очень важно понятие Единого, в котором он подчеркивает апофатическое измерение. Здесь ключевой момент заключается в том, что апофатизм – это не агностицизм. Неоплатонизм утверждал Единое как сверх-реальность, как реальность, в свете которой мир лишь копия, манифестация, отражение. В свете генологии под вопрос ставится не Абсолют, а мир со всем его несовершенством. Для полемики с первым ему очень важна концепция символа, поскольку так Лосев убирает конфликт материального и идеального, который заключается в вопросе первичности материального над идеальным, ведь в символической диалектике материя и идея есть нечто слитное. Два этих принципа гипостазируются лишь в когнитивном акте, при попытке проанализировать то или иное явление сознание неизбежно расщепляет данные начала, говоря о мире духовном и мире материальном, однако если говорить о реальности, то в ней они всегда едины и говорить о первичности какого-то из них нельзя. Отсюда абсолютный миф – это полнота идеального и реального, Бога и его воплощения, Бога и его творения, полнота смысла, к которому все стремится. Нарушение целостности абсолютного мифа приводит к мифам относительным.

Размышлял Лосев над проблемой Единого и в более поздний период. Например, можно привести ряд параграфов из 6 тома «Истории античной эстетики», где он сравнивает Плотина с Гегелем и Шеллингом, отмечая трансформацию или вовсе отсутствие у них темы неоплатонического Единого. Повторимся, что, согласно Лосеву, отказ от понимания Единого именно в неоплатоническом ключе имел далеко идущие последствия в пользу постепенного отказа от трансцендентного. Лосеву видится, что начальный импульс этого деструктивного процесса возник именно в метафизике Аристотеля, не понявшего должным образом учителя. Вот как это формулирует отечественный мыслитель: «Восток утверждает Единое в его абсолютной самостоятельности и независимости как в смысле предметного содержания, так и в смысле положения в общей диалектической системе; Запад же к Единому приходит через низшие сферы и поэтому, хотя с своей собственной точки зрения мыслит его тоже абсолютно самостоятельным, однако, если оценивать это учение объективно, сразу видно, что предметное содержание такого Единого ограничено кругом доступного низшим сферам» [17, с. 103]. Мистическая мысль о Едином, *которое-выше-бытия* (ερεκεῖνα

tes ousias) получила наибольшее развитие в неоплатонизме, а затем сохранялась только в религиозных учениях (не только христианских – она интересна и другим течениям и традициям, так или иначе основанным на неоплатонизме, гностицизме, герметизме)¹⁷. Краеугольным камнем этого разграничения, по Лосеву, является игнорирование латинством (Фома Аквинский, Бонавентура, Витело и др.) платоновской критики отождествления Единого и бытия, о чем он пишет в заключении текста «Об историческом контексте трактата Николая Кузанского “О неинном”». Исходя из этой максимы, Лосев противопоставляет западную философию отечественной, православную – неправославной, платонизм – аристотелизму, византийскую мысль – латинской.

Эгиль Виллер: генология на смену онтологии

Активной разработкой генологии как полновесного исследовательского направления занимался Эгиль Виллер (1925–2021)¹⁸ – норвежский ученый, исследователь-антиковед, переводчик Платона на норвежский язык, профессор университета в Осло, где долгое время возглавлял кафедру философии. Кроме работы по популяризации античного и христианского платонизма, Виллер известен в Норвегии и как популяризатор философии в целом – сооснователь философской серии книг «Идея и мысль», монографий о норвежских философах, сооснователь, а затем глава Платоновского общества (1971–1979 гг.). Особенно ценной и оригинальной является проделанная Виллером работа по изучению античного и средневекового наследия с точки зрения представления в ней проблемы Единого. На русском языке она издана как двуязычная (древнегреческий – русский) антология текстов о Едином «Учение о Едином в античности и средневековье»¹⁹, вышедшая в 2002 году. Наиболее примечательным для нашей темы фактом является и то, что Виллер – организатор так называемого *Генологического семинара*, результаты которого были опубликованы в качестве тематического сборника работ по античной и средневековой генологии (1998 г.)²⁰. В противовес нигилистическим тенденциям и позитивизма, и постмодернизма, который обращался к проблеме Единого сугубо критически, как к ключевому метанарративу

¹⁷ Например, в XX веке тема Единого крайне интересна неакадемическому, но популярному интеллектуальному течению «интегральный традиционализм» (Рене Генон, Фридьоф Шуон и др.).

¹⁸ Первая работа Виллера конкретно на эту тему, датируется 1972 годом (см.: Wyller Egil A. Henologie // Historisches Wörterbuch der Philosophie, hrsg. von J.Ritter, Bd. 3, Basel-Stut: Schwabe & Co, 1972. URL: https://www.schwabeonline.ch/schwabe-xaveropp/elibrary/start.xav?start=%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27verw.henologie%27%20and%20%40outline_id%3D%27hwph_verw.henologie%27%5D [18]).

¹⁹ См.: Виллер Э.А. Учение о Едином в античности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2002. 668 с. [19].

²⁰ См.: Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo/ Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998 [20].

изжившего себя платонизма (понимаемого как метафизика), Виллер параллельно развивал новый взгляд на философию через популяризацию генологии как направления²¹.

Как сам Виллер отмечает в небольшом вступительном тексте о генологии²², в современной ему философской среде Норвегии доминировали аналитическая философия и логический эмпиризм, представленные Арне Нессом и его окружением (так называемая школа Осло), с опорой на Венский кружок (особенно Рудольфа Карнапа). Для него, христианского платоника, распространение аналитической философии представлялось как новая, еще более разрушительная «брита Оккама». Поскольку существенной характеристикой этого философского направления был решительный отказ от классической традиции метафизики, то Виллер пытается реактуализировать метафизический дискурс через введение нового философского направления – генологии. Приведем ряд цитат Виллера на эту тему: «Со своей стороны, я рассматриваю “генологию” как термин для обозначения общей философской дисциплины, отличающейся от дисциплин “эпистемология” и “онтология”. Вопрос, относящийся к Одному (Платон, Плотин), должен быть отделен от вопросов о Бытии (Аристотель / Фома Аквинский) и Знания / Истины (Декарт, Кант) соответственно» [8, с. 5] (иными словами, Виллер рассматривает понятие Единого не просто как историко-философский концепт, но как целую новую дисциплину, основанную на ином понимании классической онтологии); «Поиск истины адекватно воспринимается как дисциплина (логики и) эпистемологии. Поиск бытия таким же образом понимается как дисциплина онтологии. Тогда как поиск Единого – как поиск красоты и добра – нуждается в более фундаментальной дисциплине для своего описания, и это то, что по праву можно назвать генологией (hen – единство и одно), дисциплина, которая включает в себя, через объединение, эпистемологию и онтологию» [8, с. 6]; ... «единое не может обозначаться через “быть” (или “не быть”))» [21, с. 630]. Генология, по Виллеру, дисциплинарно превосходит классическую онтологию. А кризис метафизического мышления связан не с Единым платонизма, как полагают постмодернисты, а с постепенным отказом от неоплатонической генологии²³.

Развивая и обосновывая генологию, Виллер интерпретирует платоновского «Парменида» через *образ пещеры* из диалога «Государство». Полагая его важнейшим сюжетом платонизма, своего рода ключом к пониманию платонов-

²¹ Для сравнения отметим, что Лосев принципиально не относил платоническую философию к метафизике, оставляя ее в рамках диалектики, которую полагал не метафизичной.

²² См.: Wyller, Egil A. The discipline of henology: a synopsis // Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers. Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo. Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998. С. 5–12.

²³ Оба автора полагают, что в истории европейской философии в вопросе понимания Единого главенствующую позицию занял аристотелизм, вследствие чего уже в схоластике Единое превращается в предикат, теряя статус сверх-реальности, а далее становится просто абстрактным понятием и в конечном итоге вообще отрицается.

ского учения, Виллер обращается к понятиям анабасиса и катабасиса, восхождения и спуска к миру идей²⁴. Образ пещеры здесь важен, поскольку именно солнце является для Виллера главной метафорой описания Единого; весь Платон – это попытка восхождения к Свету Истины. Он проводит параллель между «Государством», «Пиром» и «Парменидом», говоря о том, что идея Блага, Красоты и Единого – это имена одного и того же апофатического Единого первой гипотезы «Парменида» (в интерпретации Прокла). И все, что делает Платон, – по-разному утверждает его и неизменно показывает пути восхождения к нему. Иными словами, Виллер – своеобразный *неоплатоник XX века*, активно работающий над тем, чтобы популяризовать генологию антично-средневековых неоплатоников в целях удержания интереса к христианству, а также анализирующий христианскую метафизику с акцентированным вниманием к проблеме Единого в ней.

Противостоит Виллер не только аналитической философии. В виртуальном диалоге с Хайдеггеровым онтологическим различием он вводит понятие *генологического различия*, подчеркивая тот факт, что немецким философом была опущена принципиальная тема различения апофатического Единого и бытия²⁵: «Главная генологическая интуиция – это то, что Единое непостижимо, так что познаваемо только Иное. Различие между тем, что познаваемо и непознаваемым Единым, я называю *генологическим различием*» [8, с. 10]²⁶. Кроме того, подчеркивается важная для Виллера разность аристотелизма и платонизма. Виллер противопоставляет платоническую традицию (генологию) именно аристотелевской (онтологии), полагая, что это важнейший контрапункт в истории философии, – именно Аристотель²⁷ потерял остроту и этого различия, и апофатическое Единое, сделав его объектом метафизического мышления, онтологологии, в свою очередь ставшей объектом критики Хайдеггера и постхайдеггерианцев: «Аристотель, в своей теоретической оппозиции к Платону в *Метафизике*, схватил интенцию платоновского возвеличивания генологии, но основательно не согласился с концепцией Иного. Противоположно Платону он постулировал *to on kai talethes*, бытие и истину, как главную задачу мышления, ничто недостижимо “за

²⁴ См.: Wyller Egil A. In Solomon's Porch: A henological analysis of the architectonic of the Fourth Gospel // *Studia Theologica*, 1988. Vol. 42:1. P. 151–167 [22].

²⁵ А.М. Гагинский отмечает, что в XX веке генология стала противопоставляться онтологии по двум причинам – переоткрытие неоплатонизма и как ответ на критику фундаментальной онтологии Хайдеггера, который обошел вниманием неоплатонизм (см.: Гагинский А. М. Философия беспредпосылочных начал. С. 51).

²⁶ На эту тему чуть позже писали уже упоминаемый Райнер Шюрманн в своем фундаментальном труде “Broken hegemonies” (см.: Schürmann R. *Broken Hegemonies*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2003. 692 с. [23]) и Адам Ноулз (Adam Knowles) в работе “Toward a Critique of Walten: Heidegger, Derrida, and Henological Difference” (см.: Knowles A. *Toward a Critique of Walten: Heidegger, Derrida, and Henological Difference* // *Journal of Speculative Philosophy*. 2013. Vol. 27(3). P. 265–276 [24]).

²⁷ Отметим, что европейская критика метафизики концентрируется вокруг философии Платона, а не Аристотеля, в то время как Виллер и Лосев видят истоки европейской метафизики именно у последнего.

пределами" этого (см. Met. IV, 1-2)» [8, с. 7]. Важность этих уточнений фиксируется им не только как разность интеллектуальных дискурсов, но и как религиозный вопрос, вопрос опасности забвения христианской мысли, отдаляющейся от полноты генологии, о чем, в отличие от бывшего под цензурой Лосева, он мог писать открыто: «Генология – это теория Единого и Иного, понимаемая как Любовная мысль о Боге, мире, человеке / душе в отношении того, что значит знать, быть и действовать. В рамках моей индивидуальной концепции любовная мысль подлинной генологии должна быть укоренена в любви к Иисусу Христу» [8, с. 12].

К сравнению и выводы

Обращенность русской религиозной философии к тематике апофатического Единого является ее неотъемлемой чертой, в то время как для западной философии XX века, исходя не только из виллеровских штудий (имеются в виду критика постмодернистами этого понятия), она выглядит свежо и даже остро. Лосев не писал открыто именно о генологии как отдельном философском направлении – он методологически отстаивал христианско-неоплатонический взгляд. И если прочесть его параллельно с Виллером, выстраивается удивительная созвучность и взаимодополняемость их идей, ведь оба в своих работах выступали против позитивистов и их критики религии, доказывая через обращение к платонизму истинность Единого.

Генология Лосева – это не просто проблема одного полузабытого на Западе античного понятия, а система, показывающая, как Первопринцип дан воспринимающему сознанию, проблема, которая решается у него через создание системы самообосновывающейся диалектики по типу неоплатонической. Называя себя христианским неоплатоником (в первую очередь Лосеву важен Ареопагитский корпус и следование ему), отечественный мыслитель активно исследует и использует проблематику апофатического Единого для создания собственной концептуальной системы обоснования истинности восточнохристианской (или византийской, как он выражался) мысли. Лосев не просто исследует тему – она методологически вплетена в его философию, отчего он постоянно из работы в работу проговаривает логику становления Одного (одно-ставшее-становление-символ), подчеркивая тем самым базовый характер генологии, – символ, миф, число, имя у Лосева формы выражения Единого. Для Лосева вопрос о Едином и теологический, принципиально-жизненный, и полемически заостренный одновременно. И у Виллера, и у Лосева за понятием Единого скрывается *Бог, который во мраке*, Бог Дионисия Ареопагита.

Виллеровская задача – настоять на истинности неоплатонического подхода к интерпретации платонизма, отстоять первую гипотезу Парменида и обозначить генологию не просто как одну из историсофских теорий, но как методологический и этический выбор. Задача Лосева, что принципиально, отстоять

не только Единое, но и многое в свете Единого (символогию, иконографию христианства). Оба понимали классическую модерную европейскую мысль как аристотелизм, отказавшийся от платоновского Единого, в существе своем являющимся интуицией (в античности) и обоснованием (в восточнохристианской мысли) Единого Бога, что привело к нарастающему истощению религиозных идей, и отсюда стремились развенчать атеистические и агностические тенденции в философии с помощью возврата к потерянным теологическим смыслам.

С текстами Виллера Лосев был знаком, положительно отзывался о них и называл его концепцию «солнечной генологией»: «...из всей современной солнечно-генологической интерпретации Платона мы больше всего рекомендовали бы ознакомиться с работой Э. Виллера, посвященной сравнительному анализу “Парменида”, “Пира” и “Государства”, с некоторым присоединением сюда и менее значительных для данной концепции “Иона” и “Федра”» [9, с. 267–268]. Однако первые упоминания Виллера у Лосева возникают уже в поздний период творчества (не говоря уже о том, что свой исследовательский путь Лосев начал гораздо раньше) – в «Истории античной эстетики», что свидетельствует о том, что рецепция антиковедческих штудий норвежца имеет место быть, но не является решающей. Лосев и Виллер независимо друг от друга приходят к Единому через активное знакомство с неоплатонизмом. Правда, влияние если не Лосева, то русской философии Виллер все-таки испытал, кроме того, знал паламизм, восточнохристианскую традицию (сам был лютеранином). В небольшом приложении к виллеровскому «Учению о Едином в античности и средневековье» приводится стенограмма его разговора с афонским монахом Никодимом, встреча с которым состоялась ввиду визита ученого на Святую гору. Виллер вспоминает: «Владимир Лосский был моим первым проводником в греческом православном богословии» [18, с. 667].

Различаются же системы Лосева и Виллера методологией – Лосев настаивает на античной диалектике, которая, в свою очередь, существенным образом пропущена через немецкую классику, а именно через Гегеля, Шеллинга, а также Гуссерля и неокантианцев. Отсюда у Лосева возникают специфические термины и понятийные определения вроде «единичность подвижного покоя самотождественного различия» (так он определяет эйдос); в целом Лосев отстаивает диалектику как единственный верный метод исследования платонизма, способный ухватить его существо (только так Единое может иметь и апофатические, и катафатические характеристики). Для Лосева диалектический метод так же формально важен, как содержательно важна генология. Оба полагают формальную логику недостаточной, но, в отличие от Лосева, образцом для которого в первую очередь были системы Прокла и Ареопагита, Виллер считает вершину развития генологии в антиномическом мышлении Николая Кузанского: «Генологическая пара противоположностей: Единое–Иное призвана заменить логико-онтологическую пару Тожество–Различие. Посредством гениального открытия Николая Кузанского в раскрытии концепта *non aliud* закон противоречия потерял свою

значимость, потому что иное – не иное (*aliud est non aliud*)» [8, с. 11]. Лосев же, тоже активно исследовавший генологию Кузанского, не отводил ей решающей роли в формировании теории Единого – Кузанский, по Лосеву, «не только часто цитирует Дионисия Ареопагита, но и фактически находится на его почве»²⁸, а его «неиное», аналогичное Единому платонизма, воспринималось Лосевым как последняя яркая форма обращения к этому понятию накануне его угасания.

Лосев вообще считал, что возникновение внимания к Единому в ту или иную эпоху говорит о серьезных потрясениях, значительных идейных сдвигах. Поэтому в заключение нельзя не отметить, что генология (особенно мысль Дионисия Ареопагита), совершенно непопулярная до недавнего времени на Западе²⁹, во второй половине XX в. станет объектом пристального взгляда не просто антиковедов, но и философов – сначала у Жака Деррида, а затем постметафизиков Ж-Л.-Мариона и Христоса Яннараса. Так древнейшая тема генологии вновь обретает не просто религиозно-апологетическое, но и общефилософское значение на фоне общего кризиса метафизического мышления в XX веке и воспринимается или как что-то что нужно преодолеть, или как что-то, что можно переосмыслить, или как что-то, что нужно снова актуализировать.

Список литературы

1. Кузьменко Г.Н. О перспективах использования термина «генология» в историко-философском исследовании // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 213–216.
2. Петрова Л.А. Концепция соборности А.С. Хомякова в контексте представлений о единстве и множественности в византийской философии // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 119–130.
3. Гайденок П.П. Единое, единство // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. С. 14–18.
4. Делез Ж. Симулякр и античная философия // Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С. 330–367.
5. Schürmann R. Neoplatonic Henology as an Overcoming of Metaphysics // Research in Phenomenology. 1983. Vol. 13. P. 25–41.
6. Taguchi S. From Henological Reduction to a Phenomenology of the "Name": A Reinterpretation of Japanese Pure Land Thought // Frontiers of Japanese Philosophy 4: Facing the 21st Century. Nagoya: Nanzan Institute for Religion & Culture, 2009. P. 51–64.
7. Лосев А.Ф. *Самое Самó* // Лосев А.Ф. *Вещь и имя. Самое Самó* / подгот. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016. С. 188–426.
8. Wyller Egil A. The discipline of henology: a synopsis // Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers. Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo. Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998. С. 5–12.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 624 с.
10. Гагинский А.М. Философия беспредпосылочных начал. М.: ИФ РАН, 2018. 193 с.
11. Гравина И.В. Переосмысление Единого: А.Ф. Лосев и европейская генология XX в. // Вопросы философии. 2022. № 10. С. 76–85.

²⁸ См.: Лосев А.Ф. *Самое Самó* // Лосев А.Ф. *Вещь и имя. Самое Самó*. С. 261.

²⁹ О внимании к Единому в постмодернизме см.: Малкина С.М. Единое и многое: постметафизический аспект // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12(3). С. 28–33 [25].

12. Доброхотов А.Л. «Волны смысла», или Генология А.Ф. Лосева в трактате «Самое Самó» // Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самóе Самó. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 5–24.

13. Лосев А.Ф. Николай Кузанский и диалектический Перво-принцип в антично-средневековой философии // Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: в 2 т. Т. 1. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. С. 317–360.

14. Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: сборник: в 2 т. / отв. ред., сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Е.А. Тахо-Годи. М.: ЯСК, 2016. Т. 1. 727 с., Т. 2. 519 с.

15. Лосев А.Ф. «Логика чистого познания» Г. Когена и неоплатонизм [Электронный ресурс] // Журнальный клуб «Интелрос // Credo New. 2012. № 1. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-2012-1/13141-logika-chistogo-poznaniya-g-kogena-i-neoplatonizm-iz-arhiva.html (дата обращения: 25.10.2025).

16. Бычков О.В. А.Ф. Лосев о понятии «Единого» в западной средневековой мысли // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 121–126.

17. Лосев А.Ф. Об историческом контексте трактата Николая Кузанского «О неинном» // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 105–120.

18. Wyller Egil A. Henologie // Historisches Wörterbuch der Philosophie, hrsg. von J. Ritter, Bd. 3, Basel-Stut: Schwabe & Co, 1972. URL: https://www.schwabeonline.ch/schwabe-xaveropp/elibrary/start.xav?start=%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27verw.henologie%27%20and%20%40outline_id%3D%27hwph_verw.henologie%27%5D (дата обращения: 26.10.2025).

19. Виллер Э.А. Учение о Едином в античности и средневековье. СПб.: Алетея, 2002. 668 с.

20. Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo. Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998.

21. Wyller Egil A. Plato's "Parmenides:" Another Interpretation // The Review of Metaphysics. 1962. Vol. 15(4). P. 621–640.

22. Wyller Egil A. In Solomon's Porch: A henological analysis of the architectonic of the Fourth Gospel // Studia Theologica. 1988. Vol. 42:1. P. 151–167.

23. Schürmann R. Broken Hegemonies, Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2003. 692 с.

24. Knowles A. Toward a Critique of Walten: Heidegger, Derrida, and Henological Difference // Journal of Speculative Philosophy. 2013. Vol. 27(3). P. 265–276.

25. Малкина С.М. Единое и многое: постметафизический аспект // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12(3). С. 28–33.

References

(Sources)

Collected works

1. Losev, A.F. Nikolay Kuzanskiy i dialekticheskiy Pervo- printsip v antichno-srednevekovoy filosofii [Nicholas of Cusa and the dialectical first Principle in Ancient-Medieval philosophy], in Losev, A.F. *Nikolay Kuzanskiy v perevodakh i kommentariyakh v 2 t., t. 1* [Nicholas of Cusa in translations and commentaries in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skiy dom IaSK, 2016, pp. 317–360.

2. Losev, A.F. *Nikolay Kuzanskiy v perevodakh i kommentariyakh: sbornik v 2 t.* [Collection "Nicholas of Cusa in translations and commentaries" in 2 vol.]. Moscow: JaSK, 2016, vol. 1. 727 p.; vol. 2. 519 p.

Individual Works

3. Delez, Zh. Simulyakr i antichnaya filosofiya [The simulacrum and ancient philosophy], in Delez, Zh. *Logika smysla* [The logic of sence]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2011, pp. 330–367.

4. Dobrokhотов, A.L. «Volny smysla», ili Genologiya A.F. Loseva v traktate «Sámoe Samó» [“Waves of Meaning”, or A.F. Losev's henology in the tractate “Sámoe Samó”], in Losev, A.F. *Veshch' i*

имя. *Samoe samo* [The thing and The name. *Sámoe Samó*]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2008, pp. 5–24.

5. Gaginskiy, A.M. *Filosofiya bespredposylochnykh nachal* [Philosophy of unconditional principles]. Moscow: IF RAN, 2018. 193 p.

6. Losev, A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Vysokaya klassika* [A history of Ancient aesthetics. High Classics]. Khar'kov: Folio; Moscow: OOO «AST», 2000. 624 p.

7. Losev, A.F. *Sámoe Samó*, in Losev, A.F. *Veshch' i imya. Sámoe Samó* [The thing and The name. *Samoe samo*]. Saint-Petersburg: Oleg Abyshko, 2016, pp. 188–426.

8. Schürmann, Reiner. *Broken Hegemonies*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2003. 692 p.

9. Wyller, Egil A. *Uchenie o Edinom v antichnosti i srednevekov'e* [The doctrine of the One in antiquity and the Middle Ages]. Saint-Petersburg: Aleteya, 2002. 668 p.

(Articles from Scientific Journals)

10. Bychkov, O.V. A.F. Losev o ponyatii «Edinogo» v zapadnoj srednevekovoj mysli [A.F. Losev on the concept of the “One” in Western medieval thought], in *Voprosy filosofii*, 2016, no. 9, pp. 121–126.

11. Gravina, I.V. Pereosmyslyaya Edinoe: A.F. Losev i evropeyskaya genologiya XX veka [Rethinking the One: A.F. Losev and European henology of the twentieth century], in *Voprosy filosofii*, 2022, no. 10, pp. 76–85.

12. Knowles, A. Toward a Critique of Walten: Heidegger, Derrida, and Henological Difference, in *Journal of Speculative Philosophy*, 2013, vol. 27(3), pp. 265–276.

13. Kuz'menko, G.N. O perspektivakh ispol'zovaniya termina «genologiya» v istoriko-filosofskom issledovanii [On the prospects of using the term “henology” in historical and philosophical research], in *Voprosy filosofii*, 2016, no. 2, pp. 213–216.

14. Losev, A.F. Ob istoricheskom kontekste traktata Nikolaya Kuzanskogo «O neinom» [On the historical context of Nicholas of Cusa's treatise “De non aliud”], in *Voprosy filosofii*, 2016, no. 9, pp. 105–120.

15. Malkina, S.M. Edinoe i mnogoe: postmetafizicheskiy aspekt [The Singular and The Plural: Postmetaphysical Aspect], in *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 2012, vol. 12(3), pp. 28–33.

16. Petrova, L.A. Kontseptsiya sobornosti A.S. Khomyakova v kontekste predstavleniy o edinстве i mnozhestvennosti v vizantiyskoy filosofii [The Concept “Sobornost” of A.S. Khomyakov in the Context of Ideas about the Unity and Plurality in Byzantine Philosophy], in *Khristianskoe chtenie*, 2019, no. 2, pp. 119–130.

17. Schürmann, R. Neoplatonic Henology as an Overcoming of Metaphysics, in *Research in Phenomenology*, 1983, vol. 13, pp. 25–41.

18. Taguchi, S. From Henological Reduction to a Phenomenology of the “Name”: A Reinterpretation of Japanese Pure Land Thought, in *Frontiers of Japanese Philosophy 4: Facing the 21st Century*. Nagoya: Nanzan Institute for Religion & Culture, 2009, pp. 51–64.

19. Wyller, Egil A. In Solomon's Porch: A henological analysis of the architectonic of the Fourth Gospel, in *Studia Theologica*, 1988, vol. 42:1, pp. 151–167.

20. Wyller, Egil A. Plato's «Parmenides»: Another Interpretation, in *The Review of Metaphysics*, 1962, vol. 15(4), pp. 621–640.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

21. Gaydenko, P.P. Edinoe, edinstvo [The One, The oneness], in *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. Moscow: Mysl', 2010, pp. 14–18.

22. *Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo*. Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998.

23. Wyller, Egil A. The discipline of henology: a synopsis, in *Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers. Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo*. Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998, pp. 5–12.

(Electronic Resources)

24. Losev, A.F. «Logika chistogo poznaniya» G. Kogena i neoplatonizm [Kogen's "Logic of Pure Knowledge and Neoplatonism"], in *Zhurnal'nyy klub «Intelros», Credo New*, 2012, no. 1. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-2012-1/13141-logika-chistogo-poznaniya-g-kogena-i-neoplatonizm-iz-arhiva.html.

25. Wyller, Egil A. Henologie, in *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, hrsg. von J. Ritter, Bd. 3. Basel-Stut: Schwabe & Co, 1972. URL: https://www.schwabeonline.ch/schwabe-xaveropp/elibrary/start.xav?start=%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27verw.henologie%27%20and%20%40outline_id%3D%27hwph_verw.henologie%27%5D.

УДК 14(091)
ББК 87.3(2)53-697

Андрей Анатольевич Сафонов

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, магистр философии, соискатель Высшей школы философии, истории и социальных наук, Россия, Калининград, e-mail: Andreyaleteya87@yandex.ru

Философско-математический синтез у П.А. Флоренского и в философии неовсеединства

Аннотация. Исследуются возможности философско-математического синтеза в рамках русской философской традиции всеединства и проект неовсеединства Вячеслава Ивановича Моисеева. Сопоставляются ключевые интуиции и достижения обоих направлений, демонстрируются пути интеграции философии и математики. Показаны особенности философии всеединства, акцентирующей внимание на метафизической первичности уровня всеединства, и современного этапа, развивающего математизированные методы философствования. Особое внимание уделено работам Павла Флоренского («Мнимости в геометрии», «Число как форма») и его вкладу в формирование представлений о двуединой структуре реальности. Предлагается оригинальный подход к рассмотрению проблемы антиномизма и истолкованию полярностей с использованием математических моделей. Исследование подчеркивает актуальность и перспективность дальнейшего развития философско-математического синтеза для формирования интегрального научного мировоззрения.

Ключевые слова: всеединство, неовсеединство, логика всеединства, мирология, проективно-модальная онтология, антиномии

Andrey Anatolyevich Safonov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Master of Philosophy, applicant for the Higher School of Philosophy and Social Sciences, Russia, Kaliningrad, e-mail: andreyaleteya87@yandex.ru

Philosophical and Mathematical Synthesis in P.A. Florensky and in the Philosophy of Neo-Unity

Abstract. This article explores the possibility of a philosophical and mathematical synthesis within the framework of the Russian philosophical tradition of *All-Unity* (*vseedinstvo*) and the project of Neo-Unity developed by Vyacheslav Ivanovich Moiseev. The author compares the key intuitions and achievements of both directions, demonstrating pathways for the integration of philosophy and mathematics. The study highlights the distinctive features of the philosophy of All-Unity, which emphasizes the metaphysical primacy of the level of unity, and contrasts it with the contemporary stage, which develops mathematized methods of philosophizing. Special attention is paid to the works of Pavel Florensky (*Imaginaris in Geometry, Number as Form*) and his contribution to the formation of ideas about the dual structure of reality. An original approach is proposed for examining the problem of antinomianism and interpreting polarities through the use of mathematical models. The study emphasizes the relevance and potential of further developing a philosophical-mathematical synthesis for the formation of an integral scientific worldview.

Key words: unity, neo-unity, logic of unity, worldology, projective-modal ontology, antinomies

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.087-100

Если на историю науки посмотреть как на постепенное движение от единого ко многому, то ее стволom является натурфилософия, рассматривавшая мир как одно сложное целое. На этом уровне философию еще трудно отделить от математики, астрономии, биологии, музыки и др. – намечающиеся области познания тонким образом переплетаются вокруг своей цели – познания единой реальности. Это недифференцированное состояние можно сравнить с эмбриональным, когда еще все проникает во все, отдельные «органы» только намечаются.

По мере роста человеческого знания происходила естественная сегментация: кто-то сосредоточился на изучении растений и стал ботаником, кто-то – на изучении человеческого тела и стал анатомом и т.д. Стремительный прогресс науки в XVIII–XX веках во многом напрямую связан с ускоряющейся специализацией: сосредоточение все большей исследовательской энергии на все более узких участках знания естественным образом приводило к результату. Теория относительности, квантовая механика, генетика – все это свидетельство естественной эффективности разделения знаний.

Однако по мере умножения знаний все чаще раздавались тревожные голоса. Стремительная сегментация привела к утрате целостной картины мира. Вместе с количественным ростом знаний страдает качественная сторона – по мере утраты связей отдельных открытий с общим целым все более размывается их смысл. На фоне этих тенденций становится все более актуальной дискуссия о трансдисциплинарности, необходимости метанауки и т. д.

В этой связи представляет особый интерес концептуальный потенциал русской философской традиции всеединства, берущей начало в творчестве Владимира Соловьева и творчески продолженной П.А. Флоренским, Е.Н. Трубецким, С.Н. Булгаковым, С.Л. Франком и многими другими. Важнейшая парадигмальная установка, отличающая эту традицию от других трансдисциплинарных исследований, – предпосылка о метафизической первичности уровня всеединства: целое здесь не является суммой частей, целое предшествует своим частям и определяет их логику.

При этом важно понимать, что философия всеединства – это не что-то законченное, а проект, она принадлежит в большей степени будущему, нежели прошлому. Многие философы всеединства отмечали этот проективный характер своих построений. Так, П.А. Флоренский говорил о том, что намечает контуры будущего цельного мировоззрения¹.

Философия всеединства – это богатейшее интеллектуальное наследие, целая сокровищница мыслей, которую легкомысленно было бы игнорировать на

¹ См.: Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. М.: АСТ, 2009. 346 с. [1].

новых путей поиска целостности, однако, принимая эстафету всеединства, следует учитывать вызовы времени.

И главный вызов – кризис философского знания. Многочисленные перемены и деконструкции и затянувшийся «скандал в философии», обусловленный тем, что за всю свою историю философия не обрела знания, которое бы признавалось всем эпистемным сообществом, подрывали доверие к чисто абстрактным, оторванным от опыта спекуляциям. С другой стороны, магистральная линия естественных наук по-прежнему продолжает пользоваться доверием, оправданным их практической применимостью.

Возникает естественная диалектика: философия может говорить о едином, однако оторвана от конкретного знания, естественные науки имеют конкретное знание, однако потеряли из виду целое. Отсюда очевидным образом следует идея синтеза философии и естественных наук, который мог бы соединить установку на целое с конкретным знанием и обогатить обе области.

Математика как основа научно-философского синтеза

Намеченная нами во введении задача ставит перед нами следующий вопрос: каким образом можно совершить переход от абстрактной философии, работающей с целым, к конкретным наукам, работающим с частями? Своеобразной спайкой при этом может послужить математика, которая, с одной стороны, является прочной основой большинства естественных наук, с другой стороны, имеет дело с чисто абстрактными, идеальными структурами и в этом имеет родство с философией.

К теме интегрирующей, центростремительной роли математики на протяжении всего своего творчества с разных сторон обращался П.А. Флоренский. Уже в его студенческих письмах мы можем найти мысли о философско-математическом синтезе, которые впоследствии станут ключевыми интуициями его мировоззрения: «Математика для меня – это ключ к мировоззрению, такому мировоззрению, для которого нет ничего настолько неважного, чем не надо было бы заниматься, нет ничего не стоящего в связи с другим. При математическом мировоззрении нет надобности намеренно или бессознательно игнорировать целые области явлений, урезывать и достраивать действительное. Натурфилософия соединяется в одно целое с этикой и с эстетикой. Религия получает совершенно особенный смысл ... Но я пишу тебе, как будто всё это уже есть. Это не более, как смутные предчувствия будущего синтеза. Когда он будет сделан, где, кем? – все это еще вопросы. Я только убежден, что это совершится исключительно при вмешательстве математики, скорее даже философии математики» [2, с. 175].

Если в приведенном выше отрывке только намечаются контуры будущего мировоззрения философа, то в «Автореферате», написанном П.А. Флоренским ок. 1925–1926 гг. для энциклопедического словаря «Гранат», мы встречаем что-

то вроде общего подведения итогов: «мировоззрение Флоренского сформировалось главным образом на почве математики и пронизано ее началами»². Несмотря на пестроту тем и некоторую фрагментарность, в творчестве философа прослеживается удивительная цельность и верность ключевым интуициям. Очевидно, что одной из путеводных нитей для него всегда являлась математика. Его творческое наследие богато разного рода опытами философско-математического синтеза: «Мнимости в геометрии»³ (1922 г.); проект энциклопедии математических символов *Symbolarium*⁴; работа «Число как форма»⁵ (2021 г.); третья глава «У водоразделов мысли»⁶ (1919 г.), посвященная золотому сечению, и т.д. Однако все эти работы, многие из которых имеют черновой и незавершенный характер, – в большей степени штрихи к будущему синтезу, о котором он вопрошал: «Когда он будет сделан, где, кем?»⁷.

Логика всеединства

Ответом на вопрос Флоренского как будто бы стала философия неовсеединства профессора В.И. Моисева. Начавшаяся как опыт формализации базовых концепций философии всеединства, она постепенно разрослась в систему оригинальных методов на стыке философии и математики: проективно-модальная онтология, логика L-противоречий, R-анализ, полярный анализ и др.

Примечательно, что В.И. Моисеев во многом движется дальше по направлению, указанному Павлом Флоренским, нежели сам П.А. Флоренский. Последний, поставив в студенческие годы задачу философско-математического синтеза, в зрелый период своего творчества, следуя отчасти апофатической традиции православия, отчасти духу немецких романтиков, принципиально отказывается от построения какой-либо системы. Как уже отмечалось, на протяжении всей жизни он неоднократно обращается к математике, однако обращения эти намеренно фрагментарны, часто представляют собой незавершенные заметки на полях.

Предваряя рассуждения об истине-антиномии в своей теодицее, П.А. Флоренский пишет: «Трещины во всем! <...> Там, на небе, – единая Истина; у нас – множество истин, осколков Истины, неконгруэнтных друг с другом» [8, с. 146].

² См.: Флоренский П.А. Автореферат // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 37–43 [3].

³ См.: Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей). М.: Едиториал, УРСС, 2004. 72 с. [4].

⁴ См.: Флоренский П.А. *Symbolarium* // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 564–591 [5].

⁵ См.: Флоренский П.А. Число как форма. М.: МЦНМО, 2021. 80 с. [6].

⁶ См.: Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 3(1). М.: Мысль, 1999. 621 с. [7].

⁷ См.: Обретая Путь. Павел Флоренский в университетские годы: в 2 т. Т. 1 / авт.-сост. Павел Флоренский; статьи П.В. Флоренский и др.; подгот. текстов, коммент. и подбор ил. П.В. Флоренский и др. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 582 с.

Возникает ощущение, что эта аритмологическая интуиция во многом определила творчество философа, заведомо направляя его на поиск осколков истины, пусть и в рамках цельного мировоззрения.

Философия неовсединства, несмотря на определенное историческое родство с идеей цельного мировоззрения, отличается от него повышенной рациональностью и систематичностью: многие разделы доведены в ней до математической строгости, некоторые методы, например проективно-модальную онтологию, удалось превратить в математическое исчисление. В духе философов всеединства В.И. Моисеев полагает Абсолютное сверхрациональным, однако он нацелен на превращение всеединства в систему методов, максимально полно его аппроксимирующих. Философия здесь перерастает в математику и вместе с математикой призвана стать фундаментом для новой интегральной научной парадигмы.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что цельное мировоззрение П.А. Флоренского и неовсединство В.И. Моисеева родственные, но в некоторых отношениях принципиально различные подходы к философско-математическому синтезу. И тем интереснее для нас их сравнительный анализ.

Мнимости в геометрии и двусторонняя плоскость интуиции-дискурсии

Ярким и самым известным примером философско-математического синтеза о. Павла является его работа «Мнимости в геометрии» (1922 г.), написанная в студенческие годы и дополненная в 1922 г. Ключевая интуиция, лежащая в основе работы, – идея двусторонней структуры реальности. Еще в детские годы П.А. Флоренского посещала идея наличия у реальности скрытой, ноуменальной стороны, «полуприкрывающейся» физическим⁸. Впоследствии о. Павел неоднократно возвращался к идее двусторонней грани миров. Так, например, в качестве таковой границы он считает иконостас⁹.

Свое математическое выражение интуиция двусторонности нашла в его новой альтернативной интерпретации мнимых чисел. В классической гауссовой модели мнимые числа располагаются на ортогональной действительным числам оси таким образом, что каждая точка плоскости получает действительную и мнимую координаты. П.А. Флоренский отмечает недостаток этой интерпретации: она целиком отдана под независимые переменные и не позволяет изображать функциональные зависимости, как это позволяла декартова система координат. Новый подход предлагает следующее решение: плоскость становится двусторонней. Ее внешняя сторона целиком отдается под действительные числа и является тождественной классической декартовой плоскости, ее внутренняя сто-

⁸ См.: Флоренский П. Из моей жизни. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2018. С. 133 [9].

⁹ См.: Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 441 [10].

рона заполняется мнимыми числами, а в бесконечно малом слое между сторонами располагаются числа мнимо-действительные или комплексные.

Помимо чисто прикладных интерпретаций, описанная модель становится опорой для смелых философских интуиций русского Леонардо. В последней главе работы мнимость соответствует реальности сверхсветовых скоростей, т.е. сверхфизической, ноуменальной реальности. Расширяя формулу Лоренца до мнимых чисел, П.А. Флоренский пишет об обращенном времени на мнимой стороне, где цели становятся причинами, а причины целями¹⁰. Важной характеристикой мнимого времени является его телеологичность, становление там развивается от целей к причинам. Таково, по мнению философа, время органической жизни¹¹.

Интересное развитие идея двусторонней плоскости нашла в «Логике всеединства»¹² В.И. Моисеева.

Опираясь на предположение Л.Г. Антипенко о том, что П.А. Флоренским в его исследованиях руководила идея «построения новой (топологической) модели пространственно-временного многообразия»¹³, В.И. Моисеев предлагает задать на внутренней стороне топологию неотделимости. Если на действительной стороне все элементы можно отделить друг от друга, то на мнимой это невозможно, в пространстве всеединства каждый элемент оказывается связан с каждым в полюсе бесконечности.

Продолжая эту логику, можно предположить, что двусторонняя плоскость может стать интерпретацией двух когнитивных режимов, о которых писал Флоренский, – интуиции и дискурсии. Мнимая сторона – среда водоворотов мысли, первичных интуиций, где все превращается во все и где не работают законы формальной логики. Внешняя сторона – территория кристаллизованных в твердые тезисы интуиций мнимой стороны. Секрет эвристичности мысли – в тонком балансе между двумя режимами.

Проективно-модальные онтологии

Ключевой темой Павла Флоренского является неснимаемая антиномичность Абсолютного, невозможность непротиворечиво «уложить ее» в плоскости радио. (Вспомним его процитированное выше высказывание о множестве неконгруэнтных друг другу осколков истины.) Это отчасти выросшее из аритмологии Н. Бугаева видение мира как принципиально прерывного, полного неснимаемых познавательных «трещин», становится для Флоренского ключевой интуицией – для любой области характерны отказ от построения полной фундаментальной

¹⁰ См.: Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей). С. 53.

¹¹ См.: Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 2. С. 419–527.

¹² См.: Моисеев В.И. Логика всеединства. М.: ПЕР СЭ, 2002. 415 с. [11].

¹³ Там же. С. 194–195.

системы и стремление рассматривать те или иные явления локально, в области тех или иных условий.

Подобный образ мысли находит более структурное продолжение в проективно-модальной онтологии (ПМО) В.И. Моисеева¹⁴. Любой объект познания в рамках этого подхода может выступать как модус, проецируемый на разные области ограничивающих условий, в которых мы имеем дело с его проекциями (модами). Так, в одной плоскости мы имеем дело с проекцией цилиндра как круга, в другой – как прямоугольника. Если мы рассмотрим ряд натуральных чисел в модели «делимость на 2», то получим множество всех четных чисел, и т.д.

ПМО – универсальный язык, который может применяться к исследованию самых разных областей реальности и при этом может быть формализован, представляя собой особое исчисление. Особый интерес ПМО представляет при рассмотрении Абсолютного, которое, как и у Флоренского, мыслится в неовсеединстве антиномичным, но в то же время допускает множество непротиворечивых проекций на разного рода ограничивающие условия. В случае сборки таких проекций-мод мы получаем Абсолютное как своеобразное ментальное многообразие, аналогичное математическим многообразиям.

Таким образом, сохраняя рассудочную неприкосновенность Абсолютного, можно рассматривать его как систему непротиворечивых проекций-мод, соответствующих неконгруэнтным друг другу осколкам Истины, о которых писал Флоренский.

Ментальная предельность, проблема логической демаркации и L-противоречия

В приложении к работе «Столп и утверждение истины» (1908 г.) «Иррациональность в математике и догмат»¹⁵ Павел Флоренский проводит аналогию предельности догмата для человеческого рассудка и предельности иррациональных чисел для рациональных. Иррациональные числа становятся для философа символом трансцендентной для рассудка истины. Подобно тому как антиномии являются бессмыслицей для рассудка, но могут обрести смысл в случае «подвига веры»¹⁶, иррациональности почти две тысячи лет оставались для математиков «туманной нелепостью» и только после «разумного подвига в арифметике»¹⁷, порвавшего «магический круг конечных понятий»¹⁸, были включены в числовое семейство.

¹⁴ См.: Киященко Л.П., Моисеев В.И. *Философия трансдисциплинарности* / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2009. С. 86–93 [12].

¹⁵ См.: Флоренский П.А. *Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи*. С. 395.

¹⁶ Там же. С. 77.

¹⁷ Там же. С. 401.

¹⁸ Там же. С. 401.

Однако, предполагает В.И. Моисеев в «Логике всеединства» (2002 г.), если идеи математического анализа и топологии можно проинтерпретировать в терминах столь крайних форм философии всеединства, то верно и обратное – философию всеединства можно проинтерпретировать в терминах топологии» [12, с. 185].

Подобная логика, в общем-то, была намечена П.А. Флоренским, который отмечал, что математические исследования в области предельных процессов разного рода «имеют величайшее значение для философии, и нужно только удивляться, что в них до сих пор не сделано почти никаких применений»¹⁹.

В.И. Моисеев предлагает применить логику предельного перехода, позволившего пополнить множество рациональных чисел иррациональными, к философии, рассматривая антиномии, высказывания типа « p и не p » как пределы последовательностей неантиномических высказываний. Антиномия в этой модели становится пределом двух дополнительных рациональных предикаций, которые сливаются при предельном переходе подобно тому, как у Дедекинда иррациональные числа определяются как сечения во множестве рациональных.

Подобный подход позволяет подойти к решению одной из ключевых проблем антиномизма П.А. Флоренского. Несмотря на впечатляющие попытки П.А. Флоренского вывести формулу Истины-антиномии средствами формальной логики в «Столпе и утверждении Истины», его решение, как отмечалось многими исследователями, неудовлетворительно с формально-логической точки зрения. Проблема в том, что формула « $P = A$ и не A и Истина»²⁰, предложенная философом, не отличается по своей структуре от простого противоречия, которое является тождественно ложным в формальной логике.

Это, впрочем, отмечал и сам П.А. Флоренский, подчеркивая, что с точки зрения формальной логики Истина-антиномия не отличается от простого противоречия, а конъюнкция с Истиной является указующим перстом на Небеса²¹, что выводит нас за пределы формальной логики.

В «Логике всеединства»²² В.И. Моисеев ставит вопрос о критерии логической демаркации, который позволил бы отделить Истину-антиномию от простого противоречия. С этой целью он рассматривает самопротиворечивое множество всех множеств, не содержащих самих себя, из наивной теории множеств, сформулированное Бертраном Расселом, и показывает возможность установления изоморфизма между его структурой и структурой классических антиномий.

¹⁹ См.: Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. С. 401.

²⁰ Там же. С. 142.

²¹ Там же.

²² См.: Моисеев В.И. Логика всеединства. М.: ПЕР СЭ, 2002. 415 с.; Моисеев В.И. Русская философия всеединства как прообраз интегральной науки // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 3(83). С. 38–48 [13]; Моисеев В.И. От логики всеединства к философии неовсеединства // Материалы междунар. науч. конф. «Философия В.С. Соловьёва в межкультурной коммуникации: к 110-летию со дня смерти В.С. Соловьёва и 20-летию праведной кончины протоиерея Александра Меня», Иваново, 23–25 сентября 2010 г. Иваново, 2010. С. 86–90 [14].

Далее он рассматривает последовательность непротиворечивых множеств, являющихся по структуре аналогичными множеству Рассела, а само множество Рассела, соответствующее антиномии, рассматривает как предел этой последовательности.

При таком подходе подлинные антиномии, отличающиеся от простого противоречия, становятся пределами последовательности непротиворечивых утверждений. Таким образом, появляется теория L-противоречий как своего рода аналог дифференциального исчисления в формальной логике. В контексте поисков новой рациональности и разработки неклассических видов логик данный подход видится весьма перспективным.

R-анализ и разрешение антиномии конечного и бесконечного

Размышляя о первой космологической антиномии И. Канта, П. Флоренский видел ее разрешение в понятии актуальной бесконечности, закрепленном в математике благодаря теории множеств Георга Кантора. В актуальной, т.е. взятой как единое целое, завершенной бесконечности философ видит снятие противоречия между конечным и бесконечным.

Оригинальное снятие этой антиномии можно найти и в R-анализе В.И. Моисеева, основанном в некотором смысле на теоретико-множественном подходе. Инструментом R-анализа являются особого рода R-функции, устанавливающие взаимно-однозначное соответствие между конечными и бесконечными множествами. В качестве примера можно взять арктангенс. При таком подходе конечное и бесконечное не выступают как некие тотальности, исключающие друг друга, а становятся различными состояниями (модами) одного и того же множества, названного автором финфинитным.²³

R-анализ становится для В.И. Моисеева основой для мирологии²⁴ – принципиально нового подхода к изучению разного рода целостных систем (многоединств) как в неживой, так и в живой природе. Мирология выступает концептуальным философско-математическим развитием концепции микрокосма и монадологии и является серьезным шагом в рамках философско-математического синтеза, предполагая возможность эффективного применения математики к областям, прежде малодоступным для этой науки, – к области жизни, ценностей, сознания, культуры.

Примечательно, что основатель теории множеств Георг Кантор, идеи которого были очень важны для Флоренского, также предполагал, что новая математика может позволить на качественно ином уровне не извне, а изнутри подойти к изучению живого. Вот как он сам писал об этом: «В то время как декар-

²³ См.: Моисеев В.И. Мирология: Наука о мироподобных системах. М.: ЛЕНАНД, 2022. С. 35 [15].

²⁴ Там же. С. 14.

товски-ньютоновски-лейбницевский метод применяется при условии ограничения феноменов природы, я уже многие годы держусь того мнения, что у нас все еще отсутствует соответствующее строго математическое вспомогательное средство, с помощью которого было бы возможно в определенной мере войти внутрь природных процессов с целью тщательного рассмотрения их не извне, а изнутри, чтобы потом дать их более точное, чем прежде, описание; сможет ли моя теория типов быть этим необходимым инструментом, я еще не могу решить, и это выяснится только со временем» [16, с. 95].

Полярный анализ

Полярный анализ²⁵ – раздел философии неовсединства, в котором структура бытия в ее статике и динамике исследуется с точки зрения так называемых полярностей – контрастных определенностей, в целом набирающих некоторую полноту. Полярный анализ во многом является математическим структурированием диалектических идей Шеллинга и Гегеля, а также имеет глубокие параллели с направлением исканий Флоренского.

В основе полярного анализа лежит идея конструирования всякой определенности как векторного пространства, в котором полярностям будут соответствовать ортогональные векторы. С одной стороны, данная интерпретация вполне отражает идею антиномической несовместимости полярностей – ей соответствует тот факт, что скалярное произведение ортогональных векторов и их проекции друг на друга равны нулю. С другой – подобное пространственное понимание тезиса и антитезиса позволяет легко интерпретировать идею синтеза как вектор суммы двух полярностей.

На этой основе В.И. Моисеевым строится оригинальная модель развития, в которой вектор, отражающий текущее состояние определенности, все более приближается к вектору синтеза. Несложно зафиксировать меру этого развития как проекцию вектора состояния системы на вектор синтеза. Примечательно, что П.А. Флоренский также размышлял в направлении математического моделирования развития через понятие полярности, исходя из того, что всякая идея проявляется как некое органическое «целое», которое в то же время является «множеством многоразличного». Первичным различием является «противоположность тождественного, равного». Таким образом, всякая первичная двоякость – это полярность, «да и нет с одним содержанием»²⁶.

В качестве примеров подобных полярностей П.А. Флоренский приводит магнит, электричество и даже рассматривает с этой точки зрения человеческую биографию. В подобных рассуждениях намечаются контуры оригинальной вер-

²⁵ См.: Моисеев В.И. Логика открытого синтеза. В 2 т. Т. 1. Структура. Природа. Душа. Кн. 2. СПб.: ИД «Мирь», 2010. 743 с. [17].

²⁶ См.: Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 3(1). С. 573.

сии платонизма, где «антиномическая сопряженность полюсов» оказывается необходимым условием проявления идеи. Всякое целое, став явлением, неизбежно включает в себя, по мнению философа, тезис и антитезис, противоречащие друг другу «да» и «нет»²⁷.

Как и в полярном анализе, исходная полярность определяет все последующее развитие любой целостности. Для того чтобы интерпретировать полярности, П.А. Флоренский использует не ортогональные векторы, а более простую модель отрезка, концы которого символизируют противоположные полюса. Далее, интерпретируя идею единства полярностей, он соединяет противоположные концы, превращая отрезок в окружность. После этого Флоренский ставит следующий вопрос: если всякая идея воплощается в физическом мире как антиномия, переходя в «свое иное», можно ли найти математический символ, адекватно описывающий это одновременное разотождествление и сохранение себя так, чтобы А, превращаясь в не А, на новом витке вновь становилось А?

Алгебраическим выражением этой диалектики равной и не равной себе идеи является формула так называемой «золотой пропорции», в ходе многократного применения которой все ее элементы поочередно меняются ролями: целое / большая часть = большая часть / меньшая часть.

Примечательно, что независимо от этих исследований В.И. Моисеев²⁸ связывает многократное возникновение золотой пропорции в живом и эстетическом целом (тело, растение, музыкальное произведение и т.д.) с их бесконечноподобием при рассмотрении их как структур двуполюсного количества средствами R-анализа. В свою очередь, структуры двуполюсного количества могут быть выражены в терминах полярного анализа и количества, относящиеся по золотому сечению, могут стать мерами базовых полярностей в моделях, где одна из полярностей является акцентированной.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что идея философско-математического синтеза получила крайне интересное развитие в философии неовсединства. Флоренский, говоря о предчувствии грядущего синтеза, оставлял открытым вопрос о том, где и кем он будет осуществлен. Возможно, неовсединство является собой по крайней мере частичный ответ на этот вопрос.

Несмотря на слова П.А. Флоренского о том, что его мировоззрение сформировалось на почве математики и пронизано ее началами, в его творчестве применение математики крайне фрагментарно, зачастую на уровне штриховых набросков. Отчасти это обусловлено православным апофатизмом, отчасти арит-

²⁷ См.: Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 3(1). С. 460.

²⁸ См.: Моисеев В.И. Мирология: Наука о мироподобных системах. М.: ЛЕНАНД, 2022. 600 с. [15].

мологическими интуициями заведомой расколотости мира на множество несоединимых осколков, отчасти влиянием немецкого романтизма. П.А. Флоренский сознательно отказывается от системостроительства.

Но именно последним становится философско-математический синтез в философии неовсеединства, методы которого – проективно-модальная онтология, теория мироподобных систем, полярный анализ – представляют собой строгие, близкие к формальным системы, задуманные как парадигмальная база для новой интегральной науки.

Сравнительный анализ подходов П.А. Флоренского и В.И. Моисеева к философско-математическому синтезу в рамках философской традиции всеединства показал, что между ними существует много точек пересечения: интерес к одним и тем же проблемам и поиск подходов к их решению.

Выявленная близость двух подходов позволяет предположить, что оба рассматриваемых автора подошли в своих поисках к новой объективной области исследований, которую можно постигать с помощью различных концептуальных языков, при этом улавливая нечто общее и объективное, как было в случае открытия дифференциального исчисления Г.В. Лейбницем и И. Ньютоном.

Данные поиски особенно актуальны в наше время, когда все чаще встает вопрос об интеграции различных областей знания, о возвращении в науку целостной перспективы, что предполагает соединение областей, ранее казавшихся несоединимыми (духовное и материальное, объектное и субъектное, точное и гуманитарное, философия и естественные науки), а соответственно, и разработку принципиально новых интегральных языков и подходов.

Важно отметить также, что подобный интегральный подход является живым продолжением традиции всеединства и самим своим существованием доказывает, что эта традиция принадлежит не только прошлому, но и будущему.

Список литературы

1. Флоренский П. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. М.: АСТ, 2009. 346 с.
2. Обретая Путь. Павел Флоренский в университетские годы. В 2 т. Т. 1 / авт.-сост. Павел Флоренский; статьи П.В. Флоренский и др.; подгот. текстов, коммент. и подбор ил. П.В. Флоренский и др. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 582 с.
3. Флоренский П.А. Автореферат // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 37–43.
4. Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей). М.: Едиториал, УРСС, 2004. 72 с.
5. Флоренский П.А. Symbolarium // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 564–591.
6. Флоренский П.А. Число как форма. М.: МЦНМО, 2021. 80 с.
7. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 3(1). М.: Мысль, 1999. 621 с.
8. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2007. 633 с.
9. Флоренский П. Из моей жизни. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2018. 729 с.
10. Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 419–527.

11. Моисеев В.И. Логика всеединства. М.: ПЕР СЭ, 2002. 415 с.
12. Кнященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2009. С. 86–93.
13. Моисеев В.И. Русская философия всеединства как прообраз интегральной науки // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 3(83). С. 38–48.
14. Моисеев В.И. От логики всеединства к философии неовсединства // Материалы междунар. науч. конф. «Философия В.С. Соловьева в межкультурной коммуникации: к 110-летию со дня смерти В.С. Соловьева и 20-летию праведной кончины протоиерея Александра Меня», Иваново, 23–25 сентября 2010 г. Иваново, 2010. С. 86–90.
15. Моисеев В.И. Мирология: Наука о мироподобных системах. М.: ЛЕНАНД, 2022. 600 с.
16. Катасонов В.Н. Боровшийся с бесконечным. Философско-религиозные аспекты генезиса теории множеств Г. Кантора. М.: МАРТИС, 2016. 208 с.
17. Моисеев В.И. Логика открытого синтеза. В 2 т. Т. 1. Структура. Природа. Душа. Кн. 2. СПб.: ИД «Мирь», 2010. 743 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Florenskiy, P.A. Avtoreferat [Abstract], in Florenskiy, P.A. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1994, pp. 37–43.
2. Florenskiy, P.A. Symbolarium [Symbolarium], in Florenskiy, P.A. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1994, pp. 564–591.
3. Florenskiy, P. U vodorazdelov mysli [At the Watersheds of Thought], in Florenskiy, P.A. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3(1)* [Collected Works in 4 vols., vol. 3(1)]. Moscow: Mysl', 1999. 621 p.
4. Florenskiy, P.A. Ikonostas [Iconostasis], in Florenskiy, P.A. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1996, pp. 419–527.
5. *Obretaya put'. Pavel Florenskiy v universitetskie gody: v 2 t., t. 1* [Finding the Path. Pavel Florensky in his University years. The Correspondence: in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2011. 584 p.

Individual Works

6. Florenskiy, P. *Iz moey zhizni* [From my life]. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2018. 729 p.
7. Florenskiy, P.A. *Mnimosti v geometrii* [On the Imaginaries in Geometry]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 72 p.
8. Florenskiy, P. *Chislo kak forma* [Number as Form]. Moscow: MTSNMO, 2021. 80 p.
9. Florenskiy, P.A. *Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoy teoditsei* [Pillar and affirmation of truth: Experience of Orthodox theodicy]. Moscow: AST, 2007. 633 p.
10. Florenskiy, P. *U vodorazdelov mysli: Cherty konkretnoy metafiziki* [At the Watersheds of Thought: Traits of Concrete Metaphysics]. Moscow: AST, 2009. 346 p.

(Articles from Scientific Journals)

11. Moiseev, V.I. Russkaya filosofiya vseedinstva kak proobraz integral'noy nauki [Russian Philosophy of Unity as a prototype of integral Science], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 3(83), pp. 38–48.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

12. Moiseev, V.I. Ot logiki vseedinstva k filosofii neovseedinstva [From Logic of All-Unity to the Philosophy of Neo-All-Unity], in *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Filosofiya V.S. Solov'eva v mezhkul'turnoy kommunikatsii: K 110-letiyu so dnya smerti V.S. Solov'eva i 20-letiyu pravednoy konchiny protoiereya Aleksandra Menya»*. Ivanovo, 23–25 sentyabrya 2010 g. [Proceedings of the international scientific conference “Philosophy of V.S. Solovyov in intercultural communication: to the 110th anniversary of the death of V.S. Solovyov and the 20th anniversary of the righteous death of Archpriest Alexander Men”, Ivanovo, September 23–25, 2010]. Ivanovo, 2010, pp. 86–90.

(Monographs)

13. Katasonov, V. *Borovshiyasya s beskonechnym. Filosofsko-religioznye aspekty genezisa teorii mnozhestv G. Kantora* [Struggling with the Infinite. Philosophical and religious aspects of the genesis of G. Kantor's theory of sets]. Moscow: MARTIS, 2016. 208 p.

14. Kiyashchenko, L., Moiseev, V. *Filosofiya transdistsiplinarnosti* [Philosophy of transdisciplinarity]. Moscow: IFRAN, 2009, pp. 86–93.

15. Moiseev, V.I. *Logika vseedinstva* [Logic of All-Unity]. Moscow: PER SE, 2002. 415 p.

16. Moiseev, V.I. *Mirologiya: Nauka o miropodobnykh sistemakh* [Myrology: The science of world-like systems]. Moscow: LENAND, 2022. 600 p.

17. Moiseev, V.I. *Logika otkrytogo sinteza: v 2 t., t. 1. Struktura. Priroda. Dusha. Kn. 2* [Logic of open synthesis: in 2 vols., vol. 1. Structure. Nature. Soul. Book 2]. Saint-Petersburg: ID «Mir», 2010. 743 p.

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

PHILOSOPHY AND LITERATURE

УДК 82:1:008
ББК 83.3(2):87.3(4Гем)5

Владимир Николаевич Смирнов

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, младший научный сотрудник, кандидат философских наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: pustota94@yandex.ru

Влияние эстетических идей Ф. Шиллера во взаимодействии с исторической концепцией И.Г. Фихте на концепцию высших личностей в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»¹

Аннотация. Анализируется идейное содержание романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в связи с эстетическими и историософскими концепциями Ф. Шиллера. Отмечается глубокая интеллектуальная взаимосвязь Ф. Шиллера и И.Г. Фихте во взглядах на государственность и культуру как формы высшего единства человечества, а также совокупное влияние их идей на философское мировоззрение Ф.М. Достоевского. Доказывается, что идеи героя романа «Подросток» Версилова восходят к историческим и эстетическим концепциям Шиллера и Фихте, в соответствии с которыми культура и искусство служат внутреннему совершенствованию человека и грядущему объединению человечества. Обосновывается гипотеза о том, что культура в мировоззрении Версилова становится формой религиозной жизни, поскольку именно культура является выражением свободы человека, единства человечества и смыслом исторического развития. Показано значение образа «Золотого века» в мировоззрении Версилова в связи с историософскими концепциями Шиллера и Фихте. Продемонстрирована взаимосвязь «русской идеи» Достоевского и дворянской идеи «высшего культурного типа», высказанной Версильовым, с концепцией Фихте, согласно которой историческое движение состоит в распространении культуры выдающимися людьми, культура передается от народа к народу, а культурнейшее государство своей эпохи становится общим Отечеством каждого просвещенного христианина. Делается вывод о том, что «фантазии» Версилова и «мечты» Достоевского, подвергшиеся критике со стороны многих представителей русской общественной мысли, в действительности являются продолжением и развитием глубокой интеллектуальной традиции европейской философии.

Ключевые слова: концепция эстетического воспитания Ф. Шиллера, «царство культуры» И.Г. Фихте, «русская идея» Ф.М. Достоевского, религия культуры, концепция высших личностей, высокое искусство

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00696 (Санкт-Петербургский государственный университет), <https://rscf.ru/project/25-28-00696>. The study was implemented by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00696 (Saint Petersburg State University), <https://rscf.ru/project/25-28-00696/>

Vladimir Nikolaevich Smirnov

Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy, candidate of philosophy, scientific employee, Russia, Saint Petersburg, e-mail: pustota94@yandex.ru

The influence of F. Schiller's aesthetic ideas in interaction with the historical concept of I.G. Fichte on the concept of higher personalities in F.M. Dostoevsky's novel "The Adolescent"

Abstract. This article analyzes the ideological content of F.M. Dostoevsky's novel *The Adolescent* in connection with the aesthetic and historiosophical concepts of F. Schiller. It notes the deep intellectual interconnection between F. Schiller and J.G. Fichte in their views on statehood and culture as forms of the highest unity of mankind, as well as the combined influence of their ideas on the philosophical worldview of F.M. Dostoevsky and the novel's hero, Versilov. It is argued that Versilov's ideas are rooted in the historical and aesthetic concepts of Schiller and Fichte, according to which culture and art serve the internal improvement of man and the future unification of mankind. The article substantiates the hypothesis that culture in Versilov's worldview becomes a form of religious life, as it is culture that serves as the expression of human freedom, the unity of mankind, and the meaning of historical development. The significance of the image of the "Golden Age" in Versilov's worldview is shown in connection with the historiosophical concepts of Schiller and Fichte. The relationship between Dostoevsky's "Russian idea" and the noble idea of the "highest cultural type" expressed by Versilov is demonstrated through Fichte's concept, according to which historical movement consists in the dissemination of culture by outstanding individuals; culture is passed on from people to people, and the most cultured state of its era becomes the common Fatherland of every enlightened Christian. It is concluded that Versilov's "fantasies" and Dostoevsky's "dreams", criticized by many representatives of Russian social thought, are in fact a continuation and development of a profound intellectual tradition within European philosophy.

Key words: F. Schiller's concept of aesthetic education, J.G. Fichte's "realm of culture", F.M. Dostoevsky's "Russian idea", religion of culture, concept of higher personalities, high art

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.101-116

Влияние Фридриха Шиллера на творчество и философское мировоззрение Ф.М. Достоевского установлено весьма отчетливо и не вызывает сомнений у исследователей². Увлечение Шиллером Достоевский пронес через всю свою жизнь, от юношеского вдохновения до зрелых реминисценций и переосмысления в позднем периоде творчества³. Идеи, о которых пойдет речь (внутреннее освобождение человека и движение к объединению человечества), были восприняты Достоевским из многих источников европейской, прежде всего немецкой, мысли. Однако в романе «Подросток» (1875 г.) особый акцент сделан на идеях

² См. подробно: Вильмонт Н.Н. Достоевский и Шиллер. М.: Сов. писатель, 1984. 280 с. [1]; Lyngstad A. Dostoevskij and Schiller. Hague: Mouton, 1975. 126 p. [2].

³ См. также: Лысенкова Е.И. Аспекты проблемы Шиллера в творчестве Ф.М. Достоевского («Бедные люди», «Униженные и оскорбленные») // *Studia Culturae*. 2014. № 21. С. 147–154 [3].

красоты и высокой культуры, решающим образом сопряженных с идеей единства человечества, понятой как историческое предназначение России. Это дает основания полагать, что именно идеи Шиллера наиболее представлены в романе Ф.М. Достоевского.

В цикле «Ряд статей о русской литературе» 1861 года Достоевский пишет о том, что «русская идея» станет синтезом всех национальных идей Европы именно в силу всечеловечности русского народа. Россия отличается от Европы, по мысли Достоевского, тем, что в России нет сословий в общеевропейском смысле этого слова, а есть, прежде всего, образованный слой, задача которого состоит в воспитании народа. Идея дворянства как «высшего культурного слоя», не имеющего сословной природы, найдет отражение и в романе «Подросток». Уже в своих эстетических размышлениях Ф.М. Достоевский следует за Шиллером, по-своему решая длившийся на тот момент спор между сторонниками «чистого искусства» и «утилитаристами». Достоевский отстаивает мысль о том, что настоящее, высокое искусство не должно изначально определяться практическими задачами, но при этом оно никогда не бывает бесполезно. Подлинное искусство абсолютно свободно и не предполагает пользу, но в действительности польза его безмерна именно в силу того, что оно воздействует на человеческие души, то есть подспудно всегда имеет воспитательное значение. Размышления о Пушкине как воплощении национального и всечеловеческого гения были связующим звеном «русской идеи» и эстетической концепции Достоевского в «Ряде статей о русской литературе»⁴. Эта линия была продолжена в романе «Подросток» и Пушкинской речи, где в отличие от статей 1861 года, исчезает резкое противопоставление России и Европы, что наиболее ярко выразилось в концепции «русского европейца», в романе «Подросток».

Можно предположить, что уже по своей связи с историческим контекстом роман «Подросток» имеет много общего с главным теоретическим произведением Шиллера «Письма об эстетическом воспитании человека» (1795 г.). Оба текста были рождены в кризисные для европейского человечества времена, и оба автора, что важно, осознавали свою ответственность за судьбы Родины, Европы и человечества. «Письма» Шиллера – это переживание эпохи Французской революции, когда все европейское общество оказалось расколото, когда прежние идеалы свободы явили свою мрачную сторону, а многих якобинский террор и революционные войны могли в принципе отвратить от всякого просвещения. Роман «Подросток» связан со временем Франко-Прусской войны и Парижской коммуны. Первое событие демонстрирует распад и разлад европейского человечества, второе – гибель европейской культуры, наиболее ярко выразившуюся в разрушении Тюильри. Таким образом, идеал единства европейского человечества был подорван войной между национальными государствами, а прежние

⁴ См.: Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 18. Ленинград: Наука, 1978. С. 41–103 [4].

идеалы свободы не нашли иного выражения как в разрушении высокой культуры. Парижская коммуна мыслилась современниками как идейное и деятельное продолжение Французской революции, таким образом тексты предшествующей эпохи вновь актуализировались последующей и мыслители конца XVIII и второй половины XIX веков становились участниками одной исторической драмы.

Помимо собственно исторического контекста, роман Достоевского «Подросток» и «Письма» Шиллера роднит то обстоятельство, что они являются некоторым итогом рассуждений о мировой истории. «Письма» Шиллера хронологически стоят в центре его исторических штудий, им предшествовали сочинения «История отпадения Соединенных Нидерландов от испанского владычества» (1788 г.) и «История Тридцатилетней войны» (1790 г.). После «Писем» выйдут главные исторические драмы Шиллера: трилогия «Валленштейн» (1799 г.), «Орлеанская дева» (1801 г.), «Вильгельм Телль» (1803 г.). Историю у Шиллера творят выдающиеся трагические личности. В своих художественных произведениях он наделяет центральных исторических персонажей отчетливыми христологическими чертами. Они встают на историческое поприще и идут к своей гибели, меняя мир и людей. В этом отношении показательно, что в первой части трилогии о Валленштейне – «Лагерь Валленштейна» (1798 г.) – сам легендарный полководец еще не появляется как персонаж, но неизменно присутствует в разговорах своих солдат. Валленштейн здесь – личность-идея, личность-субстанция, скрепляющая и направляющая огромную массу людей, пришедших к нему со всех концов Европы. Такая оптика, несомненно, была близка Ф.М. Достоевскому, разделявшему идею особых личностей, «вошедших» в человечество и влияющих на ход истории даже после своей смерти, как сказано в известном рукописном наброске «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей...» от 16 апреля 1864 года, написанном после смерти жены писателя. Для правильного понимания романа «Подросток» также нужно иметь в виду, что он возник в контексте спора Ф.М. Достоевского с исторической концепцией Л.Н. Толстого, представленной в романе «Война и мир» (1865–1869 гг.). Главным пунктом спора писателей стала оценка значения отдельных личностей и народной массы в историческом процессе⁵. Если у Толстого правильное отношение к творящейся истории выражается в отказе от индивидуального усилия и слиянии с иррациональной жизненной силой, то Достоевский настаивает на решающем влиянии высших личностей на неоформленную людскую массу и на движение народов в истории. Выразителем идеи высших личностей в романе «Подросток» является Андрей Петрович Версильов, обозначавшийся в подготовительных материалах к роману местоимением «ОН», подчеркивающим его особое значение среди прочих персонажей.

⁵ См. об этом подробнее: Евлампиев И.И. Спор о роли личности в истории: роман Ф.М. Достоевского «Подросток» против романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Парадигма. Философско-культурологический альманах. 2019. Вып. 30. С. 48–76 [5].

Версиров – главный идеолог романа и самый таинственный и противоречивый персонаж. Примечательно, что в исследовательской литературе существует множество точек зрения относительно его прототипов. Наиболее конвенциональной считается версия, согласно которой образ Версирова был сформирован под решающим влиянием А.И. Герцена. Впрочем, есть точка зрения, предполагающая, что Версиров в большей степени соответствует фигуре Ф.И. Тютчева⁶. Нам представляется, что, несмотря на сходство личностных особенностей и во многих отношениях идейную близость с Тютчевым, точка зрения, согласно которой именно Герцен предстает в качестве главного прототипа Версирова, выглядит убедительнее. Дело в том, что по возрасту Версиров ровесник Б.Н. Чичерина и, подобно ему, при соответствующем таланте мог бы быть учеником Т.Н. Грановского и младшим современником, собеседником Герцена, то есть застать эпоху кружков 40-х годов. Шиллер был для того поколения абсолютным нравственным идеалом: «Что нам дал идеальный Шиллер? Благородство стремлений», – пишет Н.П. Огарев [8, с. 23]. «Шиллер! Благословляю тебя, тебе обязан я святыми минутами начальной юности! Сколько слез лилось из глаз моих на твои поэмы! Какой алтарь я воздвигнул тебе в душе моей!» – восклицает Герцен [9, с. 278]. Версиров – «высший культурный тип» и «русский европеец», созданный Достоевским, конечно же, шире, чем просто типаж человека 40-х годов, хотя это измерение и эта проблематика в романе тоже есть⁷. Так или иначе, какой бы источник возникновения образа Версирова мы ни считали главным (Тютчев, Герцен или собственное мировоззрение Достоевского), Шиллер не мог не повлиять на него самым решающим образом.

Итак, Версиров являет собой образ русского дворянина-интеллектуала – «высший, культурный тип». В чем же состоит смысл и предназначение этого явления? Значение дворянства для судеб России заключается в двух основных миссиях: создание высокой культуры и проповедь свободы. Дворянская идея – это идея личности, личной чести и свободы. Личностное начало в России получило мощнейший импульс к развитию в государстве Петра Великого через дворянскую службу и через творческое самовыражение. Возникновение секулярной культуры послужило к раскрытию внутреннего духовного мира человеческой личности, то есть, по сути, к утверждению одной из главных христианских ценностей. Можно сказать, что *художественная культура в Российской империи становится новой формой религиозной жизни*. Русский дворянин становится носителем высших идеалов европейской культуры – внутреннего освобождения

⁶ См.: Гачева А. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Достоевский и Тютчев. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 637 с. [6]. См. также критику этой точки зрения: Саканива А., Евлампиев И.И. Возвращение к России: Тютчев и Достоевский // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 35–50 [7].

⁷ См.: Кантор В.К. Две родины Достоевского: Попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 608 с. [10].

человека и духовного единства человечества. Эти идеалы имеют для него религиозное значение.

Осуществление этих идеалов возможно несколькими путями: через революционный социализм (Герцен); в виде универсальной христианской империи (Тютчев); в рамках единства Европы как царства высокой культуры. Последний путь примиряет все направления русской мысли, выделяя главное – культуру и свободу. Эти воззрения разделяет Версиров и говорящий через него Достоевский, выстраивая тонкую диалектику всемирного и национального. Миссия России – это высший культурный синтез; миссия лучших представителей русского дворянства как «высшего, культурного типа», по сути, состоит в эстетическом воспитании человечества. Русский дворянин становится не только носителем шиллеровских идеалов, но и проводником и провозвестником его идей, двигая историю по пути свободы и единства человечества.

Если с исторической точки зрения влияние Шиллера на русскую мысль и на идейные воззрения, которые воплощает Версиров, вполне установлено, то имеет смысл сказать о них более содержательно. «Письма» Шиллера вышли в 1795 году в издававшемся им журнале *Die Horen*, задачей которого было преодоление противоречий, которые раскололи германскую и в целом европейскую интеллектуальную среду. Согласно Шиллеру, это возможно только с опорой на то, что выше политических симпатий к революции или реакции. «Всесоединение идей», о котором мечтает Версиров, отчасти пытался воплотить в свое время Шиллер, объединив в своем журнале выдающихся интеллектуалов своего времени. Он берется за размышления об искусстве применительно к актуальным политическим проблемам и в результате формулирует главный вопрос: какую роль может сыграть искусство в подготовке общества к созданию такого политического устройства, которое обеспечит возможность осуществления индивидуальной свободы в рамках единого человеческого сообщества. Иными словами, сможет ли красота привести человечество к единству и свободе? В «Письмах» Шиллер пишет: «Природа поступает с человеком не лучше, чем с остальными своими созданиями; она действует за него там, где он еще не в состоянии действовать как свободный интеллект. Но делает его человеком как раз то, что он не остается человеком, сделанным природой, а способен разумно проделать в обратном порядке те шаги, которые предвосхитила, ведя его, природа; он может пересоздать дело необходимости в дело свободного выбора и возвысить физическую необходимость в моральную» [11, с. 255]. То есть человек, конечно, обусловлен природной необходимостью, но задача пробужденного к разуму человека заключается в том, чтобы приложить усилия и осуществить прорыв к свободе, по сути, пересоздать себя на новых, свободных основаниях. Аналогичным образом должно быть пересоздано и человеческое сообщество. При этом по-настоящему свободен человек только в человеческом роде, поэтому указанный

процесс «возвышения» человека до подлинной разумности в значительной степени определяется способностью человека осознать свое единство с родом и желанием служить его высшим целям.

Для всех немецких мыслителей сопряжение личности и человечества, а также личности и общества реализуется через государство, поскольку именно государство является наличным, зримым воплощением фундаментального единства человеческого рода. Шиллер пишет: «Можно сказать, что во всякой человеческой личности, по предрасположению и назначению, живет чистый идеальный человек, и великая задача бытия человека в том, чтобы при всех переменах согласоваться с его неизменным единством. Этот чистый человек, более или менее ясно проявляющийся в каждом субъекте, представлен в государстве – в этой объективной и как бы каноничной форме, чье разнообразие субъектов стремится к единению» [11, с. 258]. В работах Шиллера эта тема только намечена, однако она получила капитальную разработку, причем под его непосредственным влиянием, в философском учении И.Г. Фихте. Если ранний революционный Фихте еще пишет о государстве как об инструменте, в котором с течением времени отпадет надобность⁸, то позднее концепция государства у Фихте резко меняется – вероятно, под влиянием идей Шиллера. Последний пишет о *государстве как о высшем единстве*, причем отношение его к своим гражданам он понимает в соответствии с парадоксальным принципом тождества целого и части: государство включает личность как свой элемент, но и личность, достигшая духовного совершенства, преодолевшая свои низшие эгоистические цели, как бы *вбирает в себя государство и оказывается способной вместить в себя идею человечества*. Здесь принципиально важно, что речь идет не про пассивное растворение в высшем единстве, а про то, что человек может в самого себя вместить это высшее единство. Именно эту мысль выражают немного загадочные слова Версилова: «“Любовь к человечеству” надо понимать лишь к тому человечеству, которое ты же сам и создал в душе своей (другими словами, себя самого создал и к себе самому любовь) и которого поэтому никогда и не будет на самом деле» [13, с. 174–175]. В результате в рассуждениях Шиллера и Фихте, кратко и афористично выраженных Версильевым, прослеживается особая диалектика анархизма и этатизма, где абсолютная личность и абсолютное государство не противостоят и не поглощают друг друга иерархически, но образуют *фундаментальное тождество*. Совершенные личности, вместившие в себя идею целого, взаимно признавая друг друга, образуют идеальное государство свободы.

Однако реализация свободы в идеальном государстве не может быть самоцелью, свобода является только средством для реализации высших ценностей жизни. В этом аспекте Фихте также более ясно выражает ту мысль, которая очень

⁸ См.: Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 24 [12].

кратко и схематично выражена у Шиллера. Если эстетическое воспитание у Шиллера ведет к совершенствованию личностей и разумной жизни человеческого рода в государстве свободы, то абсолютное государство Фихте уже само отождествляется с «царством культуры»⁹. Более того, распространение культуры становится главной общечеловеческой задачей абсолютного государства¹⁰. В определенном смысле мировоззрение Шиллера и следующего за ним Фихте можно назвать *религией культуры*. В концепции Фихте религия в строгом смысле занимает отдельное место, но культура, в сущности, играет там едва ли не большую роль, занимая место религии. Культура у Фихте служит причиной и целью государства, также является формой и выражением как индивидуального человеческого духа, так и высшего человеческого единства. Культура объединяет народы в одну единую «великую семью», пишет Фихте и продолжает: «Царство культуры и свободы постепенно и неизбежно охватит весь земной шар» [14, с. 179]. В некотором отношении «царство культуры» Фихте можно метафорически сравнить с идеей Августина о Граде Божьем, который также существует поверх всех политических образований, и лишь некоторые избранные являются его духовными гражданами. Впрочем, Град Августина призван наполнить мир только в конце времен. В противоположность этому, царство культуры имманентно, оно уже существует и разливается по земле. В то же время «культура странствует от народа к народу»¹¹, и здесь «царство культуры» сравнимо с эсхатологическими представлениями о Римской империи и концепцией *translatio imperii*, сопряженной всегда с концепцией *translatio studii*, где вечная идея империи и идея культуры передаются от народа к народу и принимают конкретно-исторические формы.

Возвращаясь к идеям Версилова, развернутым Достоевским позднее в Пушкинской речи, можно сказать, что Версиров – это последователь религии культуры Шиллера и Фихте. Идеалы этих немецких мыслителей на свой лад пытались воплотить и прототипы Версилова: Герцен стремился к освобождению творческого начала человечества через революцию; Тютчев видел Российскую империю как провозвестницу вселенской империи, где восторжествует дух и культура. Герцен в этом отношении подобен раннему, революционному Фихте, а Тютчев – позднему, который в Прусской государственности увидел всемирно-историческое значение. Разница взглядов Тютчева и Герцена состоит соответственно церковно-этангистском и революционном уклонении от того идеала, который дали миру Шиллер и Фихте, в то время как этот идеал составлял более глубокое единство их взглядов. Религия культуры проясняет парадоксальное

⁹ См.: Фихте И.Г. Назначение человека // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 178 [14].

¹⁰ См.: Евлампиев И.И. Идея всемирной империи культуры в воззрениях В.С. Соловьёва и в русском общественно-политическом сознании XIX века // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 1(77). С. 80–96 [15].

¹¹ См.: Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 378 [16].

идейное единство двух известных русских мыслителей, выраженное во взглядах Версилова как синтетического персонажа. Таким образом, высший культурный тип Достоевского, по сути, является *высшим религиозным типом*.

Европа как «страна святых чудес» (выражение из стихотворения А.С. Хомякова, которое часто использует Достоевский) перестает быть просто поэтической фигурой речи, если иметь в виду упомянутую религию культуры. Европа для Достоевского – это действительно «страна святых чудес» и воплощение царства культуры, где жили дорогие сердцу каждого образованного русского человека гении: Шекспир, Сервантес, Шиллер. Хотя реальное состояние Запада Достоевский считает упадочным, его едкие замечания о европейском быте в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863 г.) и резкое противопоставление России и Европы в «Статьях» 1861 года, в романе «Подросток» трансформируются в представление о Европе как об идеальном царстве культуры, пусть уже не существующем в настоящей действительности. Критичное отношение к современному Западу во взглядах Достоевского сохраняется и, безусловно, имеет русские основания (в известной идее В.Ф. Одоевского «Запад гибнет»¹²), однако теперь это становится вторичным в отношении к Европе, да и само это отношение парадоксальным образом также оказывается зависимым от взглядов Шиллера и Фихте.

Мысль о гибели культурной Европы рождается в контексте размышлений Версилова о «золотом веке» – так он назвал про себя картину «Асис и Галатей» Клода Лоррена, которую увидел во время путешествия по Германии и которая приснилась ему как быль. Греческий пейзаж с мифологическим сюжетом явился Версилову в качестве земного рая и утраченной колыбели европейского человечества: «...боги сходили с небес и роднились с людьми... О, тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; луга и рощи наполнялись их песнями и веселыми криками; великий избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость» [13, с. 375]. Этот сон наполнил его не только счастьем и всечеловеческой любовью, но и горьким чувством от понимания краха европейской цивилизации, изменившей своим основаниям.

Миф о «золотом веке» служит отправной точкой в исторических взглядах Шиллера. Шиллер в «Письмах» подробно описывает свой идеал Древней Греции, ведь только там люди были цельны, только там человеческая личность была сопричастна богам и всему человеческому роду: «Как высоко ни подымался разум, он любовно возвышал до себя материю, и как тонко и остро он ни разделял, он никогда не калечил. Он расчленил человеческую природу и, возвеличив, распределял по сонму прекрасных богов, но разум не разрывал человеческой природы на части, а лишь только различным образом перемешивал их, так что в каждом боге присутствовало все человечество» [11, с. 264]. Человек полноценен только в человеческом роде, и в этом он уподобляется античным богам. Одно-

¹² См.: Одоевский В.Ф. Русские ночи. М.: Наука, 1975. С. 147 [17].

временно тотальности греческого полиса противопоставляется современное общество. По мысли Шиллера, в Древней Греции каждый человек был полноценно развитой личностью именно в силу того, что он не замыкался в рамках своей узкой специализации занятий, в отличие от современной ему эпохи: «Теперь оказались разобщенными государство и церковь, законы и нравы; наслаждение отделилось от работы, средство от цели, усилие от награды. Вечно прикованный к отдельному малому обломку целого, человек сам становится обломком; слыша вечно однообразный шум колеса, которое он приводит в движение, человек не способен развить гармонию своего существа, и, вместо того чтобы выразить человечность своей природы, он становится лишь отпечатком своего занятия, своей науки» [11, с. 265–266]. В греческом же полисе каждый человек, по словам Шиллера, существует подобно полипу, сохраняя свою индивидуальность, но при необходимости сливается с целым. Идеал Древней Греции, где личная внутренняя гармония распространялась на все общество как единый духовный организм, – это тот идеал, который человечество утратило, но к которому оно должно в итоге вернуться на *новом уровне*. Если естественный человек, существовавший в Древней Греции, стремится к завершенности и достижению некой *конечной* величины, то новоевропейский культурный человек непрерывно совершенствуется в постоянном приближении к *бесконечности*¹³.

Как мы видим, вся та критика западной цивилизации, которую формулировали в своих сочинениях В.Ф. Одоевский, А.С. Хомяков и И.В. Киреевский, точно так же как и описание достоинств русской цивилизации (прежде всего, противопоставление целостности человека у нас и «разобщенности» форм жизни на Западе), имеет исток в учениях Шиллера и Фихте.

Впрочем, представление о начале истории во взглядах Фихте существенно отличается от идеала «золотого века», при этом нужно говорить о радикальном дуализме абсолютного совершенства и абсолютного несовершенства, присущих разным частям человечества. Разум, а значит, и мораль изначально заложены в человеке, но речь у Фихте идет о небольшой группе людей, называемой «нормальным народом». Этот народ обладает разумной культурой, не нуждаясь в науках и искусстве, но он не знает и свободы, хотя цель человечества – не разумное бытие, а разумное становление через свободу. Кроме того, этот народ окружен дикарями, несовершенным человечеством, и, будучи изгнан ими из родных мест, оказался рассеян по местам, лишенным культуры. Именно как результат этого процесса Фихте видит начало истории, начало пути свободного развития человеческого рода, состоящего в распространении культуры среди ди-

¹³ См.: Daubitz U. Anthropologie und Geschichtsphilosophie beim jungen Friedrich Schiller / Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.) eingereicht an der Philosophischen Fakultät I der Humboldt-Universität zu Berlin [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edoc.hu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/58b8ed96-6fde-4b60-8577-083a950fc561/content> (дата обращения: 11.05.25). S. 186 [18].

кости. Фихте прямо пишет о фундаментальном неравенстве между людьми: «Неравенство нормального народа, который существовал через себя самого как чистое отражение разума, и диких и грубых племен» [16, с. 532]. Смешение «нормального народа» с дикими племенами произошло до начала зафиксированной истории. «В состоянии этого смешения даже причастные к первоначальной культуре потомки нормального народа проникаются совершенно новой и не содержащейся в первоначальной культуре задачей, именно – выработкой в себе способности передавать свою культуру, приобретать влияние и оказывать мощное воздействие на другие племена», – пишет Фихте [16, с. 533]. Таким образом, едва ли можно интерпретировать «нормальный народ» в качестве этнического понятия, если его потомки оказались рассеяны по всей земле еще до начала истории.

Идея народа-странника, наделенного изначальным божественным светом разума, который распространяет культуру, двигая историю человечества по пути свободы и единства, вызывает очевидную ассоциацию с масонством. Сам Фихте не состоял в ложе, но его окружение сплошь состояло из тех, кто был причастен к иллюминатам, включая Шиллера. Иллюминаты стремились к упразднению всех государств и религий для объединения человечества на разумных началах. Однако они принимали учение Иисуса Христа, интерпретируя его в революционном духе – у Иисуса есть тайное учение, которое было искажено лжепророками, и если бы люди его помнили, то они были бы свободны. Иллюминаты мыслили себя носителями истинного христианства, более того, они прямо утверждали, что «иллюминаты», или «просветленные», – это самоназвание, которое в ранней церкви давалось всем христианам¹⁴. У иллюминатов, как у наиболее «левого» из масонских течений, свобода понималась, прежде всего, в анархическом духе, в отрицании государственности и церкви. Кроме того, иллюминаты видели зло во всяком патриотизме и национальном чувстве, проповедуя радикальный космополитизм. В этом отношении Шиллер и Фихте с их идеей абсолютного государства, вырабатывавшие свою философию в атмосфере иллюминатства, все же осуществили его «преодоление», диалектическое «снятие» при сохранении главных установок: вера в небольшую группу избранных людей, стремление к свободе и единству человечества, а также педагогические интенции «воспитания человечества».

Отзвук масонской идеологии все-таки слышен в идее Версилова о дворянстве как открытом сословию лучших людей. В строгом смысле дворянство Версилова – не наследуемое качество, а некая общность особых людей, носителей высшей идеи: «Если живет эта мысль хотя лишь в немногих головах, то она еще не погибла, а светит, как огненная точка в глубокой тьме» [13, с. 178]. Молодой князь Сокольский замечает ему, что это напоминает не сословие, а масонскую ложу, и надо полагать, что он интуитивно в чем-то прав. Мечты Версилова, без-

¹⁴ См.: Einige Originalschriften des Illuminatenordens, welche bey dem gewesenen Regierungsrath Zwack durch vorgenommene Hausvisitation zu Landshut den 11. und 12. Octob. ec. 1786 vorgefunden worden... Bd. 2. München: Anton Franz, 1787. S. 109 [19].

условно, напоминают иллюминатские идеи о единстве человечества и отрицании национального и даже родственного эгоизма, когда люди становятся одной «семьей» в метафорическом смысле этого слова. Массонство упоминается в подготовительных материалах к «Подростку» более широко, чем в самом романе, в частности в связи с идеями Версилова об управлении человечеством и исправлении себя¹⁵. На прямой вопрос сына Аркадия о своей причастности к масонам Версиров отвечает не вполне однозначно: «“Вы масон? Вы в заговоре?” “Нет, мой милый. Был, мой милый. Есть ли русский, который бы не был в свое время в заговоре?”» [20, с. 411]. Также отрицательно, но также не вполне однозначно он отвечает на вопрос о своей приверженности традиционной религии (вопрос о том, носил ли он вериги).

В конечном счете дворянская идея Версирова – это не масонство, но она синкретически включает в себя очень многие явления европейской культуры и русской общественной мысли, потому отголоски масонства там тоже есть. «Нас таких в России, может быть, около тысячи человек; действительно, может быть, не больше, но ведь этого очень довольно, чтобы не умирать идее. Мы – носители идеи, мой милый!..» – говорит Версиров [13, с. 376]. Здесь слова Версирова совпадают с известными словами А.И. Герцена, которого тоже часто подозревали в масонстве, хотя доказательств тому нет: «Я ни во что не верю здесь, кроме в кучку людей, в небольшое число мыслей да в невозможность остановить движение; я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалею ничего из существующего, ни ее вершинное образование, ни ее учреждения...» [21, с. 12–13]. Герцен, как и Версиров, не придает решающего значения Европе в ее наличном состоянии, современной им Европе, которая «захвачена мещанством». Дворянская идея Версирова, по его собственным словам, это идея чести и просвещения. Настали новые времена, когда в Европе разрушена прежняя иерархия, а в России состоялись великие реформы – теперь главным значением нового дворянства становится сохранение высших идеалов свободы, добра и красоты. Версиров говорит: «У нас создан веками какой-то еще нигде невиданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, – тип всемирного боления за всех. Это – тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России. Нас, может быть, всего только тысяча человек – может, более, может, менее, но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу. Скажут – мало, вознегодуют, что на тысячу человек истрачено столько веков и столько миллионов народу. По-моему, не мало» [13, с. 376]. Представитель этого высшего культурного типа способен воспринять каждую национальную культуру, при этом оставаясь подлинным европейцем и служа тем самым русской идее, то есть всечеловеческой идее.

¹⁵ См.: Достоевский Ф.М. Подросток. Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 16. Л.: Наука, 1976. С. 366–367 [20].

Именно русский дворянин, по словам Версилова, является провозвестником «будущего человека», которого Европа еще не знает. Здесь нет наивного космополитизма иллюминатов, ведь всемирная идея увязывается с национальной, а историческая судьба Европы и человечества оказывается напрямую связана с русской идеей. Аналогично всемирно-историческая задача всего человечества была сопряжена с идеей немецкой нации в текстах Шиллера и Фихте, писавших о национальном воспитании во всемирно-гражданском духе¹⁶.

Таким образом, можно заключить, что идеи Ф.М. Достоевского о решающем влиянии высших личностей на мировую историю, выраженные, в частности, в словах Версилова, героя романа «Подросток», являются творческим развитием европейской традиции историософии, выраженной известными немецкими мыслителями Шиллером и Фихте. Показательно, что одним из самых влиятельных последователей этой традиции среди современников Достоевского был Т. Карлейль, который, помимо всего прочего, известен как популяризатор Шиллера и его первый биограф на английском языке. Книга Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории», вышедшая в 1841 году, оказала огромное влияние на интеллектуальный ландшафт своей эпохи и стала своеобразным манифестом для тех, кто придерживался концепций о решающем влиянии личности в историческом процессе. Кроме того, Карлейль считается одним из провозвестников второй волны романтизма: «Суть нашего существа, то таинственное, что называет само себя я, – увы, какими словами располагаем мы для обозначения всего этого, – есть дыхание неба. Высочайшее существо открывает самого себя в человеке. <...> Наклонять голову перед людьми – значит воздавать должное почтение этому откровению во плоти» [23, с. 18]. Именно в раскрытии божественного в человеке и состоит, согласно Карлейлю, суть героического в истории и смысл почитания героев. Такой взгляд несомненно был близок и Ф.М. Достоевскому.

Т. Карлейль наряду с Ф.М. Достоевским оказал существенное влияние на идеи Ф. Ницше, однако наиболее плодотворным развитием указанной традиции, особенно в связи с «религией культуры», можно считать философию А. Бергсона. Поэты и писатели появляются у Карлейля в качестве возможных воплощений героического в истории наряду с другими: героями-божествами, героями-пророками, героями-вождями. Бергсон же отводит главную роль в истории культурному творчеству, и прежде всего литературе. Дело в том, что, согласно Бергсону, художественная культура является единственным зримым воплощением той божественной интуиции и «высших эмоций», что доступны мистикам – высшим личностям¹⁷. То есть у Бергсона больше, чем у кого бы то ни было, культура

¹⁶ См.: Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. С. 174–175 [22].

¹⁷ О влиянии Ф.М. Достоевского на А. Бергсона см.: Евлампиев И.И. Анри Бергсон: философия грядущей эпохи. СПб.: РХГА, 2021. С. 301–314 [24].

обретает буквально религиозное значение. А раскрытие божественного в человеке через культуру – это именно то, о чем говорили провозвестники свободы и единства человечества – Ф. Шиллер и Ф.М. Достоевский.

Список литературы

1. Вильмонт Н.Н. Достоевский и Шиллер. М.: Сов. писатель, 1984. 280 с.
2. Lyngstad A. Dostoevskij and Schiller. Hague: Mouton, 1975. 126 p.
3. Лысенкова Е.И. Аспекты проблемы Шиллера в творчестве Ф.М. Достоевского («Бедные люди», «Униженные и оскорбленные») // *Studia Culturae*. 2014. № 21. С. 147–154.
4. Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 18. Л.: Наука, 1978. С. 41–103.
5. Евлампиев И.И. Спор о роли личности в истории: роман Ф.М. Достоевского «Подрасток» против романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // *Парадигма. Философско-культурологический альманах*. 2019. Вып. 30. С. 48–76.
6. Гачева А. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Достоевский и Тютчев. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 637 с.
7. Саканива А., Евлампиев И.И. Возвращение к России: Тютчев и Достоевский // *Соловьёвские исследования*. 2015. Вып. 2(46). С. 35–50.
8. Огарев Н.П. Отрывок из автобиографии // Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения в 2 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 21–24.
9. Герцен А.И. Записки одного молодого человека // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 257–316.
10. Кантор В.К. Две родины Достоевского: Попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 608 с.
11. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1957. С. 251–358.
12. Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 7–64.
13. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 13. Ленинград: Наука, 1975. С. 5–451.
14. Фихте И.Г. Назначение человека // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 65–224.
15. Евлампиев И.И. Идея всемирной империи культуры в воззрениях В.С. Соловьёва и в русском общественно-политическом сознании XIX века // *Соловьёвские исследования*. 2023. Вып. 1(77). С. 80–96.
16. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 359–617.
17. Одобский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1975. 317 с.
18. Daubitz U. Anthropologie und Geschichtsphilosophie beim jungen Friedrich Schiller / Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.) eingereicht an der Philosophischen Fakultät I der Humboldt-Universität zu Berlin [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edoc.hu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/58b8ed96-6fde-4b60-8577-083a950fc561/content> (дата обращения: 11.05.25).
19. Einige Originalschriften des Illuminatenordens, welche bey dem gewesenen Regierungsrath Zwack durch vorgenommene Hausvisitation zu Landshut den 11. und 12. Octob. ec. 1786 vorgefunden worden... Bd. 2. München: Anton Franz, 1787. 566 s.
20. Достоевский Ф.М. Подросток. Рукописные редакции // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 16. Ленинград: Наука, 1976. С. 5–479.

- 21 Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 187–223.
22. Фикте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 349 с.
23. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Астрель, 2012. 1023 с.
24. Евлампиев И.И. Анри Бергсон: философия грядущей эпохи. СПб.: РХГА, 2021. 360 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Dostoevskiy, F.M. Podrostok [The Adolescent], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 13* [Complete Works in 30 vols., vol. 13]. Leningrad: Nauka, 1975. 453 p.
2. Dostoevskiy, F.M. Podrostok. Rukopisnye redaktsii [The Adolescent. Handwritten editions], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 16* [Complete Works in 30 vols., vol. 16]. Leningrad: Nauka, 1976. 480 p.
3. Dostoevskiy, F.M. Ryad statey o russkoy literature [A number of articles about Russian literature], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 18* [Complete Works in 30 vols., vol. 18]. Leningrad: Nauka, 1978, pp. 41–103.
4. Einige Originalschriften des Illuminatenordens, welche bey dem gewesenen Regierungsrath Zwack durch vorgenommene Hausvisitation zu Landshut den 11. und 12. Octob. ec. 1786 vorgefunden worden... Bd. 2 [Some original writings of the Illuminati Order, which were found at the home of the former government councillor Zwack in Landshut on 11 and 12 October 1786. Vol 2]. München: Anton Franz, 1787. 566 p.
5. Fikhte, I.G. Naznachenie cheloveka [Human assignment], in Fikhte, I.G. *Sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vols., vol. 2]. Saint-Petersburg: Mifril, 1993, pp. 65–224.
6. Fikhte, I.G. Neskol'ko lektsiy o naznachenii uchenogo [Several lectures on the appointment of a scientist], in Fikhte, I.G. *Sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vols., vol. 2]. Saint-Petersburg: Mifril, 1993, pp. 7–64.
7. Fikhte, I.G. Osnovnye cherty sovremennoy epokhi [The main features of the modern era], in Fikhte, I.G. *Sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vols., vol. 2]. Saint-Petersburg: Mifril, 1993, pp. 359–617.
8. Gertsen, A.I. S togo berega [From Another Shore], in Gertsen, A.I. *Sobranie sochineniy v 30 t., t. 6* [Collected Works in 30 vols., vol. 6]. Moscow: Izdatel'stvo AN USSR, 1955, pp. 187–223.
9. Gertsen, A.I. Zapiski odnogo mladogo cheloveka [The notes of a young man], in Gertsen, A.I. *Sobranie sochineniy v 30 t., t. 1* [Collected Works in 30 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'stvo AN USSR, 1954, pp. 257–316.
10. Ogarev, N.P. Otryvok iz avtobiografii [An excerpt from his autobiography], in Ogarev, N.P. *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya v 2 t., t. 2* [Selected socio-political and philosophical works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Gospolitizdat, 1956, pp. 21–24.
11. Shiller, F. Pis'ma ob esteticheskom vospitanii cheloveka [On the Aesthetic Education of Man in a Series of Letters], in Shiller, F. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 6* [Collected Works in 7 vols., vol. 6]. Moscow: GIKhL, 1957, pp. 251–358.

Individual Works

12. Fikhte, I.G. *Rechi k nemetskoj natsii* [Addresses to the German Nation]. Saint-Petersburg: Nauka, 2009. 349 p.
13. Karleyl', T. *Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii* [On Heroes, Hero-Worship, & the Heroic in History]. Moscow: Astrel', 2012. 1023 p.
14. Odoevskiy, V.F. *Russkie nochi* [Russian Nights]. Leningrad: Nauka, 1975. 317 p.

(Articles from Scientific Journals)

15. Evlampiev, I.I. Ideya vsemirnoy imperii kul'tury v vozzreniyakh V.S. Solov'eva i v rusском obshchestvenno-politicheskom soznanii XIX veka [The idea of a world empire of culture in the views of V.S. Solovyov and in the Russian socio-political consciousness of the XIX century], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 1(77), pp. 80–96.
16. Evlampiev, I.I. Spor o roli lichnosti v istorii: roman F.M. Dostoevskogo «Podrostok» protiv romana L.N. Tolstogo «Voyna i mir» [Debate on the Role of the Individual in History: F.M. Dostoevsky's Novel “The Adolescent” versus L.N. Tolstoy's Novel “War and Peace”], in *Paradigma. Filosofskokul'turologicheskiy al'manakh*, 2019, issue 30, pp. 48–76.
17. Lysenkova, E.I. Aspekty problemy Shillera v tvorchestve F.M. Dostoevskogo («Bednye lyudi», «Unizhennyye i oskorblennyye») [Aspects of the Schiller problem in the works of F.M. Dostoevsky (“Poor People”, “The Insulted and Humiliated”)], in *Studia Culturae*, 2014, no. 21, pp. 147–154.
18. Sakaniva, A., Evlampiev, I.I. Vozvrashchenie k Rossii: Tyutchev i Dostoevskiy [Return to Russia: Tyutchev and Dostoevsky], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2015, issue 2(46), pp. 35–50.

(Monographs)

19. Evlampiev, I.I. *Anri Bergson: filosofiya gryadushchey epokhi* [Henri Bergson: Philosophy of the Coming Age]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2021. 360 p.
20. Gacheva, A. «*Nam ne dano predugadat', kak slovo nashe otzovetsya...*» *Dostoevskiy i Tyutchev* [“We are not Given to Predict how our Word will Respond...” (Dostoevsky and Tyutchev)]. Moscow: IMLI RAN, 2004. 637 p.
21. Kantor, V.K. *Dve rodiny Dostoevskogo: Popytka osmysleniya* [Two Homelands of Dostoevsky: An Attempt at Understanding]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2021. 608 p.
22. Lyngstad, A. *Dostoevskiy and Schiller* [Dostoevsky and Schiller]. Hague: Mouton, 1975. 126 p.
23. Vil'mont, N.N. *Dostoevskiy i Shiller* [Dostoevsky and Schiller]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1984. 280 p.

(Electronic Resources)

24. Daubitz, U. *Anthropologie und Geschichtsphilosophie beim jungen Friedrich Schiller* [Anthropology and philosophy of history in the young Friedrich Schiller], in Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doctor philosophiae (Dr. phil.) eingereicht an der Philosophischen Fakultät I der Humboldt-Universität zu Berlin. Available at: <https://edoc.hu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/58b8ed96-6fde-4b60-8577-083a950fc561/content> (Date of access: 24.08.2024).

УДК 82(2)
ББК 83.3(2)

Фёдор Игоревич Евлампиев

Санкт-Петербургской государственной университет, Институт философии, магистрант, Россия,
Санкт-Петербург, e-mail: fedorevlampiev@mail.ru

Позднеромантические истоки образа Мечтателя в раннем творчестве Ф.М. Достоевского¹

Аннотация. Влиянию романтизма на творчество Достоевского посвящено большое количество работ, в том числе современных исследователей. Тем не менее большая часть литературы по этой теме посвящена позднему творчеству Достоевского, романам его зрелого периода, тогда как произведениям раннего периода уделяется меньше внимания. Вместе с тем в них влияние романтизма более очевидно и открыто, что позволяет яснее увидеть, какие конкретно мотивы и идеи этого мировоззрения проникли в творчество Достоевского. Проводится сравнение отдельных образов повести «Белые ночи» и фельетона «Петербургская летопись» со стихотворением Г. Гейне «Пролог», а также стихотворением М.Ю. Лермонтова «Пророк», на основании чего предпринимается попытка проследить истоки образа Мечтателя как романтического персонажа. В результате обнаруживаются прямые параллели между рассматриваемыми текстами: в сходном описании героев и в сходстве описываемых обстоятельств. Предлагается интерпретация темы Мечтателя как развития популярного в раннем немецком романтизме образа поэта-философа или поэта-пророка, который занимает значительное место в «Фрагментах» Новалиса. В качестве главного отличия Мечтателя от его раннеромантического прототипа, поэта-пророка, указывается его неспособность реально изменить мир, привести его в согласие со знанием об истинной, божественной реальности.

Ключевые слова: поздний романтизм, немецкий романтизм, романтические реминисценции, натурфилософия, философия искусства

Fedor Igorevich Evlampiev

Saint-Petersburg State University, Institute of Philosophy, masters student, Russia, Saint-Petersburg,
e-mail: fedorevlampiev@mail.ru

Late Romantic Origins of the Image of the Dreamer in Dostoevsky's Early Work

Abstract. The influence of Romanticism on Dostoevsky's work has been the subject of many works, including those by modern researchers. However, most of the literature on this topic is devoted to Dostoevsky's late works, the novels of his mature period, while his early works have received less attention. At the same time, the influence of Romanticism in them is more obvious and open, which allows us to see more clearly what specific motives and ideas of this worldview penetrated Dostoevsky's work.

¹ Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00696 (<https://rscf.ru/project/25-28-00696/>). This study was funded by Russian Science Foundation, project number 25-28-00696 (<https://rscf.ru/project/25-28-00696/>).

The article compares individual images from the novel *White Nights* and the feuilleton *Petersburg Chronicle* with G. Heine's poem *Prologue* and M.Yu. Lermontov's poem *The Prophet*, on the basis of which an attempt is made to trace the origins of the image of the Dreamer as a romantic character. As a result, direct parallels are found between the texts under consideration, expressed in a similar description of the characters, as well as in the similarity of the described circumstances in which they find themselves. The interpretation of the theme of the Dreamer is offered as a development of the popular image of the poet-philosopher or poet-prophet in early German Romanticism, which occupies a significant place in Novalis's "Fragments". This is a person who, through aesthetic and mystical revelation, has acquired true knowledge of the world, which he seeks to bring to life. The main difference between the Dreamer and his early Romantic prototype, the poet-prophet, is his inability to really change the world, to bring it into agreement with the knowledge of the true, divine reality that he possesses.

Key words: late romanticism, German romanticism, romantic motives, Naturphilosophie, philosophy of art

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.117-128

В одном из писем молодого Ф.М. Достоевского своему брату Михаилу присутствует важный пассаж, в котором Достоевский утверждает, что философское познание может осуществляться через поэзию, в акте поэтического вдохновения: «Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное – природа... Заметь, что поэт в порыве вдохновения разгадывает бога, следовательно, исполняет назначение философии. Следовательно, поэтический восторг есть восторг философии... Следовательно, философия есть та же поэзия, высший градус её!...»². Это утверждение заставляет задаться вопросом о месте поэзии и образа поэта в раннем творчестве Достоевского.

Связь Достоевского с мировоззрением романтизма уже достаточно хорошо исследована, однако большинство трудов по этой теме посвящены романтическим мотивам в произведениях зрелого периода творчества писателя. Например, классическая работа В.Л. Комаровича посвящена влиянию поэзии Гейне на ключевые идеи романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»³, исследование С.А. Песоцкой посвящено влиянию Гейне на «Записки из подполья»⁴. Романтические реминисценции в ранних повестях, таких как «Белые ночи», исследованы значительно хуже.

Тема поэта-пророка, проводника божественного в мир, занимала одно из ключевых мест в мировоззрении немецкого романтизма. В частности, во «Фрагментах» Новалиса можно обнаружить множество подобных размышле-

² См.: Достоевский Ф.М. Письмо М.М. Достоевскому от 31 октября 1838 года // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. СПб.: Наука, 1996. С. 13 [1].

³ См.: Комарович В.Л. Достоевский и Гейне // Комарович В.Л. «Весь устремление»: статьи и исследования о Достоевском. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 65–75 [2].

⁴ См.: Песоцкая С.А. Достоевский и Гейне. К проблеме стилевого своеобразия // Проблемы метода и жанра: межвуз. сб. ст. Вып. 17. Томск: Изд-во Томского университета, 1991. С. 115–131 [3].

ний, например следующее: «Поэт и жрец были вначале едины, и только в позднейшие времена их разделили. Но истинный поэт всегда оставался жрецом, как и истинный жрец – поэтом»⁵. Поэт не просто выражает свои чувства, он ищет Абсолютное, Бога, подобно жрецу, он преодолевает ограниченность вещей, восходя к трансцендентному. В другом месте Новалис прямо называет философию «поэзией разума»⁶ (*Das Poem des Verstandes*), говоря, что она есть «единство разума и воображения» (*Einheit des Verstandes und der Einbildungskraft*)⁷. В этом заключается одна из фундаментальных идей романтизма: поэзия – это не просто произведение искусства, предназначенное для эстетического наслаждения, но и способ познания посредством вдохновения, которое словами лишь запечатлевается, оно открывает то, что недоступно на других путях познания мира. Поэт имеет высшее призвание, отличающее его от других людей, возносящее его над ними. В одном из фрагментов Новалиса указывается на прямую связь поэта и пророка. Поэзия для романтиков – средство познать то, что находится за границами разума⁸.

Идеи романтизма быстро проникли в Россию, значительно повлияв на многих деятелей русской культуры, которых привлекло их мистически-философское содержание. Так, один из российских современных исследователей пишет: «До конца 1830-х годов немецкая литература, прежде всего в лице Гёте и Шиллера, воспринималась в России сквозь призму натурфилософии и философии искусства Шеллинга. <...> Гёте предстал в образе всеобъемлющего мудреца и тайновидца природы, Шиллер вызывал восхищение “любомудров” как поэт-мыслитель, прошедший путь от этического идеализма к эстетическому гуманизму. Эстетическая утопия Шиллера воспринималась как призыв к преобразению чувственно-материальной действительности, к разрешению ее противоречий в царстве красоты, которая спасет мир. В искусстве, художественном творчестве человек возвращается в изначальное тождество бытия и сознания, уравнивается с абсолютном. Этот шиллеровский идеал целостной, тотальной человеческой личности, призванной воплотить в себе единство материального и духовного начал, сохраняет свое значение на долгие годы» [7, с. 136–137]. Два величайших русских поэта – Пушкина и Лермонтова – были среди тех, кто органично воплотил эти идеи в своем творчестве. Особенно характерным в этом смысле является стихотворение Пушкина «Пророк», описывающее трансформацию человека, происходящую через его общение с Богом, который затем посылает его исполнять новое предназначение. Получение этой миссии связано с глубинным перерождением, затрагивающим саму сущность человека, превращающим его из обычного человека в пророка, носителя

⁵ См.: Новалис. Фрагменты // Новалис. Гейнрих фон Офтердинген; Фрагменты; Ученики в Саисе / Новалис. Новалис: Лит. этюд Т. Карлейля. СПб.: Евразия, 1995. С. 147 [4].

⁶ См.: Novalis. Neue Fragmente // Novalis Briefe und Werke in drei Bänden. Band 3. Berlin: Verlag Lambert Schneider, 1943. S. 168 [5].

⁷ См.: Novalis. Neue Fragmente // Novalis Briefe und Werke in drei Bänden. Band 3. S. 168.

⁸ См.: Gazakbayeva G., Popuyeva M., Rozyyeva S., Ashyrova L. Philosophy and poetry: the intertwined Worlds of German literature // Innovation Science. 2024. No. 4-2. P. 137 [6].

и распространителя божественной мудрости: его сердце Бог заменил на уголь, а язык – на жало змеи⁹. Однако на этом Пушкин останавливается – как переродившийся «поэт-пророк» действует в реальном мире, он не прослеживает. Ему интересен прежде всего сам процесс внутреннего переживания, а не его реализация в мире, что в целом характерно для раннего немецкого романтизма, к которому Пушкин примыкает. Впрочем, у него присутствуют и более реалистические, приземленные образы романтических героев, например Ленский, разделяющий «романтический культ идеала выдающихся личностей, избранных, высших натур»¹⁰, но неспособный воплотить свои идеалы в жизнь, будто предвосхищающий персонажей позднего романтизма.

Совсем иначе дело обстоит у Лермонтова. В его «Пророке» акцент сделан прежде всего на том, как пророк взаимодействует с миром. Сам момент духовного перерождения здесь уже в прошлом – Лермонтов ограничивается простым указанием на то, что он случился:

С тех пор, как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В глазах людей читаю я
Страницы злобы и порока [10, с. 87].

Открывшиеся глаза пророка начинают видеть мир в его истинном облике, и он оказывается отнюдь не прекрасен и гармоничен. Наоборот, теперь поэту открывается уродство мира, его истинный облик, прежде скрытый пеленой. Мир оказывается враждебен пророку, несовместим с его новой сущностью, поэтому он оказывается вне мира, изгнан за его пределы, в пустыню, где опыт связи с Абсолютным сохраняется, но оказывается замкнут, заперт внутри самого поэта без возможности быть переданным, становится бесплодным:

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу
Как птица, даром Божьей пищи.
Завет предвечного храня,
Мне тварь послушна там земная,
И звёзды слушают меня,
Лучами радостно играя [10, с. 88].

Здесь у Лермонтова образ поэта-пророка приобретает пессимистический оттенок, который в целом характерен для позднего романтизма: если

⁹ См.: Пушкин А.С. Пророк // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1974. С. 82–84 [8].

¹⁰ См.: Папилова Е.В. «Полурусский сосед»: образ Ленского как последователя немецкого романтизма // Art Logos. 2024. № 4(29). С. 51 [9].

Новалис и Гёте верили в то, что сила поэтического откровения достаточна, чтобы трансформировать реальность в соответствии с идеалом, то Гейне и Лермонтов пришли к осознанию, что подлинный духовный порыв сам по себе оказывается недостаточен, чтобы преодолеть сопротивление мира, не желающего изменяться.

Именно из этого контекста становится возможным понять образ Мечтателя – один из ключевых в раннем творчестве Достоевского. Наиболее характерным его примером является главный герой повести «Белые ночи», который несет в себе все основные черты позднеромантического образа поэта-пророка. Прежде всего, он обладает особым опытом реальности: Петербург для него не просто некое место в физической реальности, а особое пространство, трансформированное его восприятием. Каждое здание, каждый угол и каждая улица имеют для него особое значение, обладают особым содержанием, скрытым от других людей. Он относится к миру как поэт, видя в вещах нечто иное, отличное от их внешнего облика, но при этом выражающее их сущность: в некоторых случаях он буквально говорит с ними. Его отношение к миру имеет мистический характер, он воспринимает в предметах окружающей реальности нечто, отсылающее к иному миру. Точно так же относится к миру поэт, видящий в вещах большее, чем они являются на первый взгляд, причем доступно это особое видение лишь ему, остальные люди всего того, что открывается Мечтателю, не могут увидеть. Это приводит к тому, что Мечтатель отдаляется от обыденной реальности, в которой разворачивается жизнь большинства людей. Этот мир оказывается чужд ему, он с большим трудом ориентируется в нем.

Этот мотив в литературе, часто именуемый принципом двоемирия, очень характерен для мировоззрения романтизма: ««Альфой» и «омегой» романтизма является принцип двоемирия, то есть имплицитное присутствие внутри текста двух противоположных миров: с одной стороны – отвергаемого, негативного, порочного, а с другой – идеального, красивого, совершенного. <...> В произведениях герой-протагонист с романтическим умонастроением, как правило, совершает побег от реальной действительности или устанавливает с ней психологическую дистанцию» [11, с. 726]. Поэт-мечтатель – личность всегда исключительная, обладающая редким даром, выделяющим ее среди других людей, составляющих противостоящий ей мир. Это, например, то, что мы видим у Лермонтова: необычность и непривычность поэтико-пророческого взгляда для обычных людей делает взаимодействие между ними и пророком невозможным. У Достоевского нет раннеромантического оптимизма Новалиса и Пушкина, считавших неизбежной победу истины поэта-пророка. Наоборот, здесь мы видим пессимизм поздних романтиков, усиленный критикой оторванности поэта от реальной жизни. Он ближе к Лермонтову, пророк которого неспособен обратиться к истине никого, что вынуждает его уйти в пустыню, признав поражение. Еще более характерно подобное настроение выражено у Генриха Гейне, особенно в его

стихотворении «Пролог» из раздела «Книги песен» под названием «Лирическое интермеццо», образы которого крайне сходны с образами «Белых ночей» Ф.М. Достоевского. Оно начинается так:

Жил рыцарь на свете – угрюм, молчалив,
С лицом поблекшим и впалым.
Ходил он, качаясь, глаза опустив,
Мечтам предаваясь вялым.
Он был неловок, суров, нелюдим,
Цветы и красотки смеялись над ним,
Когда шёл он шагом усталым [12, с. 55].

Главный герой – рыцарь, бледный и неловкий, человек не от мира сего. Вся первая строфа призвана показать его чуждость миру, которая обозначается как нечто нездоровое и подчеркивается описанием его внешности. Герой Достоевского описывает себя схожим образом, сравнивая себя с котенком, «которого измяли, застращали и всячески обидели дети, вероломно захватив его в плен, сконфузили в прах, который забился наконец от них под стул, в темноту, и там целый час на досуге принужден ошетиливаться, отфыркиваться и мыть свое обиженное рыльце обеими лапами»¹¹. Это похоже и на строки Лермонтова:

Смотрите, дети, на него –
Как он уныл, как худ и бледен,
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его! [10, с. 89].

Тем не менее физические недостатки подчеркивают только слабость связи между героями и реальным миром, но не их радикальную ущербность. Слабость тела – знак особенной глубины души, направляющей себя от реальности в иной мир, более близкий ей. Это отстранение необходимо из-за существующего в романтическом мировоззрении противопоставления мира материи и мира духа, или мира земного и небесного. И если в раннем романтизме эта двойственность была лишь временным состоянием перед неизбежным преобразованием материи через ее одухотворение, то в его поздней версии все иначе: разрыв между двумя мирами из расщелины превращается в непреодолимую бездну, что очень хорошо видно у Достоевского. Мир Мечтателя замкнут на себя, изолирован и, следовательно, лишен силы воздействия на реальность. То же самое верно и для рыцаря Гейне:

¹¹ См.: Достоевский Ф.М. Белые ночи // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 2. Л.: Наука, 1988. С. 167 [13].

Он дома сиживал в уголке,
Боясь любопытного взора;
Он руки свои простирал в тоске
И ни с кем не вёл разговора.
Когда наступала ночная пора,
Там слышалось странное пенье, игра,
И у двери дрожали затворы [12, с. 55].

Прячась от жизни, герой творит свою идеальную реальность, в которой имеет то, что ему недоступно в мире земном. Он не пытается ничего изменить, открыть кому-нибудь то, как он видит мир, передать свой опыт, а просто прячется. Его место – это самый темный угол, где ничто не может нарушить его уединения, куда обычные люди и не подумают заглянуть. Точно так же поступает и Мечтатель Достоевского: «Есть, Настенька, если вы того не знаете, есть в Петербурге довольно странные уголки. В эти места как будто не заглядывает то же солнце, которое светит для всех петербургских людей, а заглядывает какое-то другое, новое, как будто нарочно заказанное для этих углов, и светит на все иным, особенным светом. В этих углах, милая Настенька, выживается как будто совсем другая жизнь, не похожая на ту, что возле нас кипит, а такая, которая может быть в тридесятном неведомом царстве, а не у нас, в наше серьезное-пресерьезное время. <...> Мечтатель – если нужно его подобное определение – не человек, а, знаете, какое-то существо среднего рода. Селится он большей частью в где-нибудь в неприступном углу, как будто таится в нем даже от дневного света, то так и прирастает к своему углу...» [13, с. 169].

Этот угол – личный мир Мечтателя, где проходит его подлинная жизнь. Здесь его власть безгранична, здесь он творец, которому подчиняется все, тогда как остальной мир – нечто чуждое и враждебное ему. Это противопоставление абсолютно: для Мечтателя существует только то, что включено в его мир, тогда как все остальное бесконечно от него далеко и если и попадает в сферу его внимания, то ненадолго, покидая ее практически сразу. Его существование как бы вывернуто наизнанку по отношению к другим людям – для них реальным существованием обладает повседневная жизнь, тогда как для Мечтателя реальны лишь его собственные мечтания, что подчеркивается тем фактом, что основные события романа происходят ночью, когда большинство людей спит по домам. Ночь в этом контексте представляет собой время, когда граница между двумя реальностями истончается¹². Не зря именно ночью гейневский рыцарь отправляется в свое путешествие по иным мирам, когда сотворенные им фантастические события начинают проникать в реальный мир. Представление о ночи как времени, когда иная реальность просачивается в материальный мир, существует в человеческой культуре очень давно, но именно в романтизме оно приобретает

¹² См.: Филипповский Г.Ю. Наследие европейских романтиков и мотив путника в ночи (А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1(28). С. 11 [14].

положительный смысл. В Средние века ночь была временем полной власти темных сил, но для романтического мировоззрения характерна совершенно иная интерпретация. Ночь – это время, когда Мечтатель освобождается от тяжести обыденной жизни, выходя из неестественного для него состояния: «Неравнодушно смотрит он на вечернюю зарю, которая медленно гаснет на холодном петербургском небе. Когда я говорю – смотрит, так я лгу: он не смотрит, но созерцает как-то безотчетно, как будто усталый или занятый в то же время каким-нибудь другим, более интересным предметом, так что разве только мельком, почти невольно, может уделить время на все окружающее. Он доволен, потому что закончил до завтра с ненавистными для него *делами*, и рад, как школьник, которого выпустили с классной скамьи к любимым играм и шалостям» [13, с. 169]. Когда для остальных людей день заканчивается, для Мечтателя он, наоборот, начинается. В этом можно увидеть параллель со стихотворением Гёте «Ночные мысли», где лирический герой разговаривает со звездами:

О, какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятиях милой
Вас и полночь сладко забываю! [15, с. 165].

Он как бы пробуждается от длительного сна, забытья, в котором он пребывал длительное время, причем этим забытьем является дневное существование. Теперь же герой возвращается в ту реальность, в которой ему существовать естественно, – в мир ночи, где он говорит со звездами.

Стихотворение Гейне продолжается следующим образом:

И милая входит в его уголок
В одежде, как волны, пенной.
Цветёт и горит, будто вся – цветок,
Сверкает покров драгоценный.
И золотом кудри спадают вдоль плеч,
И взгляды сверкают, и ласкова речь,
В объятиях рыцарь блаженный [12, с. 56].

Центром мира мечтаний рыцаря является образ прекрасной девушки, влюбленной в него, которая обладает всеми возможными совершенствами. Чудесное существо, не существующее в реальной жизни, она противопоставляется девушкам, смеявшимся над ним в первой строфе стихотворения. Подобное происходит и с Мечтателем Достоевского: во время одной из своих ночных прогулок он встречает Настеньку, в которую влюбляется. Несмотря на то что она не является фантазией, как в случае с рыцарем в стихотворении Гейне, их встречи все равно носят ирреальный характер; учитывая отношение к ночи как особого «мистического» времени, их отношения приобретают дополнительный смысл, выходящий за рамки обычных земных отношений.

Ночные встречи Мечтателя с Настенькой заканчиваются внезапно: когда уже начинает казаться, что для их любви нет преград, когда их счастье совсем рядом, стоит лишь руку протянуть, – возвращается возлюбленный Настеньки, причем неожиданность этого события особенно бросается в глаза: он просто пересекается с Настенькой на улице, как будто бы даже не ища ее специально. Идеал любви, возникший перед Мечтателем, растворяется, как если бы его никогда не существовало. Точно то же самое случается и с гейневским рыцарем:

Поют и играют; и множество пар
В неистовом танце кружатся,
И смертный объемлет рыцаря жар,
Спешит он к милой прижаться.
Но гаснет вдруг ослепительный свет,
Сидит в одиночестве рыцарь-поэт
В каморке своей угрюмой [12, с. 56].

Любовь рыцаря нереальна, иллюзорна, и поэтому недостижима; как только напряжение достигает пика, как только эта любовь наконец должна стать реальной, мечта рыцаря растворяется, достигая предела, выйти за который она не может. Последняя граница между миром грез и реальностью абсолютна, преодолеть ее невозможно, и именно поэтому рыцаря из его мечты буквально выбрасывает обратно в реальность – он уперся в эту границу. С Мечтателем происходит очень похожее: история его любви обрывается именно в тот момент, когда она должна стать реальной, и он вновь оказывается в одиночестве, в своей темной каморке, как и рыцарь. Его придуманный мир рассеивается, все ночные события не переходят в дневную жизнь, они остаются там, в ирреальном мире.

Таким образом, Достоевский в своих ранних произведениях следует традиции романтизма в его поздней версии, имеющей пессимистический оттенок. Более того, можно высказать предположение, что в своей повести «Белые ночи» он использует стихотворение Гейне в качестве скрытой «модели». Несмотря на то что Мечтателю реальность открывается во всем своем бесконечном богатстве, которое большинству других людей недоступно, он оказывается неспособен передать это богатство другим, трансформировать мир земной с помощью своего знания, как верили ранние романтики. Гейне – ярчайший выразитель этого настроения, и в «Белых ночах» Достоевский воспроизводит многие из его тем. Сходные мотивы присутствуют также и в фельетоне «Петербургская летопись»: «А знаете ли, что такое мечтатель, господа? Это кошмар петербургский, это олицетворенный грех, это трагедия, безмолвная, таинственная, угрюмая, дикая, со всеми неистовыми ужасами, со всеми катастрофами, перипетиями, завязками и развязками, – и мы говорим это вовсе не в шутку. Вы иногда встречаете человека рассеянного, с неопределенно-гусклым взглядом, часто с бледным, измятым лицом, всегда как будто занятого чем-то ужасно тягостным, каким-то головоломнейшим делом, иногда измученного, утомленного как будто от тяжких трудов,

но в сущности не производящего ровно ничего, – таков бывает мечтатель сна-ружи» [16, с. 31]. Мечтатель – это логическое завершение эволюции образа поэта-пророка, знающего божественную истину. Простого знания оказывается недостаточно – оно приводит лишь к тому, что подобный человек истощает себя, так как реальный мир больше не способен удовлетворить его, поскольку он узнал, что существует нечто бесконечно выше и лучше его, но у него нет сил преодолеть разрыв между реальностью и идеалом. Это образ трагический, показывающий человека, соприкоснувшегося с божественным, но не сумевшего направить свое новое знание в созидательное русло; в этом и заключается пессимистический взгляд романтизма на ключевой образ. Несмотря на то что и у ранних романтиков он часто имел трагический характер, смысл этого трагизма был иным, патетическим, полным величия, выражавшегося в борьбе пророка и мира, которая если формально и заканчивалась поражением, то лишь внешне: поэт-пророк уже сам фактом того, что смог бросить миру вызов, становился победителем. Достоевский и Гейне, в противоположность этому, указывают, что для преобразования мира одного знания об идеале недостаточно, необходимо найти путь для его осуществления, более того, они показывают, что поэт-мечтатель терпит крах внутри себя – он не только не спасает других, но еще и гибнет сам, поэтому Достоевский и называет его «трагедией», «кошмаром» и «лицетворенным грехом». В позднем творчестве Достоевского тема несовместимости высшего человека с обыденным миром, обрекающим его на одиночество и в итоге ведущим к бунту, выступит особенно явственно. При этом образ Мечтателя, кажущийся чисто негативным, в контексте произведений зрелого Достоевского обретает дополнительный смысл: Мечтатель является первой ступенью на пути становления человека «высшей личностью», мистиком, не только знающим Бога, но и становящимся им. Для Достоевского загадка природы Бога может быть раскрыта только через человека¹³ и Мечтатель – первый этап ее разрешения.

Мы начали наше исследование с вопроса о том, какое место занимает образ поэта в раннем творчестве Достоевского, теперь на него можно дать вполне определенный ответ. В своей интерпретации этого образа Достоевский следует традиции позднего романтизма, связанной с творчеством Гейне, для которой характерен трагический образ поэта-пророка-мечтателя: с одной стороны, знающего божественную истину, но с другой – неспособного ею воспользоваться, «придавленного» и уничтоженного ее величием и несовместимостью с реальностью. При этом очевидно противоречие между тоном рассмотренного нами письма молодого Достоевского и, собственно, изображением поэта-мечтателя в «Белых ночах» и рассуждениями о нем в «Петербургской летописи»: в письме явно прослеживается влияние романтизма именно в его раннем, новалисовском варианте, тогда как Мечтатель «Белых ночей» носит почти портретное сходство

¹³ См.: Mikoshiba M. Russian wanderer in the spiritual worlds, or F.M. Dostoevsky's creative activity in the context of Russian religious philosophy // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy. 2021. No. 1. P. 19 [17].

с гейневским «рыцарем-поэтом» из стихотворения «Пролог». Многие черты образа Мечтателя позднее передадутся персонажам других, более поздних произведений Достоевского, в том числе подпольному человеку, которого можно считать предельно обостренным, доведенным до гротеска образом, который был выведен Достоевским в «Белых ночах».

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Письмо М.М. Достоевскому от 31 октября 1838 года // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. СПб.: Наука, 1996. С. 13–16.
2. Комарович В.Л. Достоевский и Гейне // Комарович В.Л. «Весь устремление»: статьи и исследования о Достоевском. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 65–75.
3. Песоцкая С.А. Достоевский и Гейне. К проблеме стилового своеобразия // Проблемы метода и жанра: межвуз. сб. ст. Вып. 17. Томск: Изд-во Томского университета, 1991. С. 115–131.
4. Новалис. Фрагменты // Новалис. Гейнрих фон Офтердинген; Фрагменты; Ученики в Саисе / Новалис. Новалис: Лит. этюд Т. Карлейля. СПб.: Евразия, 1995. 293 с.
5. Novalis. Neue Fragmente // Novalis Briefe und Werke in drei Bänden. Band 3. Berlin: Verlag Lambert Schneider, 1943. S. 113–399.
6. Philosophy and poetry: the intertwined Wolrds of German literature / G. Gazakbayeva, M. Popuyeva, S. Rozyuyeva, L. Ashyrova // Innovation Science. 2024. No. 4–2. P. 137.
7. Жеребин А.И. Германский гений русской литературы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 1. С. 131–158.
8. Пушкин А.С. Пророк // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1974. С. 82–84.
9. Папилова Е.В. «Полурусский сосед»: образ Ленского как последователя немецкого романтизма // Art Logos. 2024. № 4(29). С. 46–58.
10. Лермонтов М.Ю. Пророк // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1983. С. 87–89.
11. Берберова Л.Б., Кучукова З.А., Манкиева Э.Х. Романтизм: типология моделей художественного двомирия (на материале зарубежной литературы XIX века) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 3. С. 725–730.
12. Гейне Г. Пролог // Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 55–56.
13. Достоевский Ф.М. Белые ночи // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 2. Л.: Наука, 1988. С. 152–203.
14. Филипповский Г.Ю. Наследие европейских романтиков и мотив путника в ночи (А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1(28). С. 8–16.
15. Гёте И.В. Ночные мысли // Гёте И.В. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1975. С. 165.
16. Достоевский Ф.М. Петербургская летопись // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 2. Л.: Наука, 1988. С. 5–34.
17. Mikoshiba M. Russian wanderer in the spiritual worlds, or F.M. Dostoevsky's creative activity in the context of Russian religious philosophy // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy. 2021. No. 1. P. 16–22.

References

(Sources)

Collected works

1. Dostoevskiy, F.M. Belye nochí [White nights], in Dostoevskiy, F.M. *Sobranie sochineniy v 15 t., t. 2* [Writings in 15 vols., vol. 2]. Leningrad: Nauka, 1988, pp. 152–203.
2. Dostoevskiy, F.M. Peterburgskaya letopis' [Petersburg's chronicle], in Dostoevskiy, F.M.

Sobranie sochineniy v 15 t., t. 2 [Writings in 15 vols., vol. 2]. Leningrad: Nauka, 1988, pp. 5–34.

3. Dostoevskiy, F.M. Pis'mo M.M. Dostoyevskomu ot 31 oktyabrya 1838 goda [Letter to M.M. Dostoevsky from 31 October 1838], in Dostoevskiy, F.M. *Sobranie sochineniy v 15 t., t. 15* [Collected works in 15 vols., vol. 15]. Leningrad: Nauka, 1996, pp. 13–16.

4. Goethe, I.W. Nochnye mysli [Midnight thoughts], in Goethe, I.W. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 1* [Collected works in 10 vols., vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, p. 165.

5. Geyne, G. Prolog [Prologue], in Geyne, G. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 1* [Writings in 10 vols., vol. 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1956, pp. 55–56.

6. Lermontov, M.Yu. Prorok [Prophet], in Lermontov, M.Yu. *Sobranie sochineniy v 4 t. t. 1* [Writings in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1983, pp. 87–89.

7. Novalis. Neue Fragmente, in Novalis Briefe und Werke in drei Bänden. Band 3. Berlin: Verlag Lambert Schneider, 1943, pp. 113–399.

8. Pushkin, A.S. Prorok [Prophet], in Pushkin, A.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 2* [Collected works in 10 vols., vol. 2]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1974, pp. 82–84.

Individual works

9. Novalis. Fragmenty [Fragments], in Novalis. *Geynrikh fon Offterdingen. Fragmenty. Ucheniki v Saise. Novalis. Literaturnyy etyud T. Karleylya*. Saint-Petersburg: Evraziya, 1995. 293 p.

(Articles from Scientific Journals)

10. Berberova, L.B., Kuchukova, Z.A., Mankieva, E.Kh. Romantizm: tipologiya modeley khudozhestvennogo dvoemiriya (na materiale zarubezhnoy literatury XIX veka) [Romanticism: typology of models of artistic duality of world (based on foreign literature of the 19th century)], in *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2023, vol. 16, no. 3, pp. 725–730.

11. Filippovskiy, G.Yu. Nasledie evropeyskikh romantikov i motiv putnika v nochi (A.S. Pushkin i M.Yu. Lermontov) [Legacy of European Romanticism and the motive of the traveller in the night], in *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*, 2022, no. 1(28), pp. 8–16.

12. Gazakbayeva, G., Popyyeva, M., Rozyyeva, S., Ashyrova, L. Philosophy and poetry: the intertwined Worlds of German literature, in *Innovation Science*, 2024, no. 4-2, pp. 135–137.

13. Mikoshiba, M. Russian wanderer in the spiritual worlds, or F.M. Dostoevsky's creative activity in the context of Russian religious philosophy, in *Bulletin of Moscow Region State University, Series: Philosophy*, 2021, no. 1, pp. 16–22.

14. Papilova, E.V. «Polurusskiy sosedi»: obraz Lenskogo kak posledovatel'ya nemetskogo romantizma [“Half-Russian neighbour”: Lenskiy as follower of German Romanticism], in *Art Logos*. 2024, no. 4(29), pp. 46–58.

15. Pesotskaya, S.A. Dostoevskiy i Geyne. K probleme stilevogo svoeobraziya [Dostoyevskiy and Heine: on the problem of stylistic uniqueness], in *Problemy metoda i zhanra: Mezhvuzovskiy sbornik statey, issue 17* [Problems of Method and Genre: Interuniversity Collection of Articles, Issue 17]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1991, pp. 115–131.

16. Zherebin, A.I. Germanskiy geniyy russkoy literatury [German genius of the Russian literature], in *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog*, 2021, vol. 4, no. 1, pp. 131–158.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

17. Komarovich, V.L. Dostoevskiy i Geyne [Dostoyevskiy and Heine], in Komarovich, V.L. *«Ves' ustremlenie»: stat'i i issledovaniya o Dostoyevskom*. Moscow: IMLI RAN, 2018, pp. 65–75.

УДК 821.161:1(09)

ББК 83.3(2)-004

Ольга Леонидовна Фетисенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: betsy98@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

Русская литература в европейском контексте на страницах писем К.А. Губастова К.Н. Леонтьеву

Аннотация. Рассматривается обширный эпистолярный комплекс – 110 писем, адресованных в 1867–1891 гг. дипломатом (впоследствии историком-генеалогом) Константином Аркадьевичем Губастовым (1845–1919) его старшему другу, писателю и мыслителю, в момент начала переписки тоже дипломату Константину Николаевичу Леонтьеву (1831–1891). Отмечается, что переписка имеет большую историческую ценность, но важна и в историко-литературном отношении, поскольку в ней обсуждаются не только произведения Леонтьева, но и философские новинки, и творчество И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого. Рассматривается одна из тем писем К.А. Губастова – тема рецепции русской литературы на Западе. Выделены и прокомментированы фрагменты, в которых автор писем подкрепляет собственные суждения мыслями французских критиков (Э. Шюре, П. Жане и др.) о современных тенденциях в литературе и философии. Найденные им параллели дают необычную подсветку творчеству русских писателей. В силу малоизвестности фигуры автора писем в статье достаточно подробно изложена его биография, прослеженная на фоне истории его дружбы с Леонтьевым.

Ключевые слова: эпистолярный, русская литература, западноевропейская философия, рецепция, исповедальность эпистолярного жанра

Olga Leonidovna Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, leading researcher, Russia, Sankt-Petersburg, e-mail: betsy98@mail.ru

Russian literature in the European context on the pages of K.A. Gubastov letters to K.N. Leontiev

Abstract. The article is written on the basis of a vast epistolary complex: 110 letters from the diplomat, historian and genealogist Konstantin Gubastov (1845–1919) to his close friend, the writer and philosopher, who at the time of the beginning of their communication was also a diplomat – Konstantin Leontiev (1831–1891). This correspondence has great historical value, but is also interesting in a historical-literary sense, since it discusses not only the works of Leontiev (his novels and articles), but also the works of I.S. Turgenev (the novel “Virgin soil”) and L.N. Tolstoy (“The Kreutzer Sonata” and philosophical treatises). Turning to such topics, Gubastov touches upon the issue of the reception of Russian literature in the West, refers to his conversation with Viennese booksellers and notes the emergence of new translations. The author of the letters supports his own judgments with the thoughts of French critics (E. Shuré, P. Janet and others) about contemporary trends in literature and philosophy, and

the parallels that he was able to discover provide an interesting insight into the work of Russian writers. Nowadays, Gubastov is little known, and this required devoting a significant part of the article to an exposition of his biography, traced against the background of the history of his friendship with Leontiev.

Key words: epistolary, Russian literature, Western European philosophy, reception, confessional nature of the epistolary genre

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.129-150

Всем, кто знаком с биографией и наследием писателя и мыслителя К.Н. Леонтьева (1831–1891), памятно и дорого имя его близкого друга и автора воспоминаний о нем, кадрового дипломата, историка и общественного деятеля Константина Аркадьевича Губастова¹ (1845–1919). 26 мая 1888 г. философ писал ему: «...*только вы* (не считая Марьи Влад<имировны> <...>) понимали *меня и мою жизнь* так или хотя приблизительно так, как я сам ее понимал. <...> Вы для меня поэтому незаменимы никем, и когда Вы умрете ..., *не будет на земле ни одного человека, который бы знал меня*» [1, с. 84–85]². В академическом собрании сочинений Леонтьева можно познакомиться со всеми сохранившимися его письмами, адресованные этому драгоценному для него собеседнику, значительная часть которых, пусть и со значительными купюрами и неточностями, впервые была опубликована еще в XIX в. Так сложилось, что Губастова чаще всего и вспоминали лишь в связи с исповедальными письмами Леонтьева к нему³, но долгое время никто не интересовался судьбой адресата этих писем и единственным источником сведений о нем был некролог, написанный В.К. Лукомским⁴. В связи с заметным оживлением интереса к историческим и генеалогическим штудиям исследователи стали упоминать Губастова и вне леонтьевского контекста⁵, а в 2003 г. Р.Г. Красюковым (1935–2008) была издана его обстоятельная

¹ Ударение на первом слоге – вопреки этимологии и историческим корням рода (по преданию, одна из ветвей восходила к некоему Всеволожу-Губастому) – можно поставить с уверенностью, потому что именно такой вариант обнаруживается в письмах к другим лицам, которым Леонтьев хотел сообщить, как правильно вслух именовать К.А. Губастова (см., например: Леонтьев К.Н. Письма 1888–1890 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 12, кн. 2 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2020. С. 150 [1]).

² Здесь и далее курсив в цитатах передает подчеркивание в автографах. Даты указываются по старому стилю.

³ Примером могут послужить статьи В.В. Розанова «Памяти дорогого друга» (1896 г.) и «Константин Леонтьев и его “попечители”» (1910 г.), а из недавних исследований – монография историка-востоковеда К.А. Жукова (см.: Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. СПб.: Алетейя, 2006. 227 с. [2]).

⁴ См.: Лукомский В.[К.] К.А. Губастов // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 13 [3].

⁵ См., например: Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» / публ. В.Б. Хлебниковой // Славяноведение. 1997. № 5. С. 35–51 [4]; Красюков Р.Г. Константин Аркадьевич Губастов // Из истории Русского генеалогического общества: сб. статей и материалов. СПб.: Изд-во ВИРД, 2001. С. 74–77 [5]; Жуков К.А. Учебное отделение восточных

работа «Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов»⁶. Несколько работ, посвященных различным аспектам деятельности Губастова, было выпущено и автором этой статьи. Но все предпринятое можно назвать лишь первыми подступами к серьезным изысканиям, которых еще ждет целый пласт связанных с Губастовым архивных документов. Поскольку он остается в наши дни полузабытой фигурой, необходимо рассмотреть некоторые факты его биографии.

Константин Аркадьевич родился 24 апреля 1845 г. в тамбовском городке Елатьма (сейчас это поселок в Касимовском районе Рязанской области), где его отец служил окружным начальником. Дворянский род Губастовых можно отнести к разряду захудалых. Сам дипломат-историк признавался: «Ни обстоятельной родословной, ни достоверных сведений о моем роде, несмотря на мои занятия генеалогией, мне не удалось добыть» [9]. В XVI–XVII вв. это были «митрополичьи дворяне» на службе у ростовских владык, в эпоху Петра Великого Губастовы, служившие простыми солдатами, с трудом выбивались в сержанты. Мать будущего дипломата, Юлия Андреевна (урожд. Воеводская), была свояченицей липецкого уездного предводителя дворянства Михаила Ивановича Бартенева, старшего брата известного историка и издателя П.И. Бартенева, с которым позднее Губастов общался и переписывался. По совету М.И. Бартенева Константин был определен во Второй кадетский корпус, где в конце 1830-х учился и сам дядюшка. Из корпуса в 1863 г. он, по собственной просьбе, был выпущен «гражданским чином», однако «готовился ... поступить в Каргопольский Драгунский полк»⁷. Мать хотела видеть сына студентом университета, но тот понимал, что едва ли сможет туда поступить без знания классических языков. Другой вариант подсказал знакомый студент восточного факультета, сообщивший, что при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел существует Учебное отделение восточных языков. Юноша отрекомендовался директору департамента Н.П. Игнатьеву⁸, а затем, после усиленного изучения азов арабского языка и успешно сданного экзамена, был принят на учебу.

В это самое время Леонтьев служил чиновником Азиатского департамента, и это означает, что будущие друзья ходили по одному коридору, не зная друг друга. Уже в декабре 1863 г. Леонтьев отправился секретарем консульства

языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 60-е годы 19 века (по неопубликованным мемуарам К.А. Губастова) // Россия и арабский мир: Материалы конференции. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 92–93 [6]; Соколов А.С. Генеалогия Романовых как феномен эмигрантской историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Сер.: История и политические науки. 2025. № 1. С. 147–156 [7].

⁶ См.: Губастов К.А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов / публ. и коммент. Р.Г. Краснокузова. СПб.: Нестор-История, 2003. 196 с. [8].

⁷ См.: Губастов К.А. [Воспоминания] // Рукописный отдел Института русской литературы (далее сокращенно: ИРЛИ). Ф. 212. Ед. хр. 17. Л. 4 об.

⁸ Впоследствии много лет он будет служить под началом Игнатьева в Константинополе.

на Крит, в следующем году был переведен управлять консульством в Адрианополь. А Губастов, завершив образование, 1 января 1866 г. стал студентом (сейчас сказали бы: стажером) посольства в Константинополе, возглавляемого Игнатьевым. Здесь-то в конце декабря 1866 г. или в начале января 1867 г. он и познакомился с Леонтьевым, приехавшим в отпуск на четыре месяца из Адрианополя⁹.

Леонтьева, тогда переживавшего свой жизненный расцвет, сразу расположили к себе «любезность и веселонравие»¹⁰ молодого человека. В то же время ему нужен был не только веселый товарищ, но и чуткий слушатель, готовый часами внимать его рассказам и вдохновенным монологам¹¹, а именно таким и оказался новый приятель. Леонтьев быстро приобрел влияние на своего юного тезку, став для него наставником по всем вопросам, в то время главным образом по отысканию где только можно поэзии жизни.

Возвращение Леонтьева в Адрианополь не прервало их общения. «Тотчас же началась между нами переписка...» – вспоминал Губастов [10, с. 191]¹². Дружба еще больше укрепилась в следующий приезд Константина Николаевича, который произошел летом того же года, перед отправлением Леонтьева вице-консулом в Тульчу, на Нижний Дунай. После этого Губастов сменил Леонтьева в должности секретаря Адрианопольского консульства. С 1869 г. он тоже служил на Дунае, вице-консулом в Виддине (ныне Видин), но Леонтьев в это время

⁹ См.: Губастов К.А. Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г.: Лит. сб. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 188 [10]. Здесь указан 1867 г., более раннюю дату Губастов называет в письме к А.А. Александрову от 15 марта 1894 г. (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 1 [11]).

¹⁰ Эти качества находил в Губастове П.И. Бартенев (см.: Бартенев П.И. Воспоминания / публ. А.Д. Зайцева // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1994. С. 59 [12]). Ср.: в более позднем (1878 г.) письме к Леонтьеву драгомана посольства М.К. Ону читаем: «Губастов с его смехом обрадовал меня своим приездом» (см.: Отдел рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 17. Далее в тексте используется общепринятая по в более ранних источниках аббревиатура ГЛМ (см.: Ону М.К. Письма К.Н. Леонтьеву // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 198 [13]).

¹¹ Как раз в это время начали складываться историософские теории Леонтьева.

¹² Эта переписка, начинавшаяся как «игриво-серьезная» (см.: Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву 1867–1874 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 53 [14]), хорошо сохранилась, уничтожены были только более интимные письма Леонтьева 1867–1873 гг., правда развернутые выдержки из эпистол этого периода Губастов привел в своих воспоминаниях о друге. Губастов разрешил публикацию писем Леонтьева к нему в журнале «Русское обозрение» (1894–1897 гг.) (см. об этом: Медоваров М.В. Константин Леонтьев и его наследие в журнале «Русское обозрение» // Русско-Византийский вестник. 2022. № 4 (11). С. 129–141 [15]), но сам сделал большие купюры в рукописи, дополненные также сильным редакторским вмешательством: многие из упомянутых в письмах (часто невольно) лиц были еще живы, не стоило предавать печати и фрагменты, посвященные семейным обстоятельствам Леонтьева. Теперь эти послания изданы в полном виде в академическом Полном собрании сочинений и писем Леонтьева, завершено Пушкинским Домом в 2021 г. Ответные 110 писем Губастова хранятся в ГЛМ (Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 109–112) и РГАЛИ (Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 45) и будут опубликованы и сопровождаются научным комментарием в шестом томе серии Приложений к Полному собранию сочинений Леонтьева.

был уже далеко оттуда – в албанской Янине. В 1871 г. Губастов вернулся в Петербург, став делопроизводителем в Азиатском департаменте, но уже в следующем году получил назначение вторым секретарем посольства в Константинополе. Здесь он снова встречается с Леонтьевым, вернувшимся с Афона и вскоре вышедшим в отставку: «...он поселился на о. Халки и приезжал в город раза два, три в месяц, останавливаясь у меня» [10, с. 215]. Теперь их общение носит совсем другой характер, ведь Леонтьев пережил религиозное обращение и превратился в настоящего миссионера. В посольстве его даже прозвали «апостолом Константином»¹³.

Однако, несмотря на большую разницу в возрасте (14 лет), Губастов не был в отношениях со своим старшим другом лишь покорно внимающим учеником. Можно было бы привести множество примеров (и с годами таких случаев становилось все больше), когда именно он открывал и приобретал для Леонтьева неизвестные тому книжные и журнальные новинки, знакомство с которыми затем давало плоды в творчестве писателя и мыслителя. Причем это были не только западные источники. (С новейшими образчиками европейской философской мысли Губастов будет знакомить Леонтьева в 1880-е гг., во время своей службы в Вене.) Известно, например, что именно Губастов еще в Константинополе указал Константину Николаевичу на оказавшиеся важными для последнего работы Т.И. Филиппова по греко-болгарскому вопросу¹⁴. На глазах Губастова создавался самый известный труд Леонтьева – книга «Византизм и Славянство», а также его статьи о панславизме, «Афонские письма» и первые главы романа-эпопеи «Одиссей Полихрониадес». Леонтьев любил читать свои новые произведения друзьям, слышать их суждения, и можно предположить, что Губастов тут был несомненно самым первым слушателем. В конце мая 1874 г. они снова расстались: Леонтьев вернулся в Россию, чтобы уладить свои литературные дела и поселиться при монастыре.

4 ноября 1875 г. он писал другу: «От всей души желаю, чтобы Вы не оставляли дипломатии и Востока» [17, с. 387]. В это время Губастов – уже второй секретарь посольства, в Константинополе ему предстояло провести страшное время восстания софт, государственного переворота 1876 г., волнений перед началом русско-турецкой войны¹⁵, наконец, участвовать в спешной эвакуации в апреле 1877 г. Из эпистолярных обращений к Леонтьеву в этот период наиболее интересно письмо от 12 июня 1876 г. с краткой хроникой событий, из которой мы узнаем о том, что в Турции тогда всерьез обсуждалось намерение потребо-

¹³ См.: Губастов К.А. Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве. С. 233.

¹⁴ См. об этом: Леонтьев К.Н. Письма 1883–1887 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2020. Т. 12, кн. 1. С. 293 [16].

¹⁵ См. об этом: Фетисенко О.Л. «Константинопольский маскаралык» 1876–1877 годов в письмах и воспоминаниях К.А. Губастова // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 444–459 [18].

вать от России «восстановления независимости Кавказа и Крыма», а картина переворота (с поиском «миллионов» султана¹⁶ и с агитацией по кофейням) удивительно напоминала современные цветные революции.

В течение 9 месяцев 1877 г. Губастов «исправлял должность» секретаря миссии в Гааге, в январе–феврале 1878 г. находился в Петербурге, куда в это время приехал и Леонтьев, они на некоторое время поселились вместе в меблированных комнатах на Большой Морской, д. 27. В марте 1878 г. Губастов был назначен временно управляющим генеральным консульством в Константинополе, в 1879–1880 гг. – чиновником особых поручений Министерства иностранных дел при варшавском генерал-губернаторе П.Е. Коцебу. Здесь ему было поручено цензирование «Варшавского дневника». Именно Губастов пригласил Леонтьева в Варшаву в помощники новому редактору газеты, князю Н.Н. Голицыну. Этот краткий период был одним из самых счастливых и в жизни, и в литературной судьбе писателя. С назначением нового генерал-губернатора Губастов был отозван со своей должности, но в октябре 1881 г. получил завидный пост: был назначен консулом (до 1885 г.), а затем и генеральным консулом в Вене. Венские письма Губастова к Леонтьеву наиболее насыщены литературно-философскими сюжетами. Видно, что он следил за всеми литературными и философскими новинками, был завсегдатаем книжных магазинов. Всегда легко сходившийся с людьми, он сблизился и с русской колонией, и с университетскими профессорами (теснее всего со славянином и славистом В. Ягичем). Из Вены осенью 1891 г. он приехал в отпуск в Россию и в Сергиевом Посаде последний раз виделся с Леонтьевым (тогда уже монахом в тайном постриге), после чего начал в Петербурге выполнять его литературные поручения, но не успел получить ответа на свое письмо с рассказом об этом. 12 ноября монах Климент скончался.

В 1896 г. Губастов получил повышение: назначение вице-директором Азиатского департамента, но, поскольку возражал против взятого руководством Министерства курса на союз с Китаем, был в июле 1897 г. с этой должности переведен в почетную ссылку – министром-резидентом сначала при князе Черногорском Николае (1897–1900), затем при папе римском (1900–1904). С марта 1904 г. он – чрезвычайный посланник и полномочный министр при короле Сербском. Сам Губастов никогда не напрашивался ни на какие посты, не слишком заботился о своей карьере, принимал то, что предложат, крайне редко отказываясь от явно неподходящих предложений (вроде должности дипломатического агента в Тифлисе). Характеризуя Губастова как дипломата, современный историк отмечает: «...это был человек глубоких знаний, незаурядных способностей, умевший ясно выразить свою точку зрения, невзирая на то, что она могла быть приятна не всем высокопоставленным лицам» [4, с. 36].

¹⁶ Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву 1874–1877 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 17 [19].

Вершиной его карьеры стало назначение в 1906 г. товарищем министра иностранных дел¹⁷. Но в этой должности он пробыл недолго: в январе 1908 г. вышел в отставку по прошению на Высочайшее имя – «по домашним обстоятельствам», на самом же деле из-за несочувствия ведению внешней политики и нежелания участвовать в государственном управлении. Он словно предчувствовал близость гибели Империи, что после Цусимы и революции 1905 г. было и нетрудно.

Разнообразные дарования Константина Аркадьевича находили приложение далеко не только в служебной деятельности. Его страстью были генеалогические разыскания¹⁸ и нумизматика. Губастов был одним из инициаторов «Русского биографического словаря», участвовал в подготовке второго издания «Русской родословной книги» князя А.Б. Лобанова-Ростовского, в 1897 г. стал одним из основателей и разработчиков устава Русского генеалогического общества (в 1906–1914 гг. сменил графа С.Д. Шереметева на посту товарища председателя этого общества). В 1908 г. он стал членом Русского исторического общества, а в 1910–1914 гг. и его казначеем. Кроме того, он был членом Историко-родословного общества в Москве, Императорских Русского Военно-исторического и Русского Археологического обществ, Тамбовской ученой архивной комиссии, действительным членом Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III и членом-корреспондентом Императорского Общества любителей древней письменности.

Его статьи печатались в «Известиях Русского генеалогического общества», «Записках Нумизматического отделения Императорского Русского археологического общества», «Летописи Историко-родословного общества», а также в «Новом времени». 1895–1908 годами датирован упомянутый выше главный его исторический труд «Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов».

Выход в отставку дал Губастову больше досуга, и в декабре 1908 г. им был собран кружок памяти Леонтьева. Первым приглашенным оказался Б.В. Никольский, с которым Губастов познакомился через его тестя С.Н. Шубинского еще в 1890-х гг. Кружок, в который к 1911 г. входило около 20 человек, не имел устава, не собирал членских взносов, заседания были не официальными, причем Губастов шутил: «... в Петербурге нет *ничего* труднее как собрать несколько лиц вместе. Всегда найдется у каждого какая-нибудь помеха» [20, с. 258]¹⁹. Были в кружке люди, знавшие Леонтьева лично (сам устроитель, А.А. Александров,

¹⁷ Министром тогда стал А.П. Извольский, в прошлом стажировавшийся у Губастова в константинопольском консульстве.

¹⁸ Это нашло отражение и в его воспоминаниях: емкие биографические справки, указания на переплетения родов, даты жизни (порой с точностью до дня) и т.п.

¹⁹ Упоминания о сотрудничестве с Губастовым имеются в дневнике Никольского (см., например: Никольский Б.В. Дневник: в 2 т. / изд. подгот. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2: 1904–1918. С. 91 [21].

А.Н. Волжин, Ю.Н. Карцов, Е.Н. Погожев, писавший под псевдонимом «Евгений Поселянин», В.В. Розанов, С.Т. Филиппов, сын Т.И. Филиппова), и те, кто был привлечен книгами «русского византийца» (Б.В. Никольский, П.П. Перцов, Н.О. Лернер, А.М. Коноплянцев), петербуржцы и москвичи, убежденные монархисты и люди либеральных взглядов, «люди 20-го числа» (цензор А.А. Сидоров, чиновник Государственного контроля А.И. Маликов) и художники и поэты (В.В. Бородаевский). Подумывали об издании третьего тома сборника статей Леонтьева «Восток, Россия и Славянство» и целого собрания сочинений, но не встретили поддержки в Академии наук, куда обращались за помощью²⁰. Однако один замысел удался и стал достойным приношением к леонтьевскому юбилейному году²¹: выпущенный на пожертвования участников кружка «литературный сборник» «Памяти Константина Николаевича Леонтьева», изданный тиражом 2000 экземпляров в одной из лучших типографий Петербурга («Сириус»)²².

Мемуарный очерк Губастова о Леонтьеве с включением нескольких писем последнего является одним из украшений этого сборника. Губастов писал о своей дружбе с Леонтьевым: «Я ... знал его очень близко, любил его по-родственному, и он посвящал меня во все почти свои личные дела и тайны» [10, с. 225]. Но именно эта посвященность, считал он, и мешала дать читателю «духовный портрет» Леонтьева «в натуральную величину»²³, в очерке присутствует какая-то недосказанность.

Во второй половине 1910-х гг. Губастов писал воспоминания «за 40 лет дипломатической службы»²⁴, которые должны были выйти в издательстве «Огни», возглавляемом Е.А. Ляцким. Книга осталась незавершенной (последние по времени примечания и записи на полях относятся к 1918–1919 гг., а скончался Губастов 4 февраля 1919 г. в Царском (тогда – Детском) Селе). Рукопись и авторизованная машинопись хранятся в ИРЛИ в фонде издательства «Огни» (ф. 212, ед. хр. 17 и 18). В виде машинописи с авторской правкой представлена первая часть книги – семь больших глав, повествование в которых доведено до весны 1879 г.; вторая часть (рукопись в переплетенной тетради и отдельные листы машинописи) охватывает три периода – «Варшава и Вена» и «Азиатский департамент». Предполагалось, несомненно, и продолжение.

²⁰ См.: Письма К.А. Губастова к Б.В. Никольскому (1898, 1908–1911) / публ. О.Л. Фетисенко // Христианство и русская литература / отв. ред. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 264–265.

²¹ В 1911 г. исполнялось 80 лет со дня рождения и 20 лет со дня смерти Леонтьева.

²² См. об этом подробнее: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. С. 735–739 [22]; Фетисенко О.Л. К истории сборника «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (1911): несостоявшиеся авторы // Два века русской классики. 2024. № 1. С. 194–209 [23].

²³ См.: Губастов К.А. Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве. С. 224–225.

²⁴ Не ясно – название ли это (как полагал Р.Г. Красюков, с текстом мемуаров не знакомившийся) или, скорее, определение тематики; подобного заглавия в сохранившихся текстах нет, оно встречается в некрологе именно в том виде, как мы его и приводим (со строчной буквы).

Мемуары Губастова отличает взвешенность оценок и дотошность: постоянное подкрепление своих суждений ссылками на доступные ему русские и европейские источники (включая архивы посольств) или, напротив, опровержение пристрастных авторов воспоминаний (прежде всего, Ю.С. Карцова и барона А.Е. Врангеля). О себе и вообще о «частной жизни» мемуарист говорит крайне мало, но оставляет яркие запоминающиеся портреты своих современников разных поколений – от дипломатов еще несельеродевской школы до современных дипломатов-«чиновников», непременно прослеживая хоть несколькими штрихами весь их жизненный путь²⁵. Здесь имеется множество неизвестных из других источников сведений о крупных и второстепенных фигурах русской дипломатии, о зарубежных коллегам, о среде, окружавшей посольский персонал, дается анализ важнейших внешнеполитических событий, часты исторические экскурсы, объясняющие причины, приведшие к этим событиям.

В Пушкинском Доме имеется и небольшой личный архивный фонд Губастова (ф. 463, насчитывающий всего 47 единиц хранения) – это та самая коллекция писем, о которой говорит В.К. Лукомский в некрологе Губастову как о подаренной ему [3]. Среди корреспондентов, представленных в этой коллекции, – И.К. Айвазовский, князь Н.Н. Голицын, Б.М. Маркевич, А.И. Нелидов, барон Ф.Р. Остен-Сакен (дипломат и один из видных деятелей Императорского Географического общества), протоиерей М.Ф. Раевский, граф С.Д. Шереметев. Но это, конечно, далеко не все, что осталось от архива Губастова в широком смысле слова. Для историков особый интерес может представить его переписка с А.П. Барсуковым, по счастью сохранившаяся за некоторые годы как двусторонняя (РГБ), письма графу Н.П. Игнатьеву (ГАРФ), М.А. Хитрово и К.А. Скальковскому (ИРЛИ), А.С. Суворину (РГАЛИ)²⁶. Но поистине уникальный комплекс – это упомянутые выше 110 писем Леонтьеву за 1867–1891 гг. Это и дружеская переписка, и хроника дипломатической жизни. Письма содержат остроумные характеристики сослуживцев, политические наблюдения, цитаты из выходивших в Константинополе газет на разных языках, в том числе с упоминаниями о Леонтьеве.

Для литературоведов и историков философии большую ценность представляют отзывы о И.С. Тургеневе, Л.Н. Толстом, Вл.С. Соловьеве²⁷, Э. Ренане, М. Нор-

²⁵ Один из примеров (литературный портрет М.А. Хитрово – мужа С.П. Хитрово, «музы» Вл.С. Соловьева). См.: Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 137–141 [24].

²⁶ Ряд этих материалов включен в готовящийся к изданию посвященный Губастову том Приложений к академическому собранию сочинений Леонтьева.

²⁷ Начиная с бытовой зарисовки (рассказа о петербургской барыне, которая после одной из лекций Соловьева о Богочеловечестве говорит молодому знакомому: «...ах, этот Соловьев очень хорошо читает, жаль, что я его мало понимаю. Я хочу его пригласить обедать. Как Вы думаете, можно?» [19, л. 48 об.]) и заканчивая рассуждениями об ожидаемом переходе Соловьева в католичество.

дау. Отдельный сюжет переписки составляют попытки Губастова популяризировать имя Леонтьева в Европе – его переписка с виконтом Э.-М. де Вогюз²⁸ в тщетном ожидании рецензии на сборник «Восток, Россия и Славянство»²⁹ или «пропаганда» леонтьевских трудов в кругу венских славистов.

Разумеется, обсуждались в письмах повести, публицистика и критические труды Леонтьева, в том числе получившая впоследствии большую известность статья (фактически книга) о романах Толстого («Анализ, стиль и веяние»). Но этот сюжет, важный главным образом для леонтьеведения, оставим в стороне и обратимся к четко выделяющимся в корреспонденции другим тематическим линиям: отзывам о новейших произведениях писателей, которых потом назовут классиками, и размышлениям о восприятии русской литературы на Западе. Важнейшим именем, наиболее часто упоминаемым автором писем, является, разумеется, Л.Н. Толстой.

14 мая 1885 г. Губастов пишет из Вены: «Читали ли Вы последнее религиозное творение Гр<афа> Льва Толстого? Мне оно попало в немецком переводе: “In was besteht mein Glaube”. Он договаривается в нем до последней чепухи и нелепости, далее которой нельзя идти. Как друзья его не остановили печатать подобный сумбур? Жаль, что книга эта запрещена в России, и потому нельзя Вам или кому-нибудь из знающих, понимающих и любящих Православное Христианство образумить Графа Толстого и навести его на путь истинный» [19, л. 85]³⁰. Речь здесь идет о трактате «В чем моя вера?» (1882–1884 гг.), изданном в январе 1885 г. в Лейпциге (*Tolstoi Leo. Worin besteht mein Glaube? Aus dem russischen Manuskript übersetzt von Sophie Behr. Leipzig: Duncker und Humblot, 1885*). В России сочинение было запрещено сразу после публикации в 1884 г. отдельным изданием (тиражом 50 экземпляров). Леонтьев разговор не подхватил, он тогда был занят подготовкой второго тома своего «избранного» двухтомного собрания статей «Восток, Россия и Славянство». «Образумить» Толстого он будет пытаться устно – при их последней встрече в Оптиной пустыни в феврале 1890 г.³¹

Отголосок впечатлений от трактатов Толстого прозвучит в письме от 14 февраля 1887 г., когда Губастов будет советовать: «Шествуйте по примеру Гёте, а не Гр<афа> Льва Толстого, и не увлекайтесь разрешением вопросов, подобных: “Что теперь делать?”, “Что же наконец надобно” и т.п. Все эти вопросы решатся временем и ежедневно складывающимися событиями, которых ни один философ-социолог не направит, а потому писать на эти темы неблагоприятно» [19, л. 104]. Неприязнь к Толстому-моралисту звучит и в письме от 15 июля

²⁸ Все трое были друзьями в Константинополе в 1872–1874 гг. (Вогюз был тогда секретарем французского посольства).

²⁹ См. об этом: Фетисенко О.Л. «Нужно только выждать время»: К.Н. Леонтьев и Э.-М. де Вогюз // Русская литература. 2021. № 2. С. 87–92 [25].

³⁰ Название немецкого перевода воспроизведено неточно.

³¹ См.: Леонтьев К.Н. Письма 1888–1890 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. С. 418–419.

1889 г.: «Странная судьба великих современных русских умов – один увлекается Католическою идеею³², другой (Гр<аф> Толстой) сводит всё Христианство к самоотвержению, к “непротивлению злу”, полагая, что на этом можно построить жизнь полутора миллиардов людей, грызущихся не на живот, а на смерть между собою сотни, тысячи лет, если не все миллионы веков» [26].

Советуя эпистолярно возобновить знакомство с Вогиюэ, в июньском письме 1885 г. Губастов вспоминал его на шумевшую статью о Толстом³³ и ее последствия для европейского книжного рынка: «Vogüé, один из немногих писателей, который, если захочет, то в состоянии познакомить Францию, а через нее и всю Европу с Вашими оригинальными воззрениями. Он это уже доказал своею статьею о Гр<афе> Льве Толстом, которого едва знали в Европе полгода тому назад, а теперь, мне говорили венские книгопродавцы, только и раскупаются, что переводы “Войны и Мира” и “Анны Карениной” (прочие сочинения Гр<афа> Толстого тоже переводятся взапуски)» [19, л. 88 об.–89].

Действительно, в Берлине в 1885 г. были изданы первые переводы обоих романов на немецкий язык. Роман «Война и мир» в переводе Эрнста Штрэнге (бывшего домашнего учителя детей Толстого) вышел в четырех томах в издательстве А. Дойбнера (Berlin, 1885–1886)³⁴. Тогда же это издательство, основанное в 1882 г. специально для распространения русской литературы в Германии, выпустило и перевод повести «Казаки». «Анну Каренину» перевел В.-П. Графф (Berlin: Verlag Wilhelmi).

Закономерным образом новое обращение к толстовской теме появляется в переписке после прочтения «Крейцеровой сонаты», к которой закоренелый холостяк Губастов отнесся благосклоннее, чем к ранее прочтенным трактатам. 25 июля 1890 г. он вызывал друга на разговор о повести:

«Скажите мне Ваше мнение о “Крейцеровой Сонате”. В Европе критика отнеслась к ней неблагоприятно, даже с глумлением. Я же готов превозносить Толстого за основную идею “Сонаты” и сожалею лишь, что в ней встречаются грубые и цинические выражения.

Здесь небольшой круг русских продолжает неистово спорить по поводу “Сонаты”. Мне очень хочется знать мнение такого глубокого и тонкого ценителя (как художника, так и моралиста) – как Вы, мой дорогой» [26, л. 33 об.–34].

Однако оказалось, что Леонтьев в тот момент еще не был знаком с этим произведением. Он ответит, что о повести «слышал», а из дальнейших слов можно понять, что не будет спешить ее прочесть: «...Толстой надоел мне своей дурацкой “чистой” моралью» [1, с. 495] («чистой» здесь означает: автономной, исключаяющей происхождение нравственных идей от Бога-Творца).

³² Подразумевается Вл. Соловьев.

³³ Vogüé E.-M., de. Les écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï // Revue des deux Mondes. 1884. 15 Jul. P. 264–301 [27].

³⁴ В 1958 г. деятельность издательства возобновилась в Кельне.

11 августа Губастов передавал отзыв Вогюэ о том, что «среди французской молодежи» философия Толстого пользуется «наибольшим уважением». «Очень странно. Не правда ли?» – комментировал он это известие [26, л. 37]. А в письме от 29 ноября последовал рассказ о завоевании графом «венской публики»:

«Der Graf Leo Tolstoy beherrscht den ganzen Markt»³⁵, – сказал мне недавно Герольд³⁶, здешний крупный книгопродавец. Такой успех (с точки зрения коммерческой) имел разве только в последнее время Зола. Венская публика сравнительно читает немного, но и то Герольд уверяет – он не напасется достаточным запасом сочинений Толстого, чтобы удовлетворить всем требованиям. “Ein kolossaler Erfolg”³⁷ Куда не придешь всё только слышишь Tolstoy и видишь на столе того же Толстого. Среднюю немецкую публику он скорее пугает – как содержанием, так и формой, особенно цинизмом некоторых выражений (“Крейцерова Соната”, “Какова моя жизнь”³⁸), но философия Толстого нравится немцам» [26, л. 38 об.].

Эти живые отклики со ссылкой на конкретных лиц не потеряются в хорошо изученной панораме европейских отзывов о Толстом.

Имена Толстого и Тургенева объединяются в письме от 30 июля 1885 г., когда Губастов, преподавая совет делать уступки духу времени, припоминал литературный анекдот, почерпнутый из журнала «Русская старина»:

«Тургенев рассказывал³⁹, что когда “Война и Мир” был переведен на франц<узский> язык, то он взял у переводчицы (кн<ягини> Паскевич) 20 экзempl<яров> и развез их сам в Париже литературным знаменитостям (Dumas, Flaubert, De Camp, Taine, Zola и т. д.). Через месяц или два он опять совершил une tournée⁴⁰, чтобы собрать мнения о романе Толстого, и что же, восклицает Тургенев, кроме Тэна никто даже не собрался и прочитывать роман, и корифеи откровенно сказали ему, mais, mon cher Tourguéneff, comment voulez vous que nous employons notre temps à lire un roman en 4 volumes. C’est un anachronisme, le roman doit être lu en une matinée, ou en chemin de fer entre deux stations⁴¹. Ну вот и рассуждайте!» [19, л. 95–95 об.].

³⁵ Граф Лев Толстой владеет всем рынком (нем.).

³⁶ Фридрих Герольд младший (1842–1912) – венский книготорговец и книгоиздатель, владелец магазина на Штефенсплатц, размещавшегося там с 1877 г.; сын Фридриха Герольда старшего (1813–1886), младшего сына книготорговца и книгоиздателя Карла Герольда (1783–1854); правнук Йозефа Герольда (1750–1801), основавшего свое издательство в 1775 г.; в семейное дело был введен после кончины своего дяди Морица (1815–1884); совладельцем фирмы «Герольд и К^о» был с этого времени Герман Манц.

³⁷ Колоссальный успех! (нем.).

³⁸ В 1888 г. в Женеве М.К. Эллидин издал под таким названием трактат Толстого «Что же нам делать»; в 1889 г. вышло второе издание.

³⁹ Рус<ская> Старина. 1884. Не помню №. [Примеч. Губастова.]

⁴⁰ Здесь: объезд по кругу (фр.).

⁴¹ Но, мой дорогой Тургенев, как Вы хотите, чтобы мы занимали наше время чтением романа в четырех томах? Это анахронизм, роман должен читаться за одно утро, между двумя станциями железной дороги (фр.).

Губастов вспоминает прочтенную в «Русской старине» (не за 1884 г., как ему запомнилось, а за 1883 г.) запись рассказа Тургенева, сделанную издателем журнала, М.И. Семевским⁴². Упомянутый здесь перевод «Войны и мира» вышел в 1879 г. небольшим тиражом. Переводчицей романа Толстого выступила княгиня И.И. Паскевич. В «Русской старине» ее имя не было названо (значит, корреспондент Леонтьева был осведомлен об этом из других источников), из французских писателей (у Губастова перечислены по памяти А. Дюма-сын, Г. Флобер, М. дю Кан, И. Тэн и Э. Золя) в записи Семевского указаны только Флобер и Тэн. Леонтьев, разумеется, совету приспособляться к новейшим вкусам и писать модные романы-фельетоны не последовал. Конечно, автор письма мог предвидеть это заранее, потому что в других случаях сам неоднократно сетовал на упадок интереса современных людей к серьезному чтению. Да и слишком хорошо он знал своего друга, чтобы всерьез преподносить ему подобные советы.

Что касается Тургенева, его имя появляется в письмах Губастова значительно раньше, чем имя автора «Войны и мира», хотя, что любопытно, именно синхронно появлению этого романа. 16 мая 1867 г. молодой дипломат сообщал: «Вы знаете, что Тургенев написал новый роман “Дым”, который будет помещен в Рус<ском> Вестн<ике> (за 5000 будто его купил Катков!)» [14, л. 12 об.]⁴³. Губастов, конечно, знал от Леонтьева историю его знакомства с Тургеневым, был осведомлен о покровительстве, оказываемом начинающему писателю последним, а также об их размолвке в начале 1860-х гг. Важно здесь и упоминание о Каткове: как раз тогда Леонтьев начал помещать в «Русском вестнике» свои «восточные повести». Роман «Дым» ему не понравился, но этот вопрос не относится к предмету нашего исследования.

Через десять лет, в письме от 9 марта 1877 г., Губастов сопоставляет свои впечатления от романа «Новь» с только что прочтенной статьей писателя, философа и музыковеда, уроженца Эльзаса Эдуарда Шюре (1841–1929) «Творчество Шелли, английского поэта-пантеиста»⁴⁴ и приводит с небольшими пропусками фрагмент из нее, который, конечно, вспомнился ему неслучайно, а именно в связи с последним тургеневским произведением:

⁴² [Семевский М.И.] Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г. // Русская старина. 1883. Т. XL, Окт. С. 210–211 [28].

⁴³ Катков заплатил за рукопись «Дыма» высочайшую плату, и слухи об этом волновали общество, и, конечно, особенно литераторов. Так, И.И. Лажечников сетовал в письме к Ф.А. Кони от 18 апреля 1867 г.: «Конечно, я не писатель первой величины, но тем платят по 500 руб. за лист, как заплатил Катков Тургеневу за “Дым”, да еще сверх того автор получил с книгопродавцев за право печатания повести значительную сумму денег, что составит за повесть в 10 листов чуть не тысяч 6» (см.: Из портфеля старого журналиста. Письма И.И. Лажечникова к Ф.А. Кони / сообщ. А.Ф. Кони // Русский архив. 1912. Кн. 9. С. 145 [29]). Как видим, Губастов, и находясь на Босфоре, был в курсе происходящего в русской словесности.

⁴⁴ Shuré E. L'oeuvre de Schelley, poète Panthéiste de l'Angleterre // Revue des deux Mondes. 15 Févr. P. 745–779 [30].

«Автор, между прочим, говорит: “La théorie esthétique dominante de nos jours consiste à dire que l’art est le reflet de la société et l’artiste le fruit d’un milieu donné. Conformément à cette théorie, l’artiste ou le poète d’aujourd’hui se croit obligé d’être la photographie des misères, des sottises et des caricatures du présent. Il n’est pas de niaiserie, pas de turpitude qu’on ne s’ingénie à imiter et à encaiser; il n’est pas de *champignon malsain au vénéreux poussant sur les funges de la civilisation*, qui, soigneusement cueilli et disséqué à la loupe par ces anatomistes, ne leur procure un sourire de curiosité et de satisfaction”⁴⁵ и т. д. – Вот с какой точки зрения я осуждаю Тургенева, зачем он пустился в собирание наших росейских грибов? Quelle est donc l’incompréhensible fascination qui entraîne les auteurs d’aujourd’hui vers les milieux interlopes; on dirait, à voir l’empressement avec lequel la lumière est portée dans tous les bas – fonds de la société, que la vie honnête, la vie du mines – n’a plus de *dramas*?⁴⁶ – продолжает далее тот же умный француз» [19, л. 27].

Отнеся Тургенева – автора «Нови» – к разряду приверженцев натурализма, Губастов, однако, продолжает более комплиментарно, находит, что современные события в романе отражены верно, а в одном из героев даже находит сходство с их с Леонтьевым сослуживцем:

«Осудив Тургенева за выбор лиц и среды, я прибавлю, что, по моему мнению, воспроизвел он и то и другое мастерски – верно, без утрировки (кроме Фомушки и Фимушки) и картинно. Дидактические поучения в конце (в устах Паклина) – метки. Не могу я ему простить только упоминания о глистах⁴⁷. Об этом поэту абсолютно не следует говорить в романе, и в печати только допускается в медицинских сочинениях. Разве Каломейцев – не Александр Жадовский (вестовой)?⁴⁸ А Сипягины –

⁴⁵ «Господствующая в наши дни эстетическая теория гласит, что искусство – это отражение общества и художник – плод данной среды. В соответствии с этой теорией, нынешний художник или поэт считает себя обязанным быть фотографией страданий, глупостей и карикатур современности. Нет глупости, нет пошлости, которой мы не стремимся подражать и принимать; нет такого нездорового, *ядовитого шампиньона, растущего среди грибов цивилизации*, который, тщательно собранный и препарированный при помощи лупы этими анатомами, не вызывал бы у них улыбки любопытства и удовлетворения» (*фр.*). Курсив принадлежит Губастову. Цитата приведена в письме с небольшим сокращением; ср.: [30, р. 746].

⁴⁶ «Что за непостижимое одушевление влечет сегодняшних авторов к преступным кругам? Можно сказать, видя рвение, с каким свет доносится до всех низов общества: разве честная жизнь, жизнь рудников более не имеет драм?» (*фр.*) [30, р. 746].

⁴⁷ В главе XIX романа «Новь» описывается альбом, доставшийся Фомушке и Фимушке Субочевым от некой *m-me Barbe de Kabuline*. «На последней странице альбома стояли – вместо стихов – рецепты от желудка, спазмов и – увы! – даже от глистов» (см.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Соч.: в 12 т. Т. 9. М.: Наука, 1982. С. 240 [31]).

⁴⁸ Наиболее отрицательный персонаж тургеневского романа – Семен Петрович Каломейцев, петербургский чиновник, мнящий себя принадлежащим к высшему свету, а между тем происходивший «от простых огородников» (настоящая фамилия его предков: Коломенцевы). Говорил он преимущественно по-французски, убеждений придерживался ультраконсервативных и подчеркивал свою церковность (как он ее понимал). Губастову этот герой напомнил Александра Всеволодовича Жадовского (ок. 1833 – не ранее 1896), выпускника Александровского лицея, которого сослуживцы прозвали «вестовым» (солдатом, посылаемым с донесениями (вестями) к начальству).

как живо и верно схвачены? Наконец Маркеловская история – разве это не демонстрация 6 дек<абря> перед Казанским собором?⁴⁹ Марианна и Нежданов, желающие “опроститься” – разве не напоминают эту жидовку (кажется, Шефель?)⁵⁰, зашедшую в Казанский собор “посмотреть, как молятся Православные”, и мечтавшую дать русскому народу “Землю и волю”? Разве вся политическая демонстрация 6 дек<абря> не сделана была акушерками, поповичами, студентами и пр<очими> по приказанию “Василия Николаевича”? А русский народ, бивший, ввязавший и помогавший полиции 6 декабря, разве не так же разделался с Маркеловым? Вот почему я говорю, что Тургенев, раз путившись собирать грибы (чего он мог бы, конечно, и не делать, и даже во сто крат лучше было бы не заниматься этим) – сварил, однако, грибное блюдо очень хорошее, и я вкушал его с удовольствием, – хотя предпочел бы, разумеется, одинакового достоинства блюдо без грибов, приготовленное руками этого искусного повара» [19, л. 27–27 об.].

Далее в том же письме с тургеневскими «Записками охотника» сравниваются «прелестные рассказы»⁵¹ Захер Мазоха, опубликованные в *Revue des deux Mondes*, и по поводу корреспонденций русских газет опять к месту припоминается «Новь»: «Полюбуйтесь корреспонденциями, которые печатаются в наших газетах. Что это такое – бред пьяного корреспондента или содержание акта фантастической оперы, или мистификация и насмешка корреспондента над Редакцией (газ<ета> «Новости»)? Во всяком случае как же не сказать с Тургеневым про соотечественников наших: “о недомыслие!”» [19, л. 30 об.]⁵².

Как уже было сказано, Губастов неоднократно дарил Леонтьеву книги или приобретал их для него. Делал и выписки из любимого парижского журнала. Цитата из статьи Шюре – не единственная в своем роде. Так, в письме от 30 мая 1885 г. приведен фрагмент из статьи Поля Жане «Завещание одной философии»⁵³, которая, как полагал Губастов, могла пригодиться Леонтьеву в его «неустанной

⁴⁹ Один из героев «Нови», Сергей Михайлович Маркелов, шурин Сипягина, – революционер, пытавшийся поднять крестьян на восстание, но избитый ими и сданный властям. Губастов сравнивает его историю с демонстрацией 6 декабря 1876 г., к которой студенты-народники привлекли участников рабочих кружков (считается первой политической демонстрацией в России). Сопоставление основано на том, что в Петербурге задержать демонстрантов полиции активно помогли дворники и простые горожане, т. е. представители народа.

⁵⁰ Имеется в виду Фелиция (Фейга) Исааковна Шефель (в замуж. Белявская; ок. 1860 – не ранее конца 1890-х), участница демонстрации 6 декабря 1876 г., сосланная в Сибирь и в 1882 г. бежавшая за границу.

⁵¹ См.: Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1874–1877 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 29 об.

⁵² Отсылка к монологу Паклина в главе XXXVIII «Нови»: «...ведь мы, русские, какой народ? Мы всё ждем: вот, мол, придет что-нибудь или кто-нибудь – и разом нас излечит, все наши раны заживит. <...> Кто будет этот чародей? Дарвинизм? Деревня? Архип Перепентьев? Заграничная война? Что угодно! <...> Это всё – леность, вялость, недомыслие!» [31, с. 385].

⁵³ Janet P. Le Testament d'un philosophe: M. Vacherot et le nouveau spiritualisme // *Revue des deux Mondes*. 1885. 1 Juin. P. 550–583 [32]. Поль Александр Рене Жане (1823–1899) – французский философ, публицист, профессор Сорбонны (с 1862 г.). С небольшими сокращениями (ср.: [32, р. 582–583]) цитируется его развернутый отклик на книгу Этьена Вашро *Le nouveau spiritualisme* («Новый спиритуализм», Paris, 1884).

борьбе» и «проповеди ... против прогресса»⁵⁴. Собственно, эта выписка занимает собой почти все письмо:

«Дорогой Константин Николаевич,

Вот что пишет Paul Janet в последней книжке "Revue" (1 июня):

"L'idée de Dieu est aujourd'hui soumise à un assaut formidable, tel qu'on n'en a jamais vu dans l'histoire, parce que l'esprit humain et les sociétés humaines n'ont jamais joui d'une telle liberté. De là à croire que cette idée ira toujours en s'affaiblissant et finira par s'éteindre un jour tout à fait, il n'y a qu'un pas. C'est cependant, selon nous, une radieriale erreur. L'idée de Dieu, pendant des siècles, a été le patrimoine du pauvres, des humbles, du ignorans; c'étaient les gens d'esprit qui, par haine de la superstition, devenaient athées. Dès qu'on s'est aperçu qu'il y avait là une sorte d'aristocratie, et que c'était sortir du commun que de cesser de croire en Dieu, tout le monde a voulu être athée, comme tout le monde veut être bachelier. On ne peut dire jusqu'où ira ce mouvement de négation, mais il aura inévitablement son mouvement de retour. Ceux qui dans une société croyante étaient athées redeviendront théistes dans une société athée: ils recueilleront la succession des idées religieuses. Ils comprendront quelle plate philosophie, quelle plate société, quelle science plate inutile que celle qui n'a pas d'étoile. De même qui de les beaux-arts, la foule des naturalites encombrera les exposition vulgaires, tandis que quelques natures distinguées et hautes persisteront à garder le feu sacré des grand art; de même, tandis que la faule servile se précipitera vers le positivisme, le matérialisme, les penseurs élevés reviendront de la science à la métaphysique, et de la métaphysique à la philosophie divine, qui est la source de tout. Ce seront alors les gens d'esprit qui croiront en Dieu: mais le même loi d'imitation qui a faite descendre l'athéisme dans le foules y fera descendre également les idées religieuses épurées. C'est pourquoi nous ne craignons pas la liberté de penser. Nous désirons qu'elle épuise le plus tôt possible toute sa fougue, et qu'elle se dévore elle-même pour retourner à son principe sans lequel elle n'est rien"⁵⁵.

⁵⁴ См.: Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1874–1877 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 87 об.

⁵⁵ Идея Бога сегодня подчинена огромной силе, подобной которой никогда не было в истории, потому что человеческий дух и человеческие общества никогда не пользовались такой свободой. Остался всего один шаг до того, чтобы поверить в то, что эта идея всегда будет ослабевать и однажды вообще исчезнет. Однако, на наш взгляд, это серьезная ошибка. Идея Бога на протяжении веков была достоянием бедных, смиренных, невежественных; были умные люди, которые из ненависти к суевериям стали атеистами. Как только поняли, что в этом есть своего рода аристократизм и что перестать верить в Бога – это что-то из ряда вон выходящее, все захотели быть атеистами, так же как каждый хочет быть выпускником школы. Мы не можем сказать, как далеко пойдет это движение отрицания, но оно неизбежно будет иметь свое обратное движение. Те, кто в верующем обществе были атеистами, в атеистическом обществе снова станут теистами: они будут воссоздавать преемственность религиозных идей. Они поймут: что это за плоская философия, что за плоское общество, что за плоская бесполезная наука, у которой нет звезды. Точно так же, как и в изящных искусствах, толпа натуралистов будет загромождать пошлые выставки, в то время как несколько благородных и высоких натур будут упорно охранять священный огонь великого искусства; точно так же, в то время как рабские пороки устремятся к позитивизму, материализму, возвышенные мыслители вернуться от науки к метафизике, а от метафизики к божественной философии, которая является источником всего. Тогда умные люди будут верить в Бога; но тот же закон подражания, который принес атеизм в толпу, принесет туда и чистые религиозные идеи. Вот почему мы не боимся свободы мысли. Мы хотим, чтобы она как можно скорее исчерпала весь свой

Хотя это не совсем православно, но очень метко и картинно представлено» [19, л. 86–87].

В статьях Леонтьева ссылок на эту или другие работы П. Жане не встречается, но можно предположить, что присланный фрагмент присоединился к его собственным наблюдениям (по книгам) о «возвратном движении» к религии в современном европейском обществе (мысли об этом звучат в его письмах и статьях последних лет). В постскриптуме к своему письму Губастов рекомендовал Леонтьеву еще одну статью из «Revue des deux Mondes» – «Разочарования либерализма» Анатоля Леруа-Больё (1842–1912) из цикла «Политические и религиозные этюды»⁵⁶. При этом прослеживалась переключка ее с леонтьевскими теориями. Таким образом, труды своего друга Губастов прямо вписывал в актуальный европейский контекст:

«Очень рекомендую Вам другую статью в Revue (15 мая) Leroy-Beaulieu – “Les mécomptes du libéralisme”.

Некоторые страницы – точно писаны под Вашу диктовку. Великий Вы предвещатель!.. Рекомендуйте эту статью молодежи. Очень им будет полезна» [19, л. 87 об.]⁵⁷.

В статье Леруа-Больё, которого историки философии обычно вспоминают в связи не с Леонтьевым, а с Вл. Соловьевым, действительно можно найти мысли, сходные с леонтьевскими (из статьи «Чем и как либерализм наш вреден?» (1880 г.) и других его работ). Это суждения о наивности упований либерализма только на разум и на «писанный закон», о желании либералов переделать весь мир по своим лекалам, о том, что «демократическое избрание» не означает отбор лучших. Первую причину «разочарований» либерализма автор видел в невозможности подчинить «сложный и подвижный мир политики абсолютным выводам абстрактного разума»⁵⁸. Жизнь показала, что «в массах потребность в свободе <...> оказалась слабее, чем вкус к равенству, льстящий менее благородным»⁵⁹. Двусмысленным стало само название либерализма, потому что «понятие свободы было ослаблено или изуродовано»: «либерал не всегда означал друга свободы»⁶⁰. Но бессильным оказался либерализм и в других сферах – в решении

пыл и поглотила себя, чтобы вернуться к своему принципу, без которого она ничто (*фр.*). Последняя фраза весьма близка леонтьевской концепции «точки насыщения», до которой должно дойти каждое явление, чтобы затем могло начаться нечто новое.

⁵⁶ Leroy-Beaulieu A. Études politiques et religieuses. Les mécomptes du libéralisme // Revue des deux Mondes. 1885. 15 Mai. P. 421–450 [33]. Напомним, что Вл. Соловьев был знаком с этим французским критиком.

⁵⁷ «Молодежь» – ученики Леонтьева из сложившегося вокруг него в Москве в 1884 г. кружка «гептастилистов» (см: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с. [22]).

⁵⁸ См.: Vogüé E.-M., de. Les Écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï // Revue des deux Mondes. 1884. 15 Juil. P. 425 (здесь и далее пер. с фр.)

⁵⁹ Там же. P. 426.

⁶⁰ Там же. P. 427.

национального вопроса, в религиозных вопросах, в экономике. Леруа-Больё предрекал Европе новые революции, если она не сможет примирить демократию и свободу. Неожиданный вывод делается в конце статьи: «Сам триумф демократии делает либерализм более необходимым», потому что иначе демократия «принесла бы нам самый невежественный и жестокий деспотизм, который когда-либо видел мир»⁶¹. И это тоже отчасти перекликается с идеями Леонтьева о социализме как «грядущем рабстве», «феодализме будущего». И, следует отметить, он действительно оказался «предвещателем», значительно опередив современников в своих прогнозах.

По-видимому, из статьи Леруа-Больё Губастов тоже сделал выписку, но она не сохранилась. Леонтьев откликнулся так: «Я очень был тронут ... трудом, который Вы взяли на себя, сделать выписку из Леруа-Больё. – Правду-то он пишет, правду – только уж слишком всё нежно и слабовато он всегда выражается; вот что мне в нем не нравится» [16, с. 104]. Если второй выписки не существовало, могло оказаться, что Леонтьев принял фрагмент из статьи Жане за текст Леруа-Больё. Скорее, все-таки отзыв явно относится к нему, а не к размышлениям Жане о возврате к вере. В более раннем письме Леонтьева к Т.И. Филиппову (от 10–14 февраля 1883 г.) говорится о намерении послать Леруа-Больё статьи по Восточному вопросу (вероятно, речь идет о цикле «Письма о Восточных делах», печатавшемся в «Гражданине») «с анонимным письмом», «пусть гневается»⁶². После этого адрес французского писателя, интересующегося Россией, прислала Леонтьеву О.А. Новикова⁶³, которая, пусть и в меньшей степени, чем Губастов, была для философа еще одним связующим звеном с современной европейской культурой⁶⁴.

Как видим, в переписке Губастова с Леонтьевым обращение к русской литературе почти всегда происходит с оглядкой на европейский контекст. Его интересуют, как лучшие произведения отечественной словесности воспринимаются за рубежом и – даже – успешно ли продаются переводы. Он отмечает случаи идейного родства разноязычных писателей, но затрагивает также и еще одну важную проблему – переводимости/непереводимости художественных текстов. Примером непереводимости послужило для него творчество украинско-русской писательницы, кстати, высоко ценимой и Леонтьевым, – Кохановской (Надежды Степановны Соханской (1823–1884)). Губастов уже нашел переводчицу для одной из лучших ее повестей («Из провинциальной галереи портретов», 1859 г.), но остановился, передумал, поняв, что в переводе произведение «потеряет всю свою прелесть»⁶⁵, а на упрек Леонтьева Вогюэ (за то, что тот «не отыскал»,

⁶¹ См.: Vogüé E.-M., de. Les Écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï. P. 450.

⁶² См.: Леонтьев К.Н. Письма 1883–1887 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. С. 29.

⁶³ Там же. С. 460.

⁶⁴ О ее взаимоотношениях с Леонтьевым см. подробнее: Фетисенко О.Л. Ольга Алексеевна Новикова как собеседница И.С. Аксакова и К.Н. Леонтьева // Философский полилог. 2023. № 1. С. 106–117 [34].

⁶⁵ См.: Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1874–1877 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 93 об.].

т.е. не открыл для Европы Кохановскую⁶⁶; сам Леонтьев ставил ее выше Тургенева и в уровень Толстого) резонно отвечал:

«...замечу в ответ на Ваш упрек Вогюэ, что он не познакомил европейскую публику с Кохановскою – он положительно не мог бы этого сделать. Вся прелесть Кохановской в удивительной оригинальной форме и в необыкновенной выразительности и оригинальности речи, а потому рассказы ее абсолютно непереводимы, скажу более, их просто даже вслух читать трудно или нужно быть изумительным чтецом, до того неожиданны переходы у нее и оригинально всё строение фразы. Как же при этом условии может передать Вогюэ испытываемое им (и нами) – допустив, что как эстетик он понял и оценил прелесть рассказов Кохановской – наслаждение публике, которая никогда не познакомится с самим произведением восхваляемого автора» [19, л. 94–94 об.].

Все приведенные фрагменты эпистол Губастова как нельзя лучше показывают образованность, начитанность и тонкий вкус русского дипломата. Он действительно был прекрасным собеседником для Леонтьева, а современным читателям и исследователям его письма, с которыми скоро появится возможность познакомиться в полном виде, могут дать новый богатый материал для познания культуры и истории позапрошлого столетия.

Список литературы

1. Леонтьев К.Н. Письма 1888–1890 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 12. Кн. 2 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2020. 990 с.
2. Жуков К.А. Восточный вопрос в историсофской концепции К.Н. Леонтьева. СПб.: Алетейя, 2006. 227 с.
3. Лукомский В.[К.] К.А. Губастов // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 13.
4. Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» / публ. В.Б. Хлебниковой // Славяноведение. 1997. № 5. С. 35–51.
5. Красюков Р.Г. Константин Аркадьевич Губастов // Из истории Русского генеалогического общества: сб. статей и материалов. СПб.: Изд-во ВИРД, 2001. С. 74–77.
6. Жуков К.А. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 60-е годы 19 века (по неопубликованным мемуарам К.А. Губастова) // Россия и арабский мир: материалы конф. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 92–93.
7. Соколов А.С. Генеалогия Романовых как феномен эмигрантской историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Сер. История и политические науки. 2025. № 1. С. 147–156.
8. Губастов К.А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов / публ. и коммент. Р.Г. Красюкова. СПб.: Нестор-История, 2003. 196 с.
9. Губастов К.А. [Воспоминания] // РО ИРЛИ. Ф. 212. Ед. хр. 17.
10. Губастов К.А. Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г.: лит. сб. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 185–234.
11. Губастов К.А. Письмо А.А. Александрову, 15 марта 1894 г. // РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 120.

⁶⁶ См.: Леонтьев К.Н. Письма 1883–1887 гг. С. 116.

12. Бартенева П.И. Воспоминания / публ. А.Д. Зайцева // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1994. С. 47–105.
13. Ону М.К. Письма К.Н. Леонтьеву // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 198.
14. Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1867–1874 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 109.
15. Медоваров М.В. Константин Леонтьев и его наследие в журнале «Русское обозрение» // Русско-Византийский вестник. 2022. № 4(11). С. 129–141.
16. Леонтьев К.Н. Письма 1883–1887 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 12. Кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2020. 768 с.
17. Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 11. Кн. 1: Письма 1853–1875 гг. / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2018. 856 с.
18. Фетисенко О.Л. «Константинопольский маскаральк» 1876–1877 годов в письмах и воспоминаниях К.А. Губастова // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 444–459.
19. Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1874–1877 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110.
20. Письма К.А. Губастова к Б.В. Никольскому (1898, 1908–1911) / публ. О.Л. Фетисенко // Христианство и русская литература / отв. ред. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 444–459.
21. Никольский Б.В. Дневник: в 2 т. Т. 2: 1904–1918 / изд. подгот. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 652 с.
22. Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.
23. Фетисенко О.Л. К истории сборника «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (1911): несостоявшиеся авторы // Два века русской классики. 2024. № 1. С. 194–209.
24. Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 97–146.
25. Фетисенко О.Л. «Нужно только выждать время»: К.Н. Леонтьев и Э.-М. де Вогиоэ // Русская литература. 2021. № 2. С. 87–92.
26. Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1887–1891 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 112.
27. Vogüé E.-M., de. Les Écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï // Revue des deux Mondes. 1884. 15 Juil. P. 264–301.
28. [Семевский М.И.] Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в Санкт-Петербурге 4-го марта 1880 г. // Русская старина. 1883. Т. XL. Окт. С. 210–211.
29. Из портфеля старого журналиста. Письма И.И. Лажечникова к Ф.А. Кони / сообщ. А.Ф. Кони // Русский архив. 1912. Кн. 9. С. 141–151.
30. Shuré E. L'oeuvre de Schelley, poète Panthéiste de l'Angleterre // Revue des deux Mondes. 15 Févr. P. 745–779.
31. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Соч.: в 12 т. Т. 9. М.: Наука, 1982. 578 с.
32. Janet P. Le Testament d'un philosophe: M. Vacherot et le nouveau spiritualisme // Revue des deux Mondes. 1885. 1 Juin. P. 550–583.
33. Leroi-Beaulieu A. Études politiques et religieuses. Les mécomptes du libéralisme // Revue des deux Mondes. 1885. 15 Mai. P. 421–450.
34. Фетисенко О.Л. Ольга Алексеевна Новикова как собеседница И.С. Аксакова и К.Н. Леонтьева // Философский полилог. 2023. № 1. С. 106–117.

References

(Sources)

Collected Works

1. Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 11, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 11, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 856 p.

2. Leont'ev, K.N. Pis'ma 1883–1887 gg. [Letters of 1883–1887], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 12, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 12, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2020. 768 p.
3. Leont'ev, K.N. Pis'ma 1888–1890 gg. [Letters of 1888–1890], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 12, kn. 2* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 12, book 2]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2020. 990 p.
4. Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 t.* [Complete works and letters in 30 vols.], in *Sochineniya v 12 t., t. 9* [Works in 12 vols., vol. 9]. Moscow: Nauka, 1982. 578 p.

Individual Works

5. Gubastov, K.A. *Genealogicheskie svedeniya o russkikh dvoryanskikh rodakh, proisshedshikh ot vnebrachnykh soyuzov* [Genealogical information about Russian noble families that originated from extramarital relations]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2003. 196 p.
6. Gubastov, K.A. Pis'ma K.N. Leont'evu. 1867–1874 gg. [Letters to K.N. Leontiev. 1867–1874], in *State Museum of the history of Russian literature*. Collection 196, inventory 1, document 109.
7. Gubastov, K.A. Pis'ma K.N. Leont'evu. 1874–1877 gg. [Letters to K.N. Leontiev 1874–1877], in *State Museum of the history of Russian literature*. Collection 196, inventory 1, document 110.
8. Gubastov, K.A. Pis'ma K.N. Leont'evu. 1887–1891 gg. [Letters to K.N. Leontiev], in *State Museum of the history of Russian literature*. Collection 196, inventory 1, document 112.
9. Gubastov, K.A. Pismo A.A. Aleksandrovu, 15 marta 1894 g. [Letter to A.A. Aleksandrov. March 15, 1894], in *Russian state archive of the art and literature*. Collection 290, inventory 1, document 120.
10. Gubastov, K.A. Vospominaniya [Memoires], in *Institute of Russian literature* (Pushkinsky Dom). Collection 212, document 17.
11. Nikol'skiy, B.V. *Dnevnik v 2 t., t. 2: 1904–1918* [Diary in 2 vols., vol. 2]. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2015. 652 p.
12. Onu, M.K. Pisma K.N. Leont'evu [Letters to K.N. Leontiev], in *State Museum of the history of Russian literature*. Collection 196, inventory 1, document 198.

(Articles from Scientific Journals)

13. Fetisenko, O.L. K istorii sbornika «Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva» (1911): nesostoyavshiesya avtory [On the history of the collection “In memory of K.N. Leontiev” (1911): failed authors], in *Dva veka russkoy klassiki*, 2024, no. 1, pp. 194–209.
14. Fetisenko, O.L. «Konstantinopol'skiy maskaralyk» 1876–1877 godov v pis'makh i vospominaniyakh K.A. Gubastova [“Constantinople Maskaralyk” in the letters and memoires by K.A. Gubastov], in *Tetrady po konservatizmu*, 2020, no. 3, pp. 444–459.
15. Fetisenko, O.L. «Nuzhno tol'ko vyzhdet' vremya»: K.N. Leont'ev i E.-M. de Vogye [“We need to let the time take its course”: K.N. Leontiev and E.-M. de Vogüé], in *Russkaya literatura*, 2021, no. 2, pp. 87–92.
16. Fetisenko, O.L. Ol'ga Alekseevna Novikova kak sobesednitsa I.S. Aksakova i K.N. Leont'eva [Olga Alekseevna Novikova as an interlocutor of I.S. Aksakov and K.N. Leontiev], in *Filosofskiy polilog*, 2023, no. 1, pp. 106–117.
17. Janet, P. Le Testament d'un philosophe: M. Vacherot et le nouveau spiritualisme, in *Revue des deux Mondes*, 1885, 1 Juin, pp. 550–583.
18. Khlebnikova, V.B. (ed.) Rossiyskiy diplomat K.A. Gubastov i ego sluzhebnyaya zapiska «Chernogoriya. 1860–1900 gg.» [Russian diplomat K.A. Gubastov and his memo “Montenegro. 1860–1900”], in *Slavyanovedeniye*, 1997, no. 5, pp. 35–51.
19. [Koni, A.F. (ed.)] Iz portfelya starogo zhurnalista. Pis'ma I.I. Lazhechnikova k F.A. Koni [From the portfolio of the old journalist. Letters from I.I. Lazhechnikov to F.A. Koni], in *Russkiy arkhiv*, 1912, book 9, pp. 141–151.
20. Leroi-Beaulieu, A. Études politiques et religieuses. Les mécomptes du libéralisme, in *Revue des deux Mondes*, 1885, 15 Mai, pp. 421–450.

21. Lukomskiy, V.[K.] K.A. Gubastov, in *Vestnik literatury*, 1919, no. 5, p. 13.
22. Medovarov, M.V. Konstantin Leont'ev i ego nasledie v zhurnale «Russkoe obozrenie» [Konstantin Leontiev and his heritage in the journal “Russian Review”], in *Russko-Vizantiyskiy vestnik*, 2022, no. 4(11), pp. 129–141.
23. [Semevskiy, M.I.] Ivan Sergeevich Turgenev na vecherney besede v S.-Peterburge 4-go marta 1880 g. [Ivan Sergeevich Turgenev at an evening conversation in St. Petersburg on 4 March 1880], in *Russkaya starina*, 1883, vol. XL, octobre, pp. 210–211.
24. Shuré, E. L'oeuvre de Schelley, poète Panthéiste de l'Angleterre, in *Revue des deux Mondes*, 15 Févr., 1876, pp. 745–779.
25. Sokolov, A.S. Genealogiya Romanovykh kak fenomen emigrantskoy istoriografii [Romanov Genealogy as a Phenomenon of Emigrant Historiography], in *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya History and Politic Sciences*, 2025, no. 1, pp. 147–156.
26. Vogüé, E.-M., de. Les écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï, in *Revue des deux Mondes*, 1884, 15 Juil, pp. 264–301.

(Proceeding and Collections Researcher Papers)

27. Bartenev, P. I. Vospominaniya [Memoires], in *Rossiyskiy arkhiv. Al'manakh* [Russian archive. Almanac]. Moscow: Studiya TRITE; Rossiyskiy Arkhiv, 1994, pp. 47–105.
28. Fetisenko, O.L. Epizody iz zhizni konsula (K.N. Leont'ev i M.A. Khitrovo) [Episodes from the consul's life (K.N. Leontiev and M.A. Khitrovo)], in *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god* [Yearbook of the Manuscript Department of Pushkin House for 2013]. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2014, pp. 97–146.
29. [Fetisenko, O.L. (ed.)] Pis'ma K.A. Gubastova k B.V. Nikol'skomu (1898, 1908–1911) [Letters from K.A. Gubastov to B.V. Nikol'skiy], in *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. Saint-Petersburg: Nauka, 2012, vol. 7, pp. 444–459.
30. Gubastov, K.A. Iz lichnykh vospominaniy o K.N. Leont'eva [From personal memoirs about K.N. Leontiev], in *Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. Literaturnyy sbornik* [In memory of K.N. Leontiev. Literary collection]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Sirius», 1911, pp. 185–234.
31. Krasnyukov, R.G. Konstantin Arkad'yevich Gubastov, in *Sbornik statey i materialov «Iz istorii Russkogo genealogicheskogo obshchestva»* [Collection of Articles and Materials “From the History of Russian Genealogical Society”]. Saint-Petersburg: VIRD, 2001, pp. 74–77.
32. Zhukov, K.A. Uchebnoe otdelenie vostochnykh yazykov pri Aziatskom departamente Ministerstva inostrannykh del v 60-e gody 19 veka (po neopublikovannym memuarom K.A. Gubastova) [The Department of Oriental Languages Studies at the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs in the 1860s (based on unpublished memoirs by K.A. Gubastov)], in *Materialy konferentsii «Rossiya i arabskiy mir»* [Proceedings of the conference “Russia and Arabian world”]. Saint-Petersburg: SPbGU, 2010, pp. 92–93.

(Monographs)

33. Fetisenko, O.L. «Geptastilisty»: Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki [“Heptastylists”: Konstantin Leontiev, his interlocutors and disciples]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2012. 784 p.
34. Zhukov, K.A. *Vostochnyy vopros v istoriosofskoy kontseptsii K.N. Leont'eva* [The Eastern question in the historiosophical concept of K.N. Leontiev]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2006. 227 p.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

УДК 1:008(051)
ББК 87.3:85.00(2)

Андрей Борисович Бочаров

Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: bocharov-ab@tanepa.ru

**«Россия и Европа» Н.Я. Данилевского в контексте
интерпретационно-дискурсивных практик:
от текста в культуре к тексту культуры**
[Рец. на:] Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история
и современность / отв. ред. В.В. Сидорин.
М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 216 с.

Аннотация. Предлагаются размышления, инициированные прочтением коллективной монографии «Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность», историографической основой которой стали тексты отечественных исследователей, специализирующихся в предметной области современного гуманитарного знания, центрированного интересом к русской культуре, философии, в частности к философскому наследию Н.Я. Данилевского. Отмечается, что методологическую основу монографии составляют интеллектуальные и нарративные стратегии, лежащие в плоскости историософии, цивилизационной компаративистики, герменевтики и культурологии. В качестве рабочей гипотезы предлагается тезис о эвристической плодотворности и эпистемологической ценности анализа «России и Европы» Н.Я. Данилевского как метатекста, одного из больших текстов русской философии, проделавшего эволюцию от текста в культуре к тексту культуры. Это позволяет увидеть «Россию и Европу» не только как текст, аккумулирующий традиционные интерпретационные стратегии («старые смыслы»), но и как текст, генерирующий современные прочтения («новые смыслы»). Это дает основание рассматривать «Россию и Европу» не только как один из текстов, составивших канон русской философии, но и как текст, ценностно созвучный дню сегодняшнему, что открывает перспективу для его дальнейшего изучения и истолкования.

Ключевые слова: цивилизация, культура, генезис, типология, историософия, культурно-исторический тип, историческая герменевтика, цивилизационная компаративистика, текст, гипертекст, метатекст, интертекстуальность

Andrey Borisovich Bocharov

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Sciences, Russia, St. Petersburg, e-mail: bocharov-ab@ranepa.ru

“Russia and Europe” by N.Y. Danilevsky in the Context of Interpretive and Discursive Practices:

From the Text in Culture to the Text of Culture

[Review of:] *The Creative Legacy of N.Y. Danilevsky:*

History and Modernity / ed. by V.V. Sidorin.

Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2024. 216 p.

Abstract. This article presents reflections prompted by a reading of the collective monograph “The Creative Legacy of N.Y. Danilevsky: History and Modernity”. The historiographical basis of the work comprises texts by Russian researchers specializing in the subject area of contemporary humanitarian knowledge, centered on an interest in Russian culture and philosophy, particularly the philosophical legacy of N.Y. Danilevsky. Its methodological foundation consists of intellectual and narrative strategies situated within the fields of historiosophy, comparative civilizational studies, hermeneutics, and cultural studies. As a working hypothesis, the thesis is proposed regarding the heuristic fruitfulness and epistemological value of analyzing Danilevsky’s “Russia and Europe” as a metatext – one of the great texts of Russian philosophy that has evolved from a text in culture to a text of culture. This approach allows us to view Russia and Europe not only as a text that accumulates traditional interpretative strategies (“old meanings”), but also as a text that generates modern readings (“new meanings”). This provides grounds for considering “Russia and Europe” not merely as one of the texts that constitute the canon of Russian philosophy, but as a text whose value resonates with the present day, thereby opening prospects for its further study and interpretation.

Key words: civilization, culture, genesis, typology, historiosophy, cultural-historical type, historical hermeneutics, civilizational comparative studies, text, hypertext, metatext, intertextuality

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.151-159

...Я знаю, что поеду лишь на кладбище,
но на самое, на самое дорогое кладбище...
Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними
гласит о такой горячей минувшей жизни, такой страстной вере
в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу
и в свою науку, что, знаю заранее, паду на землю
и буду целовать эти камни и плакать над ними.
Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»

Не Шекспир главное, а примечание к нему.
А.П. Чехов (записные книжки)

В качестве преамбулы поставим вопрос: есть ли в русской философии од-
нозначные примеры гипертекстов и метатекстов, подобных тем, что есть в рус-
ской литературе? Так, «краеугольный текст» русской литературы – пушкинский

«Евгений Онегин» – являет пример метатекста в «чистом, беспримесном виде» по количеству цитат, вошедших в массовое сознание, интерпретаций и комментариев: от В.В. Набокова до Ю.М. Лотмана. Диалогия И. Ильфа и В. Петрова – «краеугольный текст» советской литературы, ставший библией советского интеллигента, также, бесспорно, метатекст. В указанном значении русская философия пребывает в тени русской литературы. Лишь «Бесконечный тупик» Д.М. Галковского по формальным критериям представляет пример гипертекста, составленного из 949 фрагментов-примечаний на основе рекурсии, осуществленной на возвращении/обращении к темам и лицам русской философии, в частности к В.В. Розанову. Сложнее определить с тем, какие тексты обрели статус действительного метатекста, обратившись в главный(ые) текст(ы?) русской философии по количеству и качеству обращений к нему/им в виде интерпретаций и комментариев. Ведь метатекст – это еще и текст, проделавший эволюцию от просто *текста в культуре* до *культурного текста*, т.е. текста, укорененного генеалогией и историей в прошлом, а интертекстуальностью (прямыми цитатами и скрытыми аллюзиями) – в настоящем.

И это недосужие размышления, а мысли, ставшие следствием прочтения коллективной монографии «Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность». Из аннотации, предваряющей чтение книги, можно узнать, что «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского «представляет собой одну из самых стереотипно воспринимаемых книг в истории русской мысли» и «что мы на самом деле не так уж хорошо знаем тот *метатекст* (курсив мой. – А.Б.), в рамках которого и было создано это произведение»¹. Аннотация действительно, что называется, *зацепила*, но тем, что термин метатекст в ней узурпировал семантически-законное место контекста. Вероятно, корректней было бы сказать, что мы недостаточно знаем философский и культурный контекст, в рамках которого было создано это произведение, что мешает нам рассмотреть «Россию и Европу» как метатекст. Впрочем, объективности ради следует заметить, что в последнем абзаце термин «контекст» по значению занял свое законное место. Однако если допустить, что это не случайная оговорка, а проговариваемое бессознательное, подспудно лелеемое желание не только редактора, но и всего авторского коллектива, то это влечет смену оптики анализа. Иными словами, позволяет взглянуть на главный труд Н.Я. Данилевского в другом ракурсе, в ракурсе анализа его как метатекста – одного из главных текстов русской философии, аккумулирующего как традиционные интерпретации, так и генерирующего новые. Последнее означает, что корпус классических текстов русской философии, составивших ее канон, сравним с «золотой полкой» русской литературы по наличию в ней своих главных текстов или метатекстов.

¹ См.: Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 2 [1].

Монография «Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность» имеет свою, пусть и не столь долгую историю. В 2022 г., когда отмечалось 200-летие со дня рождения Н.Я. Данилевского, в России прошли несколько конференций, посвященных этому юбилею: «Актуальность идей Н.Я. Данилевского: истоки, контексты, перспективы» в рамках Девярых международных чтений по истории русской философии «Цивилизационные проекты славянофилов: беседы поверх времени» (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.); «Запад – Восток: Н.Я. Данилевский и сохранение культурной идентичности России (к 200-летию со дня рождения Н.Я. Данилевского)» (Орел, 6–7 октября 2022 г.)². 15 марта 2022 г. в Институте философии РАН состоялся круглый стол «Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность», первоначально опубликованный в журнале «Философский полилог»³. Организаторы круглого стола обратились к докладчикам с предложением представить развернутые тексты выступлений для публикации в виде отдельной книги. Подготовка издания затянулась, и коллективная монография вышла уже в 2024 г. В том же году она была проанонсирована в журнале «Отечественная философия»⁴. Исследования, инициированные в связи с юбилеем, нашли продолжение в последующих публикациях, в том числе архивных⁵.

Коллективные монографии часто оставляют двойственное впечатление, поскольку не всегда адекватно решают исконную философскую проблему: единство во множестве. Противоречивость и разноплановость фигуры Н.Я. Данилевского, вероятно, отразились и на рецензируемой монографии. Уже в самом начале, в противовес закономерному ожиданию, когда книга открывается «Предисловием редактора», представляющим развернутую, до буквального повторения, аннотацию, она не завершается «Заключением» или «Послесловием», подводящим итог рассуждениям разногласного коллективного автора. Смысл, полагал Ю.М. Лотман, есть «принадлежность целого». Без такого логического, содержательного завершения текст остается открытым, смысловым образом разомкнутым, а обозначенные в нем идеи – недосказанными. Монография состоит

² См.: Запад – Восток: Н.Я. Данилевский и сохранение культурной идентичности России (к 200-летию со дня рождения Н.Я. Данилевского): сборник докладов и тезисов Междунар. науч.-практич. конф. / под общ. ред. Меркулова П.А. Орёл: Изд-во Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС, 2022. 299 с. [2].

³ См.: К 200-летию Н.Я. Данилевского. Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность: материалы круглого стола / С.И. Бажов, А.Ю. Бердникова, К.В. Ворожихина и др. // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2022. № 2(12). С. 101–150. <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.181> [3].

⁴ См.: Новые книги / А.И. Вакулинская, К.В. Ворожихина, А.Ф. Макарова и др. // Отечественная философия. 2024. № 3. С. 127–128. DOI: 10.21146/2949-3102-2024-2-3-127-136 [4].

⁵ См.: Зримая память о Н.Я. Данилевском: документы, письма, автографы, фотографии: к 200-летию со дня рождения / сост. Н.Н. Фарутина; ред.: И.Ю. Исаковская, И.Н. Кузнецов. Вологда: ВОУНБ, 2023 [5]; см. также: Данилевская О.Н. «Любимый и дорогой друг...»: письма Н.Я. Данилевского И.П. Кёлеру // Философский полилог. 2024. № 1–2. С. 89–124. DOI: 10.31119/phlog.2024.1-2.223 [6].

из двух тематических разделов: «В кругу современников» и «Идейное наследие Н.Я. Данилевского в истории русской мысли». Остановимся на публикациях, полнее всего соответствующих содержанию этих разделов и отличающихся исследовательской новизной.

За «Предисловием редактора» следует статья акад. А.В. Смирнова «Мыслитель завтрашнего дня. Н.Я. Данилевский и ключевые идеи учения о всечеловеческом (вместо Введения)», в которой указывается на принципиальную важность различения Н.Я. Данилевским «общечеловеческого» и «всечеловеческого»⁶. Несколько увлекаясь актуализацией, вплоть до политизации, взглядов Н.Я. Данилевского, уважаемый автор все же не поясняет, почему Н.Я. Данилевского следует считать мыслителем завтрашнего дня. Он лишь констатирует, что «Н.Я. Данилевский – это, конечно, история: двести лет. Но это не музей» [1, с. 15]. В первом разделе «В кругу современников» отметим две публикации, опирающиеся на архивные исследования. Это статья А.В. Малинова «Из истории петербургского славянофильства: Н.Я. Данилевский и В.И. Ламанский», которая с незначительными изменениями в конце 2024 г. была републикована в журнале «Философский полилог»⁷, и статья В.В. Сидорина «К творческой истории “России и Европы” Н.Я. Данилевского: о черновике трактата в Отделе рукописей РНБ», обе выполненные на стыке двух дисциплин – истории и философии. Текст А.В. Малинова представляет собой синтез исторического и философского нарративов (подходов), покоящихся на солидном историографическом и источниковедческом фундаменте (стоит обратить внимание на количество ссылок). Основной лейтмотив статьи – это схождения и расхождения взглядов В.И. Ламанского и Н.Я. Данилевского в аспекте идейного влияния друг на друга. Вывод, к которому приходит автор, можно считать компромиссом: «Подводя итог сравнению взглядов Данилевского и Ламанского, можно признать влияние, которое, скорее всего, было взаимным» [1, с. 43]. Текст В.В. Сидорина удачно сочетает источниковедение (ссылка на первоисточник) и историографию (ссылка на тексты), в нем минимум спекулятивных (метафизических) рассуждений и максимум обращений к документу (рукописи Н.Я. Данилевского).

В исследовательском фокусе статьи К.В. Ворожихиной «Н.Я. Данилевский и Ф.М. Достоевский о всечеловеческом», как следует из названия, находится концепт (философема) всечеловеческого, актуализированный ранее в статье А.В. Смирнова. На первых страницах текста К.В. Ворожихина обстоятельно прослеживает значение, историю и генеалогию этого понятия в творческом и идейном багаже Н.Я. Данилевского и Ф.М. Достоевского. Однако затем хронология исследования резко смещается в контекст Серебряного века, а затем перекакивает к идеям евразийства(цев). Подобное «ускорение» анализа приводит к тому, что, например, учения о «симфонической личности» Л.П. Карсавина и о

⁶ См.: Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность. С. 11.

⁷ См.: Малинов А.В. Из истории петербургского славянофильства: Н.Я. Данилевский и В.И. Ламанский // Философский полилог. 2024. № 1–2. С. 67–88. DOI: 10.31119/phlog.2024.1-2.222 [7].

«всеединстве» В.С. Соловьева упоминаются лишь в последних строках статьи. Нельзя не согласиться с общим авторским заключением, что «идея всечеловеческого была воспринята мыслителями русского религиозно-философского возрождения» и «идеи Данилевского и Достоевского имели своих продолжателей в среде философов эмиграции»⁸. Однако такая тематическая преемственность мало корреспондирует с заголовком, отсылающим к конкретным персонам и эпохе. Реминисценции, на которых останавливается К.В. Ворожихина, в этом отношении вторичны. Они приводят лишь к тематически-содержательному «разбуханию» сюжета и подтверждают классическую «дилемму автора»: либо широта охвата, либо глубина анализа.

Второй раздел «Идейное наследие Н.Я. Данилевского в истории русской мысли» открывается тонкой по анализу и богатой по фактуре статьей К.Б. Ермишиной «Н.Я. Данилевский и евразийство: преемственность идей или борьба концепций». Это историографически фундированное историко-философское исследование, строго следующее заявленной тематике и избегающее оценочно-категоричных суждений. Подводя итог своим рассуждениям, К.Б. Ермишина приходит к выводу «о неоднозначности, сложности, глубине взаимоотношений евразийства и славянофильства»⁹. Диапазон анализа творчества Н.Я. Данилевского стереоскопически расширяет и полифонически дополняет публикация перевода главы из книги П.А. Сорокина *Social Philosophies of an Age of Crisis* (1950 г.), подготовленного В.В. Саповым и сопровождаемого его же статьей. Исполать сему начинанию!

Завершает книгу статья О.Н. Данилевской и Т.В. Гонсиоровской «Имение Н.Я. Данилевского Мшатка: прошлое и будущее». Краеведческая по содержанию статья, возможно даже помимо задумки авторов, вызывает литературные аллюзии. Так, ее начало: «Недалеко от Фороса не так давно был детский оздоровительный лагерь “Береговое” имени космонавта В.М. Комарова»¹⁰ – невольно отсылает к «Мцыри» М.Ю. Лермонтова («Немного лет тому назад...»¹¹), а агрономический пафос землеустройства некоторых пассажей («За 15 лет на каменистой почве было акклиматизировано до трехсот видов деревьев и кустарников...»¹² роднит с очерком «Из деревни» А.А. Фета, в свое время поэтически откликнувшегося на смерть Н.Я. Данилевского. Заключительные слова статьи: «Пока камни живые, пока деревья растут, надо восстанавливать Мшатку. Это наш духовный центр возрождения»¹³ – трогают своей безыскусственностью, в

⁸ См.: Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность. С. 56.

⁹ Там же. 117.

¹⁰ Там же. С. 197.

¹¹ См.: Лермонтов М.Ю. Стихотворения и поэмы. Герой нашего времени. М.: Изд-во Юрайт, 2020. С. 108 [8].

¹² См.: Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность. С. 200.

¹³ Там же. С. 205.

них считается искренняя, говоря словами классика, «Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам»¹⁴.

Большая часть авторов этой книги – профессиональные историки русской философии, что положительно отразилось на ее качестве. Обращение к новым, в том числе архивным, материалам придало монографии историко-философскую эвристичность. Центрированность текстов на одной персоне – Н.Я. Данилевском – неизбежно приводит к повторам, но в то же время хорошо иллюстрирует различие аналитических и нарративных стратегий авторов. Вынесенная в подзаголовок «история» явно заслоняет «современность» Н.Я. Данилевского, творческое наследие которого сопоставляется и анализируется в сравнении и на фоне мыслителей позапрошлого (В.И. Ламанский, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, Н.И. Кареев) и прошлого веков (евразийцы, П.А. Сорокин). Авторы монографии не смогли дополнить диалог между настоящим и прошлым диалогом между настоящим и настоящим. Однако они не поддались соблазну актуализировать ту конфронтационную систему отношений между славянским и романо-германским культурно-историческими типами, которую Н.Я. Данилевский выводил из органического восприятия истории¹⁵. Ссылки на рецепцию взглядов Н.Я. Данилевского в трудах О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона, встречающиеся в книге и уже давно ставшие «общим местом» в подобного рода исследованиях, не добавляют текстам новизны. Осовременивание Н.Я. Данилевского невозможно без действенного и эффективного интеллектуального ребрендинга его творческого наследия в реальной привязке к дню сегодняшнему.

Наконец, сформулированное в начале положение о том, что «Россия и Европа» может быть рассмотрена как метатекст русской философии, представляет собой, скорее, заданность, чем данность. Возможно ли это вообще? Если допустить, что произведение в качестве метатекста не рождается, а становится им, со временем увеличивая свой символический капитал за счет интеллектуального вклада авторов, его исследующих и комментирующих, то у «России и Европы», можно сказать, все еще впереди. В этом случае рассматриваемая коллективная монография, как и рецензии на нее, есть комментарий на комментарий, вносящий свою лепту в плетение метатекста «России и Европы» и приглашающий к диалогу. Продолжение должно последовать! Dixi.

¹⁴ См.: Пушкин А.С. Два чувства дивно близки нам // Пушкин А.С. Соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1985. С. 496 [9].

¹⁵ См.: Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье: материалы конференции – «круглого стола» / Б.И. Пружинин, И.И. Бендерский, О.В. Воробьева и др. // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 50 [10].

Список литературы

1. Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 216 с.
2. Запад – Восток – Н.Я. Данилевский и сохранение культурной идентичности России (к 200-летию со дня рождения Н.Я. Данилевского): сб. докл. и тез. Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Меркулова П.А. Орёл: Изд-во Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС, 2022. 299 с.
3. К 200-летию Н.Я. Данилевского. Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность: материалы круглого стола / С.И. Бажов, А.Ю. Бердникова, К.В. Ворожихина и др. // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2022. № 2(12). С. 101–150. <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.181>.
4. Новые книги / А.И. Вакулинская, К.В. Ворожихина, А.Ф. Макарова и др. // Отечественная философия. 2024. № 3. С. 127–136. DOI: 10.21146/2949-3102-2024-2-3-127-136.
5. Зримая память о Н.Я. Данилевском: документы, письма, автографы, фотографии: к 200-летию со дня рождения / сост. Н.Н. Фарутина; ред. И.Ю. Исаковская, И.Н. Кузнецов. Вологда: ВОУНБ, 2023. 123 с.
6. Данилевская О.Н. «Любозный и дорогой друг...»: письма Н.Я. Данилевского И.П. Кёлеру // Философский полилог. 2024. № 1–2. С. 89–124. DOI: 10.31119/phlog.2024.1-2.223.
7. Малинов А.В. Из истории петербургского славянофильства: Н.Я. Данилевский и В.И. Ламанский // Философский полилог. 2024. № 1-2. С. 67–88. DOI: 10.31119/phlog.2024.1-2.222.
8. Лермонтов М.Ю. Стихотворения и поэмы. Герой нашего времени. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 265 с.
9. Пушкин А.С. Два чувства дивно близки нам // Пушкин А.С. Соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1985. С. 496
10. Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье: материалы конференции – «круглого стола» / Б.И. Пружинин, И.И. Бендерский, О.В. Воробьева и др. // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 24–61.

References

(Sources)

Collected Works

1. Farutina, N.N. (red.) *Zrimaya pamyat' o N.Ya. Danilevskom: dokumenty, pis'ma, avtografy, fotografii: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya* [Visible memory of N.Ya. Danilevsky: documents, letters, autographs, photographs: for the 200th anniversary of his birth]. Volodga: VOUNB, 2023. 123 p.
2. Lermontov, M.Yu. *Stikhotvoreniya i poemy. Geroy nashego vremeni* [Poems and Long Poems. A Hero of Our Time]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt, 2020. 265 p.
3. Merkulova, P.A. (red.) *Zapad – Vostok: N.Ya. Danilevskiy i sokhranenie kul'turnoy identichnosti Rossii (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya N.Ya. Danilevskogo): Sbornik dokladov i tezisov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [West – East: N.Ya. Danilevsky and the Preservation of Russia's Cultural Identity (on the 200th Anniversary of N.Ya. Danilevsky's Birth): Collection of Papers and Abstracts from the International Scientific and Practical Conference]. Oryol: Izdatel'stvo Srednerusskogo instituta upravleniya – filial RANKHiGS, 2022. 299 p.
4. Pushkin, A.S. *Dva chuvstva divno blizki nam* [Two feelings are wondrously close to us], in Pushkin, A.S. *Sochineniya v 3 t., t. 1* [Works in 3 vols., vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1985, p. 496.

5. Sidorin, V.V. (red.) *Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'* [The Creative Heritage of N.Ya. Danilevsky: History and Modernity]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2024. 216 p.

(Articles from Scientific Journals)

6. Danilevskaya, O.N. «Lyubeznyy i dorogoy drug...»: pis'ma N.Ya. Danilevskogo I.P. Kyoleru [“Dear and dear friend...”: letters from N.Ya. Danilevsky to I.P. Köhler], in *Filosofskiy polilog*, 2024, no. 1–2, pp. 89–124. DOI: 10.31119/phlog.2024.1-2.223.

7. Malinov, A.V. Iz istorii peterburgskogo slavyanofil'stva: N.Ya. Danilevskiy i V.I. Lamanskiy [From the history of St. Petersburg Slavophilism: N.Ya. Danilevsky and V.I. Lamansky], in *Filosofskiy polilog*, 2024, no. 1–2, pp. 67–88. DOI: 10.31119/phlog.2024.1-2.222.

8. Pruzhinin, B.I., Benderskiy, I.I., Vorob'eva, O.V., Dolgova, E.A., Malinov, A.V., Mikeslina, L.A., Motovnikova, E.N., Ol'khov, P.A., Khvostova, K.V. Filosofsko-metodologicheskie proekty russkikh istorikov i sovremennye problemy metodologii istoricheskogo poznaniya. K 180-letiyu V.I. Ger'e: materialy konferentsii – «kruglogo stola» [Philosophical and Methodological Projects of Russian Historians and Modern Problems of Methodology of Historical Cognition. To the 180th anniversary of V.I. Guerrier. Proceedings of the conference – “round table”], in *Voprosy filosofii*, 2017, no. 9, pp. 24–61.

9. Smirnov, A.V., Danilevskaya, O.N., Sidorin, V.V., Malinov, A.V., Fetisenko, O.L., Vorozhikhina, K.V., Berdnikova, A.Yu., Teslya, A.A., Bazhov, S.I., Ermishina, K.B. K 200-letiyu N.Ya. Danilevskogo. Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'. Materialy kruglogo stola [To the 200th anniversary of N.Ya. Danilevsky. Creative heritage of N.Ya. Danilevsky: history and modernity. Materials of the round table], in *Filosofskiy polilog*, 2022, no. 2, pp. 101–150. <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.181>.

10. Vakulinskaya, A.I., Vorozhikhina, K.V., Makarova, A.F., Sidorin, V.V., Chernyavtseva, M.S. Novyye knigi [New books], in *Otechestvennaya filosofiya*, 2024, no. 3, pp. 127–136. DOI: 10.21146/2949-3102-2024-2-3-127-136.

УДК 1(092)
ББК 87.3(2)522-685

Михаил Викторович Максимов

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Россия, Иваново, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

Материалы к библиографии В.С. Соловьёва: 2012–2017

Mikhail Viktorovich Maksimov

Ivanovo State Power Engineering University, Doctor Habil. of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Russia, Ivanovo, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

Materials for the bibliography of V.S. Solovyov: 2012–2017

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.160-185

Первая публикация библиографии В.С. Соловьёва в журнале «Соловьёвские исследования» вышла в 2007 г. Она охватывала период с 1990 по 2006 гг.¹. В последующих выпусках журнала опубликованы библиографические материалы, относящиеся к периодам: 2007–2008 гг.²; 2009–2011 гг. с дополнениями к ранее опубликованным сведениям³. В выпусках за 2005, 2007, 2009 гг. опубликованы указатели к «Соловьёвским исследованиям» (с 1 по 20 выпуск)⁴; в выпуске за 2009 г. опубликованы также – указатель к сборнику материалов Между-

¹ Библиография В.С. Соловьёва (1990–2006) / сост. М.В. Максимов // Соловьёвские исследования. 2007. Вып. 15. 276 с.

² Материалы к библиографии В.С. Соловьёва (2007–2008) / сост. М.В. Максимов, Л.М. Максимова // Соловьёвские исследования. 2009. Вып. 2(22). С. 113–145.

³ Материалы к библиографии В.С. Соловьёва (1990–2011) / сост. М.В. Максимов, Л.М. Максимова // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2(34). С. 165–193.

⁴ Максимова Л.М. Указатель к периодическому сборнику научных трудов «Соловьёвские исследования» (Вып. 1–10) / сост. Л.М. Максимова // Соловьёвские исследования. 2005. Вып. 10. С. 252–264; Максимова Л.М. Указатель к периодическому сборнику научных трудов «Соловьёвские исследования» (Вып. 1–14) / сост. Л.М. Максимова // Соловьёвские исследования. 2007. Вып. 15. С. 235–251; Максимова Л.М. Указатель к периодическому сборнику научных трудов «Соловьёвские исследования» (2001–2008 гг. Вып. 1–20) / сост. Л.М. Максимова // Соловьёвские исследования. 2009. Вып. 1(21). С. 98–122.

народной научной конференции «Владимир Соловьёв и философско-культурологическая мысль XX века»⁵, а также указатель к информационным выпускам журнала (Вып. 1–3)⁶. В 2010 г. в журнале была опубликована библиография музыкальных произведений на стихи В.С. Соловьёва⁷.

Таким образом, библиография В.С. Соловьёва, опубликованная в журнале «Соловьёвские исследования», охватывает период с 1990 по 2011 г. включительно. Мы продолжаем публикацию библиографии исследований философского, литературного и публицистического наследия В.С. Соловьёва.

2012 г.

Амелина Е.М. Общественный идеал в России и его основные черты // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 4(36). С. 22–37.

В.С. Соловьёв, К.С. Аксаков, А.И. Герцен, П.Л. Лавров, К.П. Победоносцев, Г.В. Плеханов, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк.

Бессчётнова Е.В. [Рец. на]: Wendy Helleman. Solovyov's Sophia as a Nineteenth-Century Russian Appropriation of Dante's Beatrice [Венди Хеллеман. София В. Соловьёва как русская версия Дантовой Беатриче в девятнадцатом столетии] // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 177–178.

Бурдина Т.Н. Образ Софии в эстетических концепциях Вл. Соловьёва и Иннокентия Анненского // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 3(35). С. 92–111.

Викторук Е.Н., Махонина В.П., Черняева А.С. «Исторические дела философии» Владимира Соловьёва как введение в университетский курс философии // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 4(36). С. 177–184.

Вознякевич Е.Е. Проблема рефлексии мистического опыта у Вл. Соловьёва и Вяч. Иванова // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 25–39.

Глазков А.П. «Воскресение первое» в историческом и аскетическом понимании эсхатологической историософии: Владимир Соловьёв и Игнатий Брянчанинов // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 152–162.

Гусев Д.В. Антропологические аспекты эсхатологии в философской поэзии Вл. Соловьёва и А. Белого // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 57–69.

Дашевская О.А. Художественное творчество В. Соловьёва как выражение философии всеединства // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 4(36). С. 57–73.

⁵ Максимова Л.М. Указатель к сборнику материалов Международной конференции «Владимир Соловьёв и философско-культурологическая мысль XX века»: Материалы Междунар. науч. конф. Иваново, ИГЭУ, 17–19 мая 2000 г. / сост. Л.М. Максимова // Соловьёвские исследования. 2009. Вып. 1(21). С. 127–137.

⁶ Максимова Л.М. Указатель к информационным выпускам периодического сборника научных трудов «Соловьёвские исследования» (Вып. 1–3) / сост. Л.М. Максимова // Соловьёвские исследования. 2009. Вып. 1(21). С. 123–127.

⁷ Максимов М.В. Библиография музыкальных произведений на стихи В.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 3 (27). С. 132–133.

Димитрова Н.И. Символистский штрих к оккультному портрету Серебряного века // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 18–25.

В.С. Соловьёв, А. Белый, В.И. Иванов, П.А. Флоренский.

Кацапова И.А. История и современность: о дискуссии между Б.Н. Чичериным и В.С. Соловьёвым // Философские науки. 2012. № 3. С. 40–52.

Козлова О.В. Личность и общество в либеральной публицистике К.Д. Кавелина // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 163–176.

Крохина Н.П. София Вл. Соловьёва и А. Блока // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 4(36). С. 74–82.

Курилов С.Н. Идея всеединства как философская основа консервативного либерализма С.Л. Франка // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 4(36). С. 45–56.

В.С. Соловьёв, С.Л. Франк, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев.

Максимов М.В., Максимова Л.М. Материалы к библиографии В.С. Соловьёва [1990–2011] // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2(34). С. 165–193.

Межуев Б.В. [Рец. на]: Прибыткова Е.А. Несвоевременный современник. Философия права В.С. Соловьёва. М.: Модест Колеров, 2011. 478 с. // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2(34). С. 162–164.

Мескин В.А. Грани русского символизма: В. Соловьёв и Ф. Сологуб: монография. М.: Флинта, 2012. 438 с.

Михайлов М.И., Рыжакова Е.В. Об эстетических особенностях лирической поэзии Вл. Соловьёва и русских символистов // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2(34). С. 90–99.

В.С. Соловьёв, К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, А. Белый, В.И. Иванов, В.Я. Брюсов.

Непомнящий И.Б. Об одном из возможных источников статьи В. Соловьёва о Тютчеве // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 70–74.

Нижников С.А. Вера и чудо в отечественной мысли // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 75–87.

Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и В.С. Соловьёв, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев.

Оболевич Т., с. Спор Владимира Соловьёва с Александром Введенским по поводу Спинозы // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 4(36). С. 38–45.

Перуанский С.С. Социальная философия и правоведение Платона в истинном свете. Трактат о том, как знаменитые философы трактуют великих. Кн. 1. Изд. 2-е, перераб. и испр. М.: Коффи, 2012. 120 с.

Трактовки В.С. Соловьёва, П.И. Новгородцева, А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, Е.Н. Трубецкого, К. Поппера.

Подзолкова Н.А. Попытка структурного анализа поэтических образов Вл. Соловьёва в контексте постклассической рациональности Кена Уилбера // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 4(36). С. 83–92.

В.С. Соловьёв, К. Уилбер, В.И. Иванов, К.Д. Бальмонт, А.А. Блок.

Полякова О.Н. Точки соприкосновения поэзии и философии Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2(34). С. 81–90.

Пучков А.А. Владимир Соловьёв и Юлиан Кулаковский: три встречи // Пучков А.А. Культура антикварных несходств: Силуэты. Профили. Личины / Институт проблем современного искусства НАИ Украины. Киев: Феникс, 2012. С. 299–386.

Резниченко А.И. О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. 416 с.

Философия имени и В.С. Соловьёв.

Рычков А.Л., Мирошниченко Н.М. Вл. Соловьёв в личной библиотеке и творчестве М.А. Волошина // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2(34). С. 124–161.

Серова Н.В. В.С. Соловьёв и акмеизм: метафизика и поэзия красоты // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2(34). С. 99–111.

В.С. Соловьёв, А.А. Ахматова, Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам.

Сидорин В.В. Интерпретация диалектики Гегеля в «Оправдании добра» В.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 140–151.

Симоненко Т.И. Проблема образования в русской философии: поиски онтологических оснований // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 131–140.

С.С. Гогоцкий, П.Д. Юркевич, В.С. Соловьёв, Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, В.В. Зеньковский.

Суслов П.А. Поэзия В. Набокова: «соловьёвский след» // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 109–123.

Сухова А.В. (Не) одинокий дух. В. Соловьёв и М. Цветаева: совпадение в эстетическом дискурсе // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 98–108.

Суходуб Т.Д. Философское и литературно-поэтическое творчество: Владимир Соловьёв и символизм Серебряного века // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 5–18.

Федотова С.В. Антитеза науки и искусства у Вл. Соловьёва, Вяч. Иванова и Вл. Эрн // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 40–57.

Черкасова Е.А. Мистериальный сюжет в стихотворении В.С. Соловьёва «В тумане утреннем неверными шагами» // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 3(35). С. 81–92.

Шукуров Д.Л. Образы деструкции в психоанализе и в философии В.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 2(34). С. 65–80.

Юрина Н.Г. Тема апокалипсиса в поэтическом творчестве Вл. Соловьёва: роман-тико-реалистическая и символистская традиции // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 3(35). С. 67–81.

Юрина Н.Г. Эпистолярное творчество В.С. Соловьёва 1870–1890-х гг.: историко-литературная проблематика и художественная специфика // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 4(36). С. 6–21.

2013 г.

Авдейчик Л.Л. Финский период в поэтическом творчестве В.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4(40). С. 18–27.

Атякшев М.В. Н.Н. Страхов и В.С. Соловьёв: спор о теории культурно-исторических типов // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 3(39). С. 71–77.

Базелика Джулия. Мечтание русского космизма о невозможном // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 3(39). С. 100–114.

В.С. Соловьёв, Н.Ф. Федоров, К.Д. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский.

Буллер Андреас. «Дилемма лжи» в этической концепции В.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4(40). С. 6–18.

В.С. Соловьёв, И. Кант, А. Шопенгауэр.

Глазков А.П. Сотворение мира и смысл истории в историософии В.С. Соловьёва и Г.В. Флоровского // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 2(38). С. 29–42.

Димитрова Н.И. Вера и знание: наследие Владимира Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 30–39.

Зотова О.Н. Общие характеристики частотного словаря лирики Владимира Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4(40). С. 27–42.

Карандашева А.А. Научно-образовательный центр в контексте научной коммуникации (к 15-летию Соловьёвского семинара) // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4(40). С. 43–51.

Козлова О.В. Проблема поиска правового идеала в дискуссии либералов В.С. Соловьёва и Б.Н. Чичерина // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 3(39). С. 48–70.

Коррадо-Казанская Флоранс. Вариации на тему Тютчева в поэтических дебатах Серебряного века // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4(40). С. 165–172.

Ф.И. Тютчев, В.С. Соловьёв, А. Белый, В.И. Иванов, О. Мандельштам.

Красицки Ян. Философия В.С. Соловьёва в Польше // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 40–54.

<Лекция **Вл. Соловьёва**, прочитанная им 28 марта 1881 года в зале Кредитного Общества> / коммент. Ю.С. Вейцмана; публ. и вступ. ст. С.Б. Роцинского // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 75–82.

Максимов М.В. Философско-поэтический лик Серебряного века: Константин Бальмонт и Владимир Соловьёв // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 69–74.

<**Максимов М.В.**> Памяти Оливера Смита // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 2(38). С. 207.

<**Максимов М.В.**> «Предполагаем жить...»: памяти Оливера Смита // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 3(39). С. 181–184.

Максимов М.В. «Неисправимый славянофил» Юрий Самарин (о монографии С.И. Скороходовой «Философия истории Ю.Ф. Самарина в контексте русской философской мысли XIX – первой четверти XX веков». М.: Прометей, 2013. 432 с.) // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4(40). С. 206–216.

Максимова Л.М. Презентация журнала «Соловьёвские исследования» в Париже // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 191.

Межуев Б.В. Рец. на книгу: Smith O. Vladimir Soloviev and the Spiritualization of Matter, Academic Studies Press, Boston, 2011. 308 p. // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 3(39). С. 190–193.

Моисеев В.И. О двух метафизических моделях и философии Владимира Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 2(38). С. 6–16.

Парилов О.В. Хилиастические мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского, сформированные под влиянием концепции всемирной теократии В.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 2(38). С. 16–28.

Порус В.Н. Третья речь В.С. Соловьёва в память Ф.М. Достоевского через 130 лет // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 19–30.

Рычков А.Л. «Рыцарь-монах» и «Рыцарь-странник»: Вл. Соловьёв и драма А. Блока «Роза и Крест» // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4(40). С. 173–185.

Смирнов Марк. Последний Соловьёв. Жизнь и творчество поэта и священника Сергея Соловьёва (1885–1942). Часть I // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 83–122.

Смирнов Марк. Последний Соловьёв. Жизнь и творчество поэта и священника Сергея Соловьёва (1885–1942). Часть II // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 2(38). С. 43–93.

Смирнов Марк. Последний Соловьёв. Жизнь и творчество поэта и священника Сергея Соловьёва (1885–1942). Часть III // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 3(39). С. 6–47.

Смирнов Марк. Последний Соловьёв. Жизнь и творчество поэта и священника Сергея Соловьёва (1885–1942). Часть IV // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4(40). С. 52–114.

Соловьёв В. Мчи меня, память [стихотворения]. М.: НексМедиа; М.: ИД Комсомольская правда, 2013. 238 с.

Столович Л.Н. Соловьёвское всеединство в ценностном аспекте // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 6–18.

Треушников И.А. В.С. Соловьёв и представители философии всеединства об универсальности и специфике Российской истории // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(37). С. 54–68.

Шапошников Л.Е. Философско-педагогические взгляды В.С. Соловьёва // Вече. Журнал русской философии и культуры. СПб., 2013. Вып. 25. С. 75–92.

Юрина Н.Г. Литературно-критическая концепция В.С. Соловьёва: истоки, становление, развитие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 280 с.

[**Louise Richardson**], [**Roger Keys**], [**Robin Aizlewood**]. Письма коллег <Памяти Оливера Смита> // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 3(39). С. 185–189.

2014 г.

Амелина Е.М. Место Польши в русской историсофской мысли второй половины XIX в. (Вл. Соловьёв, Н. Данилевский, М. Бакунин) // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 58–75.

В.С. Соловьёв. Записная книжка / публ. и коммент. Марка Смирнова // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 81–91.

В.С. Соловьёв. <Отрывки из воспоминаний об И.Д. Рабиновиче> / публ., коммент. и примеч. Марка Смирнова // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 3(43). С. 68–75.

В.С. Соловьёв. Приветственная речь, обращенная к М.М. Стасюлевичу в связи с 30-летием журнала «Вестник Европы» / публ. и примеч. Марка Смирнова // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 3(43). С. 76–77.

Думцев В.П. Этика идеала Вл. Соловьёва versus этика долга Канта // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 3(43). С. 19–32.

Кийзник Л. Польские исследования философии В.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 21–31.

Крочак Ю. Влияние метафизики всеединства Вл.С. Соловьёва на творчество П.А. Флоренского // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 98–110.

Ловецкий Г.И. Наука и философия науки: в 3 ч. Ч. 2: Философия науки и русский космизм / Моск. гос. техн. ун-т им. Н.Э. Баумана. Калужский филиал. М., 2014. 215 с.

История философии науки: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский.

Максимов М.В. О социальном призвании русской философии // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 182–188.

Маслин М.А. Классики русской идеи: Владимир Соловьёв и Николай Бердяев // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 1(41). С. 47–59.

Михельсон П.Л. Свобода совести и ограниченность западного представления о либеральности Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 1(41). С. 25–46.

Мотин С.В. «...Вероятно, у меня найдется для Вас что-нибудь менее спорное, чем великий спор» (к истории взаимоотношений И.С. Аксакова и В.С. Соловьёва) // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 6–33.

Мёдова А.А. Проблема ипостасности в учении П. Флоренского и русских христианских мыслителей // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 3(43). С. 163–175.

Оболевич Т., с. Владимир Соловьёв и Мариан Моравский // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 31–45.

Пенчев Д. Свободная теософия как философия Владимира Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 51–67.

Петрова Т.С. Образ воздушной дороги в диалогическом пространстве К. Бальмонта и Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 3(43). С. 50–58.

Протопопова И.А. Платоновский «Тезтет» в философии Вл. Соловьёва (Лекции В.С. Соловьёва по истории философии 1880–1881 г.) // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 6–20.

Рашковский Е.Б. Цимбалы Янкеля: вновь о Мицкевиче и истории польского мессианизма // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 45–58.

В.С. Соловьёв.

Резвых Т.Н. Идея Богочеловечества у В.С. Соловьёва и С.Л. Франка // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 3(43). С. 6–18.

Роцинский С.Б. Людвиг Фейербах в России: социальный философ или «вдохновенный проповедник гуманизма»? // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 3(43). С. 148–163.
Л. Фейербах, П.Д. Юркевич, В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков.

Сергеев С.М. Владимир Соловьёв и Константин Леонтьев против национализма. Заметки ангажированного историка // Вопросы национализма. 2014. № 1(17). С. 81–99.

Сидорин В.В. В.С. Соловьёв и Г.В.Ф. Гегель: диалектические аспекты «Философских начал цельного знания» // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 67–80.

Соловьёв А.П. В.С. Соловьёв и архиепископ Никанор (Бровкович). I. В.С. Соловьёв о философском учении архиепископа Никанора // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 1(41). С. 6–25.

Соловьёв А.П. В.С. Соловьёв и архиепископ Никанор (Бровкович). II. Архиепископ Никанор о мировоззрении В.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 33–51.

Чесноков Г.Д. Историко-философские этюды. 2-е изд., доп. М.: Социально-гуманитарные знания, 2014. 313 с.

Славянофилы, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, В.С. Соловьёв.

Horowitz V. Vladimir Solov'ev and the Jews – A View from Today // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 3(43). С. 32–49.

Turonek-Ostrowska K. The image and the idea of Sophia in Polish research on Solovyov's philosophy // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 90–97.

Walczak P. Faith in the dialogue with reason. Solovyov and Wojtyła on relations between faith and reason – a comparative study // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 110–123.

В.С. Соловьёв, Иоанн Павел II.

Weimann A. Walicki's analysis of Solovyov's views // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 76–89.

А. Валицкий о В.С. Соловьёве.

2015 г.

Баранов А.В. К проблеме эзотеризма в литературе и философии Серебряного века // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. СПб., 2015. № 4(25). С. 104–107.

В.С. Соловьёв, А. Белый, А. Блок.

Буллер А. В.С. Соловьёв и вопросы теории истории // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 3(47). С. 6–20.

Гачева А.Г. Идеал «Царства Божия на земле» в русской философской мысли: от Серебряного века до новгородства 1930-х годов // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 3(47). С. 80–98.

Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьёв, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков.

Глухова Е.В. Лермонтов и мифологемы религиозно-философской и символистской критики конца XIX – начала XX века // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 131–147.

М.Ю. Лермонтов, В.С. Соловьёв, А. Белый, Д.С. Мережковский, А.А. Блок, В.В. Розанов, Вяч. Иванов, П.А. Флоренский.

Гордеев А.С. Влияние философии тождества Ф. Шеллинга и философии всеединства Вл. Соловьёва на принципы хозяйственной этики у С.Н. Булгакова // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2015. № 4. С. 186–194.

Гутова С.Г. Социализм, гуманизм и нравственное начало в философии В.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 60–72.

Душин О.Э. Шеллинг и Соловьёв о проблеме зла // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 15–30.

Зеленков А.И. Становление методологии синтетизма в русской философской традиции // Социальное время. Йошкар-Ола, 2015. № 1. С. 19–32.

В.С. Соловьёв, С.Н. Булгаков, Н.Ф. Федоров, В.И. Вернадский.

Зыков М.Б. 80 идей Вл. Соловьёва о смысле любви XXI века / Корпорация «Человеч. Гений», Междунар. акад. нац. самоидентификации. М., 2015. 178 с.

Учение о любви В.С. Соловьёва и Л.Н. Толстого.

Игошева Т.В. «Стоя над бездной...»: мифологизация образа Лермонтова в статье А. Блока «Безвременье» // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 147–161.

М.Ю. Лермонтов, В.С. Соловьёв, А.А. Блок, А. Белый, Д.С. Мережковский.

Казнина О.А. Е.И. Замятин и религиозно-философская антиутопия (критика социального утопизма в творчестве Е.И. Замятина и Н.А. Бердяева) // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 3(47). С. 157–170.

В.С. Соловьёв, Ф.М. Достоевский, Н.А. Бердяев.

Катасонов В.Ю. Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков: К. Леонтьев, Л. Тихомиров, В. Соловьёв, С. Булгаков, С. Шарапов / Рус. экон. о-во им. С.Ф. Шарапова. М.: Родная страна, 2015. 462 с.

Кобзев А.И. Синологическое пророчество Вл. Соловьёва // Omnia conjungo: сб. науч. работ в честь 65-летия проф. В.В. Сербиненко. М., 2015. С. 93–100.

Эсхатологические и историософские воззрения Соловьёва в связи с «желтой угрозой».

Корычанкова С. Вербализация звукового пространства в поэтическом творчестве В.С. Соловьёва // Новая русистика = Nová rusistika. Brno, 2015. № 1. С. 13–22.

Максимов М.В., Максимова Л.М. Метафизические искания В.С. Соловьёва (конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.) // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 51–65.

Маслин М.А. Зарубежная историография русской философии // Omnia conjungo: сб. науч. работ в честь 65-летия проф. В.В. Сербиненко / Российский гос. гуманитарный ун-т; сост. и ред. О.В. Марченко. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 2015. С. 82–92.

Медведев А.А. Картина А. Карраччи «Christuskopf» и «положительно прекрасный человек» в творчестве Ф.М. Достоевского (Вл. Соловьёв как прототип Алеши Карамазова) // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 30–42.

А. Карраччи, В.С. Соловьёв, Ф.М. Достоевский, С.Н. Булгаков.

Митрофанов Г., протоиерей. «Три разговора» В.С. Соловьёва – антитолстовский манифест или эсхатологическое прозрение // Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия. СПб., 2015. Вып. 6. С. 573–582.

Молчанов В.И. Проблема и термин «я» в русской философии // Omnia conjungo: сб. науч. работ в честь 65-летия проф. В.В. Сербиненко. М., 2015. С. 180–189.

В.С. Соловьёв, Л.М. Лопатин, Г.Г. Шпет, М.И. Каринский.

Павлюченков Н.Н. Богочеловечество в концепции П.А. Флоренского // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 4(48). С. 13–29.

В.С. Соловьёв, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Н. Трубецкой.

Павлюченков Н.Н. Проблема религии в опытах поиска «цельного знания» В.С. Соловьёва и П.А. Флоренского // Религия и религиозность в локальном и глобальном измерении – III: материалы междунар. науч. конф., 7–9 окт. 2015 г., г. Владимир / Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. Т. 28. С. 179–189.

Пушкин в русской философской критике. Конец XIX–XX век / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Р.А. Гальцева. 3-е изд. М.; СПб.: Центр гуманит. инициатив, 2015. 591 с.

Антология работ русских философов: В. Соловьёва, Л. Шестова, М. Гершензона, С. Булгакова, И. Ильина, С. Франка, Ф. Степуна, Д. Мережковского, В. Розанова, П. Струве и др.

Руссу О.Д. Проблема права в философии В.С. Соловьёва // Государство и право: история и современность. Волгоград, 2015. С. 39–45.

Саканива А., Евлампиев И.И. Возвращение к России: Тютчев и Достоевский // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 35–50.

Ф.И. Тютчев, И.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв, Д.С. Мережковский.

Сербиненко В.В. Спор о Китае: Вл. Соловьёв и Н. Данилевский // Тетради по консерватизму: альманах. М., 2015. № 5. С. 39–48.

Россия и Азия. Векторы цивилизационного развития.

Сидорин В.В. В.В. Зеньковский о «школе Соловьёва»: pro et contra // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 4(48). С. 6–13.

Спирова Э.М. Отечественные традиции философского постижения культуры // Философия и культура. М., 2015. № 12(96). С. 1832–1840.

Славянофилы, западники, В.С. Соловьёв, Н.Я. Данилевский, К.А. Леонтьев.

Титаренко С.Д. Лермонтов и русский символизм: «дух готики» и трансформация романтической традиции // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 102–115.

М.Ю. Лермонтов, В.С. Соловьёв, И.Ф. Анненский, О. Шпенглер, Д.С. Мережковский, Вяч. Иванов, В.Я. Брюсов, А. Белый.

Тихеев Ю.Б. Владимир Соловьёв – издатель «Творений Платона» // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 6–15.

Тихеев Ю.Б. Философия любви Владимира Соловьёва // *Omnia conjungo*: сб. науч. работ в честь 65-летия проф. В.В. Сербиненко. М., 2015. С. 308–318.

Уланов М.С. Буддийская культура и русский космизм // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 112–129.

В.С. Соловьёв, Н.Ф. Федоров, Е.П. Блаватская, Е.И. Рерих, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский.

Хамидулин А.М. Идейные истоки софиологии Вл.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 3(47). С. 21–38.

Майстер И. Экхарт, Г. Сузо, И. Гихтель, Г. Арнольд, Я. Бёме, Дж. Пордедж, Э. Сведенборг, Ф. Шеллинг, Г.С. Сковорода, Ф.А. Голубинский.

Цветкова Е.Д. В.С. Соловьёв и В.В. Кандинский // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 72–91.

Юрина Н.Г. Литературно-критическая полемика о М.Ю. Лермонтове 1890-х годов: концепции, прозрения, итоги // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 116–130.

М.Ю. Лермонтов, В.С. Соловьёв, В.В. Розанов, Н.Ф. Федоров.

Topolska E. Marian Morawski's analysis of the views of Vladimir Soloviev // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 42–59.

Guittat-Naudin M. Vladimir Soloviev, une voix de la Russie en France // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 4(48). С. 44–58.

E. Tavernier, M. d'Herbigny, J. Séverac, A. Kojevnikov, A. Besançon, F. Rouleau, B. Dupuy, V. Marchadier, M. Herman, J. Laloy.

Corrado-Kazanski F. Vladimir Soloviev dans «Le Christ dans la pensée russe» de Paul Evdokimov: une réception orthodoxe et îacuménique en France // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 4(48). С. 58–66.

2016 г.

Авдейчик Л.А. Рецензия на монографию С. Корячанковой «Лексико-семантическое оформление философски значимых образов в поэзии В.С. Соловьёва» (Brno: Masarykova univerzita, 2013. 201 с.) // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 4(52). С. 172–179.

Аляев Г.Е. Идея Вселенской Церкви и «католицизм» Вл. Соловьёва в восприятии и творчестве позднего С. Франка // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 114–135.

Амелина Е.М. Русские мыслители о славянском единстве // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 6–17.

Арьергардные бои: консервативные идеи в эпоху «великих реформ» // Консерватизм: pro et contra: антология / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Гуторова, сост., послесл. Р.В. Светлова. СПб., 2016. С. 197–324.

Публикации фрагментов, в том числе Н.Т. Огарева, А.И. Герцена, М.Н. Каткова, Ф.И. Тютчева, И.С. Аксакова, В.С. Соловьёва, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева.

Баландин Р.К. Горе от ума? Причуды выдающихся мыслителей. М.: Вече, 2016. 382 с.

В.С. Соловьев и др.

Баркова Э.В. К истории экофилософии: Голос одухотворенного мира в гармонии взаимодействия человечества и природы в концепции В.С. Соловьева // Человеч. капитал. Рязань, 2016. Т. 1, № 9 (93). С. 58–61.

Бессчетнова Е.В. «Оправдание Владимира Соловьева»: Шестов против Соловьева // Дерзновения и покорности Льва Шестова. СПб., 2016. С. 104–114.

Бессчетнова Е.В. «Русский европеизм» как особое направление русской философской мысли // Культура. Политика. Понимание. Белгород, 2016. С. 31–37.

В.С. Соловьев, Ф.А. Степун, С.Л. Франк, Г.П. Федотов.

Бессчетнова Е.В. Философия истории Вл.С. Соловьева и К.Н. Леонтьева // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики. М., 2016. С. 46–48.

Бессчетнова Е.В. Эсхатологические предчувствия Вл.С. Соловьева в судьбе Ф.А. Степуна // Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма: Восьмые «Муромцевские чтения». Орёл, 2016. С. 129–137.

Борчиков С.А. Сравнение авторских трактовок принципов органической диалектики // Дни философии в Санкт-Петербурге: Русский космизм в пространстве современной культуры. СПб., 2016. С. 59–65.

В.С. Соловьев.

Брода М. Русские вопросы о В.С. Соловьеве и России // Вестник Моск. гор. пед. ун-та. Сер.: Философские науки. 2016. № 3. С. 43–52.

Бродский А.И. Мост через бездну. Еще раз о «критическом мистицизме» Владимира Соловьева // Вече: Журнал русской философии и культуры. СПб., 2016. Вып. 28. С. 8–20.

Бродский А.И. Владимир Соловьев. СПб.: Наука, 2016. 255 с.

Бурмистров К.Ю. Владимир Соловьев и европейский эзотеризм: проблема источников // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 47–65.

Бушуева Н.А., Смирнов В.В. Право как выражение социальной справедливости в философии В.С. Соловьева // Проблемы социальной справедливости и современный мир. Череповец, 2016. С. 92–95.

Ваганова Н.А. Представления о генезисе мифа в раннем творчестве Соловьева. Миф как теогония // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 1. Богословие. Философия. Религиоведение. М., 2016. Вып. № 3(65). С. 55–72.

Васечко В.Ю. Личность и церковь: проблема духовного становления в русской религиозной философии (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2016. Т. 16, вып. 2. С. 22–38.

Вашурин А.Н., Галушко В.Г., Кудряшов С.В. Идея теократии как основание проблемы христианского единства в творчестве В.С. Соловьева // Соврем. исслед. соц. проблем. Красноярск, 2016. № 4–1(28). С. 39–56.

Венцлер Л. София как образ женского начала в русской философии // Сакро-Арт, 1995–2004. М., 2016. С. 436–463.

В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский.

Вольнякова О.А. Рациональная этика И. Канта и критика ее формального характера в трудах В. Соловьёва // *Этика и история философии: материалы второй Международной научно-практической конференции, 18 ноября 2016 года / Министерство образования и науки Российской Федерации ФГБУВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» и др.; отв. ред. Н.В. Медведев и др. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2016. С. 143–147.*

Гальцева Р.А. Эпоха неравновесия: Общественные и культурные события последних десятилетий / РАН ИНИОН. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2016. 319 с.

В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Вл. Вейдле, С.С. Аверинцев, П.А. Флоренский.

Гарциано С.А. Вл. Соловьёв и русская классика в эмигрантской литературно-философской критике // *Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 176–193.*

Гачева А.Г. «Почему мир не мир?». Образ войны в философии русского космизма // *Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 44–62.*

Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьёв, Н.А. Умов, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев, В.И. Вернадский, А.К. Горский.

Гельфонд М.Л. О праве «слабого» на защиту: (размышления над «Тремя разговорами...» В. Соловьёва) // *Известия Тульского гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Тула, 2016. Вып. 1. С. 136–146.*

Применение силы в целях защиты жертвы от действий агрессора.

Гранин Р.С. Эсхатология как феномен русской религиозно-философской метафизики / РАН ИНИОН. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2016. 143 с.

Гранин Р.С. Эсхатология всеединства Владимира Соловьёва // *Человек: образ и сущность: Гуманит. аспекты 2016. М., 2016. С. 182–199.*

Гребешев И.В. Вл. Соловьёв и русское неолейбницианство // *Гуманит. исслед. в Вост. Сибири и на Дал. Востоке. Владивосток, 2016. № 4(38). С. 107–111.*

Пolemика В.С. Соловьёва с Л.М. Лопатиным.

Гутова С.Г. Феномен духовности в философии Владимира Соловьёва и его значение для современности // *Ценности и смыслы. 2016. № 3(43). С. 40–49.*

Данилова И.Л. Владимир Соловьёв и Эммануил Сведенборг // *Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 46–57.*

Дзема А.И. «Век отчаяния» в оценках Вл. Соловьёва // *Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 16–26.*

Соловьёв о кризисе западной культуры.

Димитрова Н.И. Антропологический поворот в западноевропейском богословии второй половины XX века и богочеловеческие мотивы русской религиозной философии // *Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 57–68.*

В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, С.Л. Франк.

Добрев Д. Владимир Соловьёв – човешката социалност, пречупена през призмата на нравствеността (национализъм, престъпност, икономика, война и право) // *Философия. 2016. Г. XXV, Vol. 25, № 1. С. 73–90.*

Едошина И.А. Незавершенная поэма П.А. Флоренского «Святой Владимир»: контексты, смыслы и поэтика // *Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 150–161.*

Ермичев А.А. «Московские ведомости» против Владимира Соловьёва (к дискуссии о реферате «Об упадке средневекового мирозерцания») // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 81–95.

Ерофеева К.Л. Проблема семьи: методологический потенциал русской философии XIX–XX вв. // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы. Екатеринбург, 2016. Ч. 4. С. 111–115.

В.В. Розанов, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьёв, П.А. Сорокин.

Золотухин В.М. Социальные проекты трансцендентных космистов // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 9(71). С. 63–68.

В философии Платона, Аристотеля, Плотина, Оригена, Ф. Шеллинга, В.С. Соловьёва.

Казенина А.А. Религиозно-философские аспекты русского литературного символизма // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Общественные науки. Тамбов, 2016. Вып. 1(5). С. 73–78.

В.С. Соловьёв (софиология, учение о красоте), Н.А. Бердяев (свобода творчества), теургия.

Козловская Н.В., Сергеева Е.В. Философский термин «византизм» в трудах К.Н. Леонтьева и В.С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 26–33.

Козырев А.П. Антихрист и революция // Тетради по консерватизму: альманах. М.: Фонд ИСЭПИ, 2016. № 3. С. 99–114.

Отношение русской философской традиции (В.С. Соловьёв, В.П. Свенцицкий, Н.И. Бухарин, А.Ф. Лосев) к революции.

Козырев А.П. По следам соловьёвского «антихриста» // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 26–47.

Коломейцев А.Е. Духовный космос религиозного субъекта: бог есть любовь // Цивилизация знаний: российские реалии: труды Семнадцатой международной научной конференции, г. Москва, 22–23 апреля 2016 г. / Российский новый университет (РосНОУ) и др. М.: РосНОУ, 2016. С. 73–75.

В философии В.С. Соловьёва.

Кондаков В.А. Духовно-культурные основы хозяйственной жизни общества в русской религиозной философии: история и современность / Тюменский индустр. ун-т. Тюмень, 2016. 234 с.

Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев.

Короткий Г.А. Переключка идей Владимира Соловьёва и Николая Бердяева о христианстве: философский диалог // Вестник Моск. гор. пед. ун-та. Сер.: Философские науки. М., 2016. № 3. С. 22–32.

Котлярова Л.В. Э. Денисов и русский поэтический символизм: исторические и художественно-методологические параллели // Стиль и жанр в искусстве и традиционной культуре: современные аспекты исследования. Воронеж, 2016. С. 81–87.

А. Блок, В.С. Соловьёв и вокальные циклы Э. Денисова: иррациональное, образ тишины, принципы романтической эстетики.

Котова М.А. Философские и поэтические истоки образов «животного царства» в поэзии Даниила Андреева // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»). М., 2016. С. 212–219.

Идеи В.С. Соловьева, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, и индийской философии.

Красицки Я. «Знамение». Второе путешествие Владимира Соловьева в Египет // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 96–113.

Мистическое откровение Соловьева.

Крикунов А.Е. Вл.С. Соловьев об иерархии в мире // Credo new. Санкт-Петербург, 2016. № 4(88). С. 50–64.

Теория всеединства как философская система.

Крикунов А.Е. Целое из частей: образование и иерархия мира в русской философии / Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина. Елец, 2016. 200 с.

В. Соловьев, В. Розанов, П. Флоренский, Л. Карсавин, С. Франк, Н. Лосский, М. Пришвин, Н. Бердяев.

Криницкая Г.С. Национальная идея России: история и прогнозы / Томский гос. ун-т. Томск, 2016. 286 с.

А.С. Хомяков, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, В.В. Розанов.

Крохина Н.П. Вл. Соловьев о литературе // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 4(52). С. 179–185.

Рец. на кн.: Юрина Н.Г. Литературно-критическая концепция В.С. Соловьева: истоки, становление, развитие. Саранск, 2013.

Кузнецова С.В. Мифологема Софии в контексте отечественной философии всеединства // Преподаватель XXI век. М., 2016. № 4. Ч. 2. С. 349–356.

Куликова О.Б. Эпистемологический реализм в контексте идей В.С. Соловьева // Знание. Понимание. Умение. М., 2016. № 1. С. 68–85.

В диалоге с позитивизмом.

Лобастов Н.А. Записки сельского учителя / Региональный общественный фонд изучения наследия П.А. Столыпина. М.: Региональный общественный фонд изучения наследия П.А. Столыпина, 2016. Ч. 5. 509 с.

Философия В.С. Соловьева, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева и др.

Лосев А. <О Вяч. Иванове> // Вяч. Иванов: pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2016. Т. 1. С. 719–735.

«Прометей» Вяч. Иванова и А.Н. Скрябина. Вяч. Иванов, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский.

Максимов М.В. «Соловьёвские исследования» – журнал русской философии // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 12–26.

В контексте современной русской философии.

Максимов М.В., Максимова Л.М. «Мудрость – это самая точная из наук»: год Аристотеля в Ивановском государственном энергетическом университете // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 4(52). С. 202–204.

Обзор докладов конференции, ноябрь 2016 г.

Малинов А.В. Япония в историософской публицистике В.С. Соловьёва // Российско-японский философский диалог / Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Международный центр изучения русской философии; отв. ред. И.И. Евлампиев. СПб.: Интерсоцис, 2016. С. 93–105.

Малинов А.В. Информационный ресурс «Русская философия: история, источники, исследования» // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 164–170.

Маслин М.А. Русская философия в России и за рубежом / М.А. Маслин [и др.] // Философский журнал. М., 2016. Т. 9. № 4. С. 161–175.

Маслин М.А. Русская философия как единство в многообразии // Тетради по консерватизму: альманах / Некоммерческий фонд – ин-т социально-экономических и политических исслед. (Фонд ИСЭПИ); гл. ред. А.Л. Чечевишников. М.: Некоммерческий фонд – Ин-т социально-экономических и политических исслед. (Фонд ИСЭПИ), 2016. № 2. С. 11–48.

Маслин М.А. Русская философия в католической философско-богословской мысли XX века // Тетради по консерватизму: альманах / Некоммерческий фонд – ин-т социально-экономических и политических исслед. (Фонд ИСЭПИ); гл. ред. А.Л. Чечевишников. М.: Некоммерческий фонд – Ин-т социально-экономических и политических исслед. (Фонд ИСЭПИ), 2016. № 3. С. 149–165.

Медоваров М.В. Галлюцинация или несовершенство? Журнал «Русское обозрение» и забытый спор Вл.С. Соловьёва и С.Н. Трубецкого // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 82–96.

Межуев Б.В. Как Владимир Соловьёв не стал Эдмундом Гуссерлем (Размышления над книгой Т. Немета) // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 139–147.

Метафизика В.С. Соловьёва в ранних сочинениях.

Мелих Ю.Б. Между преображением и пересозданием реальности. О свободном творчестве у Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 34–46.

Миклина Н.Н., Тебуева Ш.Н. Условия «абсолютного добра» в современной политической культуре // Философия и культура. М., 2016. № 1(97). С. 82–96.

Концепции русских религиозных (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, А.А. Ильин, В.С. Соловьёв) и современных философов (А.А. Зиновьев, С. Жижек).

Митрофанов Г., протоиерей. Творчество Е.Н. Трубецкого в контексте его произведений как последний манифест классического философского идеализма в русской религиозно-философской традиции // Христианское чтение. СПб., 2016. № 5. С. 87–100.

Е.Н. Трубецкой и В.С. Соловьёв.

Моисеев В.И. Философия неовсеединства: квантовая метафизика абсолютного // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 99–107.

Современная интерпретация метафизики В.С. Соловьёва.

Моравский М. Владимир Соловьёв / пер. и примеч. Т. Оболевич // Мысль. СПб., 2016. № 20. С. 38–78.

Популяризации творчества В.С. Соловьёва в Польше. Рецепция и перевод.

Мочалов Е.В. Проблема патриотизма в философии России // Соц.-полит. науки. М., 2016. № 2. С. 90–92.

А.Н. Радищева, М.Н. Карамзин, В.Г. Белинский, П.Я. Чаадаев, В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев.

- Наберухин Ю.И.** Русская философия: Владимир Соловьев, Николай Бердяев: учеб. пособие / Новосибир. нац. исслед. гос. ун-т. Новосибирск, 2016. 131 с.
Метафизика Абсолюта. Смысл истории.
- Назарова О.** Новейшая рецепция творчества Вл. Соловьева в Германии: Петер Элен // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 69–82.
- Налдонниова Л.** Петербургский период творчества Владимира Соловьева // Мысль. СПб., 2016. № 20. С. 31–37.
Вл. Соловьев и Ф.М. Достоевский.
- Нейфах Л.С.** Европейский sketch-book: Очерки совр. искусства Запада. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 323 с.
Антропософия (Р. Штейнер), русский символизм (В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, А. Белый).
- Нечухрин А.Н., Сняжков С.В.** Россия и Западный мир (опыт дискуссии в отечественной философии истории конца XIX – начала XX в.) // Философия хозяйства. М., 2016. № 4(106). С. 219–230.
- Николин В.В.** Русский антропологический проект. Вып. 6 / Омский гос. пед. ун-т. Омск, 2016. 470 с.
Достоевский и западная философия.
- Новичков В.Г.** Русская национальная идея или ответ на третий проклятый вопрос. М.: Перо, 2016. 101 с.
В.С. Соловьев.
- Океанский Вяч.П.** «Наступающий конец мира веет мне в лицо...»: Владимир Соловьев и его время в сумерках нашего времени // На пути к гражданскому обществу. Иваново, 2016. № 2(22). С. 77–80.
Актуализация наследия В.С. Соловьева.
- Павлюченков Н.Н.** Развитие идеи «цельного знания» в русской философии (И.В. Киреевский, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский) // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 135–150.
- Павлюченков Н.Н.** Шеллинг и русское богословие XIX–XX вв. // Филаретовский альманах. М., 2016. Вып. 12. С. 155–172.
А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский.
- Пинаев С.М.** Традиции Владимира Соловьева в поэзии Максимилиана Волошина // Междунар. науч.-практич. конференция XVII Волошинские чтения «Вселенная свободы и любви...», 13–18 мая 2013: сб. науч. ст. Симферополь: Антиква, 2016. С. 68–77.
- Поздняков А.А.** Проблема архаической религиозности в понимании В.С. Соловьева // Славянский сборник. Орел, 2016. Вып. 12. С. 18–24.
- Попова А.В.** Пути национального развития России в трудах неолиберальных мыслителей в начале XX века // Научные труды Российской академии юридических наук. М., 2016. Вып. 1, Т. 1. С. 123–127.
М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев.
- Порус В.Н.** Владимир Соловьев и Лев Шестов: единство в трагедии // Лев Исаакович Шестов / Институт философии РАН, Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»; сост., под ред. Т.Г. Щедринной. М., 2016. С. 10–29.

Прийма И.Ф. Достоевский и Соловьев: проблема влияния // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. М., 2016. № 3. С. 94–106.

Прокофьев А.В. Мораль и половой стыд (Владимир Соловьев – Макс Шелер – Дэвид Веллемагн) // Философия и культура. М., 2016. № 7(103). С. 1053–1061.

Ремнев А.В. «Крест и меч»: Владимир Соловьев и Вильгельм II в контексте российского имперского ориентализма // Ориентализм vs. Ориенталистика: сб. статей / ФГБУН Ин-т востоковедения РАН; сост.: В.О. Бобровников, С. Дж. Мири. М.: Сафра: Фонд исслед. исламской культуры, 2016. С. 253–290.

В контексте диалога между Россией и Западом.

Роцинский С.Б. «Занесший золотой меч над временем» // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 6–15.

Прогностические аспекты философии Соловьева.

Роцинский С.Б. Философия Владимира Соловьева в парадигме логики культуры XXI века // Вестник Моск. гор. пед. ун-та. Сер.: Филос. науки. М., 2016. № 3. С. 33–42.

Рубин Д. Мусульманство в русском и британском философско-религиозном пространстве: от инаковости к конвергенции // Исламская мысль: традиция и современность. М., 2016. № 1. С. 545–614.

Соловьев, Розанов, Толстой, Гершензон и исламо-иудейская альтернатива.

Рычков А.Л. Соловьёвская тема русского зарубежья: Вл. Соловьев и его последователи в библиотеке-коллекции Н.М. Зернова // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 3(51). С. 69–98.

Саушкин П.С. О влиянии философии В.С. Соловьева на мировоззрение и творчество Ю.К. Балтрушайтиса // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 17–25. Рез. англ.

В контексте творчества поэта-символиста Балтрушайтиса.

Сафронов И.А. Метафизика любви в русском космизме // Дни философии в Санкт-Петербурге: Русский космизм в пространстве современной культуры. СПб., 2016. С. 144–155.

В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, П.Д. Успенский, П.А. Флоренский.

Сергина Т.В. Интерпретация феномена духовности в русской философской традиции // Булгаковские чтения. Орел, 2016. С. 125–132.

В философии В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева.

Скороходова С.И. Азия в русской философии XIX века // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 26–43.

Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. СПб.: Азбука, 2016. 349 с. Содержание: «Смысл любви», «Красота в природе»; «Три разговора о войне»; Стихотворения и поэма «Три свидания».

Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Русская классика: pro et contra. Золотой век. СПб., 2016. С. 845–870.

Сорока И.А. В.С. Соловьев и Н.А. Бердяев о соотношении религии и политики / Орл. гос. ун-т им. И.С. Тургенева. Орел, 2016. 132 с.

Сугакова Л.И. Владимир Соловьев как провозвестник духовного единства России и Европы // Россия в условиях глобальных вызовов. СПб.: Пушкин, 2016. С. 54–56.

Ташлыкова Н.Ю. О двойственной роли любимого человека в софиологии В.С. Соловьева // Музыкальное искусство в контексте современных проблем культуры и образования. М., 2016. Вып. 1. С. 113–121

Титаренко С.Д. Метафизика vs поэтика: «весть о сущем» у Вл. Соловьёва и Вяч. Иванова // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 162–175.

Взаимодействие языка философии и языка литературы в контексте философской герменевтики.

Тихеев Ю.Б. Ранний Лосев: путь к Платону // Платон и современность: материалы XXIV науч. конф. «Универсум Платоновской мысли. СПб., 2016. С. 204–214.

Значение философии В.С. Соловьёва.

Треушников А.И. Смысл войны: диалог представителей философии всеединства периода Первой мировой войны // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 76–84.

В.С. Соловьёв, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, С.Л. Франка.

Треушников И.А. Образ России в философии всеединства // Образ России в русской религиозной мысли: XXV Рождественские правосл.-филос. чтения. Н. Новгород, 2016. С. 181–188.

Треушников И.А. Смысл войны: диалог представителей философии всеединства периода Первой мировой войны // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 76–84.

Трубецкая А.Ю. Социально-философский смысл государственной культурной политики // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. М., 2016. № 3. С. 83–90.

И.Г. Гердер, И. Кант, В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, П.А. Флоренский, П.А. Сорокин и др.

Туманова А. The liberal doctrine of civil rights in late imperial Russia: A history of the struggle for the rule of law // Cahiers du monde russe. Paris, 2016. Vol. 57, № 4. P. 791–817.

Либеральная доктрина гражданских прав в работах П.И. Новгородцева, В.С. Соловьёва, Е.Н. Трубецкого, Б.А. Кистяковского, В.М. Гессена.

Хондзинский П., протоиерей. «Церковь не есть академия»: Русское внеакад. богословие XIX века / Правосл. Свято-Тихон. гуманит. ун-т. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 478 с.

И.В. Лопухин, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьёв.

Челнокова Е.В. Человек как средоточие мира в метафизике Владимира Соловьёва // Вестник Моск. гор. пед. ун-та. Сер.: Философские науки. М., 2016. № 3. С. 10–15.

Чельшев Е.П. Мое «хождение» в Индию длиною в жизнь: Избранное. М.: Тип. Парадиз, 2016. 671 с.

Соловьёв В.С. Жизненная драма философа.

Шевцов С.П. Бесправное учение. Рассуждение о философии права В.С. Соловьёва // Σχολή = Schole = Схولة. Новосибирск, 2016. Т. 10. Вып. 2. С. 608–625.

Шлемова Н.А. Софийность философии Владимира Соловьёва // Вестник Моск. гор. пед. ун-та. Сер.: Философские науки. М., 2016. № 3. С. 16–21.

Nemeth Th. Solovyov's crisis and positivism in the late imperial Russia // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 65–81.

«Кризис» Соловьёва и позитивизм в поздней Российской империи: полемика с О. Конттом.

2017 г.

Агафонова В.Д. И.А. Бунин и В.С. Соловьев: осмысление идеи Красоты // Вестник университета Дмитрия Пожарского = Journal of Dmitry Pozharsky university. М., 2017. № 4 (8). С. 36–40.

Аляев Г.Е. С. Франк: подготовка антологии Вл. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 1(53). С. 6–15.

Амелина Е.М. Национальность и человечество в творчестве В.С. Соловьева. Смысл бытия национальности // Проблема национальности в русской философии / Гос. ун-т управления. 2-е изд. испр. и доп. М.: Издательский дом ГУУ. С. 27–33.

Антонов М.В. [Рец. на:] Glocas A. Le bien justifié: une lecture contemporaine de la synthèse philosophico-juridique de Vladimir S. Soloviev. Québec, 2016. 241 p. // Труды Ин-та государства и права РАН. М., 2017. Т. 12, № 2. С. 211–221.

Артюхов А.И. Проблема назначения общества и личности в трансцендентной философии В.С. Соловьева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2017. Вып. 41. № 17(266). С. 135–138.

Балабаева Л.В. Идеи Софии и теургии в русском религиозно-философском символизме конца XIX–начала XX в. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 7. С. 39–44.

По работам В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева.

Батурина И.В. Роль и место философии творчества в учении В.С. Соловьева // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 1(75). С. 34–37.

Белов А.В. Культура как организм / отв. ред. В.Д. Бакулов; Юж. федер. ун-т. Ростов-н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2017. 391 с.

А.С. Хомяков, А.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Н.Н. Страхов, В.В. Розанов, П.Е. Астафьев, Н.Г. Дебольский и др.

Белов В.Н. [Рец. на:] Нижников С.А., Гребешев И.В. Генезис и развитие метафизической мысли в России: монография. М., 2016. 504 с. // Вестник Русской христианской гуманитар. Академии. 2017. Т. 18, Вып. 1. С. 303–307.

Бессчетнова Е.В. Владимир Соловьев и Константин Леонтьев о бытии России: в предчувствии катастрофы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2017. 224 с.

Бонецкая Н.К. В поисках Неведомого Бога. Мережковский – мыслитель / РАН ИНИОН. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2017. 399 с.

Д.С. Мережковский и В.С. Соловьев.

Бузор Е.С. Философия преображающего познания П. Флоренского и Вяч. Иванова в контексте теории всеединства Вл. Соловьева: автореф. дис. ... канд. филос. наук; философские науки: 09.00.03 / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2017. 35 с.

Буллер А. Теория стыда В.С. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 2(54). С. 18–35.

На материале работы «Оправдание добра».

Бурова М.Л. Диалектика национального и патриотического в философии истории В.С. Соловьева // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 3(77). С. 25–31.

Ваганова Н.А. Об особенностях противопоставления софиологии В.С. Соловьева и С.Н. Булгакова в рецепции и критике Е.Н. Трубецкого // Русский логос: горизонты осмысления. СПб., 2017. Т. 1. С. 99–104.

Ванина И.Н. К вопросу о роли национального воспитания в становлении личности человека в философско-религиозном учении В.С. Соловьева / Общее и особенное в культурах и традициях народов / Материалы Международной научно-практической конференции (28–29 сентября 2017 года) / Министерство образования и науки Российской Федерации Российская академия образования. М.: Изд-во Московского психолого-социального ун-та, 2017. С. 68–71.

Васечко В.Ю. Владимир Соловьев и его мистерия «Белая лилия»: история создания, текстология, социология // Научный ежегодник Института философии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 7–40.

Волков Ю.К. Идея В.С. Соловьева об автономности нравственной жизни человека и проблема естественных оснований этики добра // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 3(55). С. 6–17.

Габеев В.В. Идея нравственности в философско-правовой этике В.С. Соловьева // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-н/Д., 2017. № 6. С. 46–49.

Гапоненков А.А. Религиозная философия Вл.С. Соловьева в рецепции С.Л. Франка // Вопросы философии. М., 2017. № 6. С. 105–121.

Гранин Р.С. Эсхатологические представления в русской религиозно-философской традиции: от апокалиптики к утопизму. Ч. II // Пространство и время. 2017. № 1(27). С. 174–186.

Гребешев И.В. Вл. Соловьев и русский персонализм: спор с Л. Лопатиным // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2017. № 2(40). С. 103–108.

Гринфельд-Зингурс Т.Я. М. Пришвин и Природа. К развитию пейзажа в прозе XX века / Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. 329 с.

Натурфилософия Пришвина в контексте идей В. Соловьева, В. Розанова, А. Белого, М. Горького, Л. Леонова и др.

Громов М.Н. Софийная традиция в русской философии и культуре // Филос. науки = Philos. sciences. М., 2017. № 10. С. 27–38.

Софиология Соловьева, Флоренского, Булгакова.

Грякалов А.А. Василий Розанов. СПб.: Наука, 2017. 287 с.

Гусакова Т.Ф. Место удовольствий в этической системе и жизненном мире В.С. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 2(54). С. 35–43.

Добрев Д. Красотатат и любовата в света на Владимир Соловьов // Философия. София, 2017. Г. 26, кн. 4. С. 453–464.

Донских О.А. Метафора преображения – ключ к русскому логосу // Русский логос: горизонты осмысления. СПб., 2017. Т. 2. С. 32–35.

Философия В.С. Соловьева.

Достоевский без глянца / сост., предисл. П.Е. Фокина. СПб.: Пальмира, 2017. 460 с.

Из содерж.: Поездка Достоевского с Вл. Соловьёвым в Оптину пустынь. 1878. Невстреча с Л. Толстым, с. 390–396.

Душин О.Э. Жалость и аскетизм в богословии св. Исаака Сирина, св. Григория Паламы и в нравственной философии Владимира Соловьёва // VERBUM: альманах Центра изучения средневековой культуры. Псков, 2015. Вып. 17. С. 203–211.

Душкин А.М. Нравственные начала патриотизма в философии В.С. Соловьёва // Реальность. Человек. Культура: антропологические проекты русской культуры. Омск, 2017. С. 70–73.

Евлампиев И.И. Русская философия в европейском контексте. СПб.: РХГА, 2017. 466 с.

Достоевский, Соловьёв, Серебряный век.

Замогильный С.И., Ставропольский Ю.В. Философия В.С. Соловьёва об эмпирической реальности и эмпирическом познании // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2017. № 3. С. 17–19.

По работе «Чтения о Богочеловечестве».

Иванов А.В. Новый опыт «матафизики всеединства». Барнаул: Пять плюс, 2017. 363 с.

Русская религиозная философия: В.С. Соловьёв, Е.П. Блаватская, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков.

Из неизданного и несобранного Владимира Соловьёва: Письмо О.К. Нотовичу, 3 января 1891 г.; Новые оракулы; Из разговора с П.Е. Оставь-его; Приписываемое: Анонимные заметки: «Новости и биржевая газета». СПб., 1891. 11 янв. (№ 11); 12 янв. (№ 12); 17 янв. (№ 17) / публ. Н.В. Котрелева // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 3(55). С. 17–45.

Калинин С.И. Место тотальности среди целей русской философии // Русский логос: горизонты осмысления. СПб., 2017. Т. 1. С. 412–416.

Концепт всеединства и общественно-политическая целостность.

Катасонов В.Ю. Православное понимание экономики / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Рус. цивилизация, 2017. 598 с.

С.Ф. Шаранов, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьёв, С.Н. Булгаков.

Ковалева Е.В. Эрос как стремление к сверхъестественному: В.С. Соловьёв и Н.А. Бердяев о смысле любви // Булгаковские чтения. Орёл, 2017. С. 57–62.

Кормин Н.А. В. Соловьёв и Э. Гуссерль: импликация эстетического. Ч. 1. Кн. 2 / Рос. акад. наук, ин-т философии. М.: Академия, 2017. 94 с.

Философия творчества. Априорное зеркало цвета. Метафизика способности суждения.

Коробкин Д. Русская мысль второй половины XIX века о роли наций в истории: С.М. Соловьёв и Вл. Соловьёв // Добросовестность и добрососедство: вызов современности: третья Международная научно-практическая конференция, г. Новосибирск, 18–21 апреля 2017 г. / Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия), Национальный университет Грузии (Тбилиси, Грузия) и др.; ред. колл.: К.В. Шумская и др. Новосибирск, 2017. С. 191–195.

Коршунов К.В. Христианские начала истории, общества и государства в философии В.С. Соловьёва // Межкультурная коммуникация и проблемы толерантности (междисциплинарный подход): материалы Международной научной конференции, 6–7 октября 2017 года. Краснодар: ФГБОУ ВО КубГТУ. Краснодар, 2017. С. 90–94.

Костерина М.А. Природа красоты: от античной до русской философии // Культура как пространство становления личности: сборник статей молодых ученых Моск. гос. ин-та культуры / ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»; науч. ред. В.А. Тихонова и др. М.: МГИК, 2017. С. 104–111.

Платон, Аристотель, Соловьев, Рерих.

Красильникова М.Б. Миф о Софии в контексте переходной эпохи // Обсерватория культуры. М., 2017. Т. 14, № 1. С. 114–120.

Софиологическая проблематика на рубеже XIX–XX вв.

Красова Е.М. Субъект права техногенной цивилизации в свете философии В.С. Соловьева и И.А. Ильина // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. М., 2017. № 1. С. 96–103.

Крашенинников П.В. Серебряный век права. М.: Статут, 2017. 143 с.

В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, М.М. Ковалевский, Л.И. Петражицкий, марксизм, позитивизм.

Крикунов А.Е. Идеальное государство философии Всеединства: до и после Революции // История: факты и символы. Елец, 2017. № 3(12). С. 140–146.

Круглова И.Н. Творение ex nihilo в пространстве философского дискурса // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. Томск, 2017. № 39. С. 120–132.

В контексте идей В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Ж. Деррида.

Крутько А.А. Конфессиональная и этническая идентичность славянских народов в полемике В.С. Соловьева и А.А. Киреева // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 1(53). С. 69–85.

Кузнецов В.А. Ex oriente lux и Владимир Соловьев // Вестник Челябинского гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. Челябинск, 2017. Вып. 43. № 1(397). С. 87–88.

Восток и Запад, миссия России.

Кузьмина Г.П. [Рец. на:] Проблема национальности в русской философии / Е.М. Амелина, В.Н. Жуков, Е.И. Замараева и др. М., 2017. 187 с. // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 4 (56). С. 191–193.

Курас Л.В. Философские воззрения Вл. Соловьева: у истоков панмонголизма // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ, 2017. № 2(26). С. 10–15.

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М.: Акад. проект, 2017. 503 с.

Панславизм. Письма к В.С. Соловьеву. С.Н. Трубецкой.

Лукаш В.Я., Элькан О.Б. «Русская идея» как основа российской государственности // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России: Теория и практики социокультурного развития. Вып. 2: Сборник материалов III Культурного форума регионов России, Москва – Волгоград – Новосибирск – Рязань – Сыктывкар (февраль – сентябрь 2017 г.) / сост. и ред.: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. М., 2017. Вып. 2. С. 43–48.

Проблема идентификации России в работах В.С. Соловьева, Н.Я. Данилевского и евразийцев.

Лукашова Н.В. Проблема теодицеи в русской философии // Экономика. Общество. Человек. Белгород, 2017. Вып. 32. С. 265–269.

Е.Н. Трубецкой, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский.

Любимова Н.С. К современному пониманию концепции Вл. Соловьёва о человеческой сексуальности // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-н/Д., 2017. № 1. С. 45–50.

По работе «Смысл любви».

Любовные письма великих: любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX веков: избранные письма Бодлера, Байрона, Бальзака, Бетховена, Белинского, Берне, Вагнера, Вольтера, Гамбетты, Гарибальди, Гейне, Гете, Грибоедова, Гюго, Герцена, Державина, Ж. Санд, Жуковского, Ибсена, Клейста, Лассалья, Ланкло, Ленау, Мирабо, Мюссе, Эдгара По, Пушкина, Наполеона, Огарева, г-жи Ролан, г-жи Сталь, Соловьёва, Стендаля, А. Толстого, Л. Толстого, Тургенева, Успенского, Чернышевского, Шатобриана, Шиллера, Шумана, Фихте, Флобера и др.: иллюстрировано произведениями европейской живописи / сост. А. Чеботаревская; предисл. Ф. Сологуба. М.: Абрис, 2017. 255 с.

Любовные письма великих людей. Кн. 3: Соотечественники / сост. Д. Ившина, В. Ившин и др. М.: Добрая книга, 2017. 319 с.

Белинский, Герцен, Толстой, Чернышевский, Соловьёв и др.

Максимов М.В., Максимова Л.М. Добро есть реальная сила истории: о студенческой философской конференции, посвященной 120-летию публикации сочинения В.С. Соловьёва «Оправдание добра» // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 2(54). С. 217–220.

Максимов М.В., Максимова Л.М. Русско-японский философский диалог на страницах журнала «Соловьёвские исследования» / Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 2(54). С. 174–186.

Малинов А.В. «Он может и должен принести большую пользу»: В.С. Соловьёв и петербургские славянофилы // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 2(54). С. 110–128.

В.С. Соловьёв, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.И. Ламанский, О.Ф. Миллер.

Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, философский факультет, каф. истории рус. философии. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманит. акад., 2017. 526 с.

В России XVIII–XXI вв. и в русском зарубежье.

Матяш Т.П. Истоки русской культуры: «славизм» или византизм? / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Белгород, 2017. Вып. 40. № 10(259). С. 192–198.

И.С. Аксаков, А.С. Хомяков, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьёв.

Мичурин З.В. Идея духовной идентичности России в философии В.С. Соловьёва // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2017. № 1(50). С. 165–170.

Моисеев В.И. О субъектных структурах в «Оправдании добра» Владимира Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 2(54). С. 6–17.

Молчанов В.И. В.С. Соловьёв, Декарт, Кант. Субстанции, призраки и формы в концепциях Я // Европейский способ мысли и русская философия (к методологии междисциплинарных исследований в философии). Ростов-н/Д., 2017. Т. 2. С. 61–70.

Онтологические основания концепций В.С. Соловьёва, Р. Декарта и И. Канта: сравнительный анализ.

Мочалов Е.В., Грыжанкова М.Ю., Елдин М.А. Византия и Россия: идеи, богословие, философия. Саранск, 2017. 299 с.

Традиции исихазма в духовной культуре (В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, А. Белый, В.И. Иванов).

Неженец Н.И., Неженец И.Н. Эстетическая мысль символизма. Философско-эстетический анализ. М.: Раритет, 2017. 414 с.

Вл. Соловьев, Вяч. Иванов, А. Лосев, Дм. Мережковский, А. Блок, В. Хлебников и др.

Николин В.В. Русский антропологический проект. Вып. 8 / Омский гос. пед. ун-т. Омск, 2017. 420 с.

Всеединство и теократия В. Соловьева.

Осьминина Е.А. Синологические источники старших символистов // Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы. М., 2017. С. 223–228.

Парамонов Б.М., Толстой И.Н. Бедлам как Вифлеем: Беседы любителей русского слова / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М.: Дело, 2017. 511 с.

В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А. Белый и др.

Поломошнов А.Ф. Тема культуры в философии истории. п. Персиановский: Дон. ГАУ, 2017. 280 с.

Гегель, Соловьев: рационализм, органицизм, философия всеединства и историософия.

Постовалова В.И. Тема «богочеловеческого» в философской интерпретации А.Ф. Лосева // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 1(53). С. 146–159.

Пресняков И.В. Феноменология «абсолютно-сущего» в работах Эдмунда Гуссерля и Владимира Соловьева // Сборник студенческих научных работ. М., 2017. С. 97–102.

Прокофьев А.В. Корень всей нравственности жизни человека: (Моральная философия Владимира Соловьева и проблема стыда) // История философии. М., 2017. Т. 22, № 1. С. 38–52.

Пустовойт Н.М. Религиозная антропология В.С. Соловьева // Научное мнение. СПб., 2017. № 6. С. 56–62.

В контексте учения о всеединстве.

Речи, изменившие мир: 55 важнейших выступлений в истории: От Сократа до Джобса / авт.-сост. В.М. Апанаси. Изд-во «Э», 2017. 381 с.

В.С. Соловьев. Три речи в память Достоевского.

Розанов В.В. Вл. Соловьев и Достоевский (о философском содержании русской литературы) // Русская классика: pro et contra. Серебряный век: антология. СПб., 2017. С. 221–227.

Роцинский С.Б. Земное существование поэта и божественная сущность поэзии // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 3(55). С. 149–163.

А.С. Пушкин и В.С. Соловьев.

Сарычев В.А. Феномен русского модернизма. Религия. Эстетика. Творчество жизни. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 703 с.

В.С. Соловьев, А. Белый, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Блок, В. Хлебников, В. Маяковский.

Седых О.М. Трактовка времени в философии В. Соловьёва и П. Флоренского: заметки к теме // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 4(56). С. 42–57.

Селиверстова Н.А. Парадигма толерантности в творчестве Вл. Соловьёва // Русский логос: горизонты осмысления. СПб., 2017. Т. 2. С. 326–329.

Семенова О.А. Национальность как «положительная сила» в историософии Вл. Соловьёва // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе. Краснодар; Сочи, 2017. С. 166–172.

Серкова В.А. «Невольник суетному миру» (Владимир Соловьёв: начала) // Русский логос: горизонты осмысления. СПб., 2017. Т. 1. С. 194–199.

Актуальность наследия В.С. Соловьёва.

Серкова В.А. Философия образования и цельного знания Владимира Соловьёва // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. Сер.: Гуманит. и обществ. науки. СПб., 2017. Т. 8. № 4. С. 68–76.

Синельникова Е.Ф., Соколов В.С. Философская система В.С. Соловьёва и творчество А.К. Толстого (к 200-летию со дня рождения А.К. Толстого) // Петербургская библиотечная школа. СПб., 2017. № 2(58). С. 41–44.

Соловьёв В. Ф.И. Тютчев // Ф.И. Тютчев и православие. М., 2017. С. 243–259.

Соловьёв В.С. Любовь к народу и русский народный идеал (открытое письмо к И.С. Аксакову) // Национализм: pro et contra: антология. СПб., 2017. С. 174–187.

Соловьёв В.С. Общий смысл искусства // Русская классика: pro et contra. Серебряный век: антология. СПб., 2017. С. 17–32.

Сорока И.А. В.С. Соловьёв о решении проблемы национализма и современность // Булгаковские чтения. Орёл, 2017. С. 94–97.

Столович Л.Н. Максимилиан Волошин в контексте истории русской философии. (К 130-летию со дня рождения М.А. Волошина) // М.А. Волошин: pro et contra. СПб., 2017. С. 504–517.

Страшкова О.К. Драматургический опыт Владимира Соловьёва «Белая лилия...» как художественное переживание философского опыта // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 4(56). С. 6–26.

Образ Софии, гностические смыслы, ироническая саморефлексия в пьесе Соловьёва.

Суслова И.Б. Этико-педагогические аспекты нравственного учения В.С. Соловьёва // Вестник ун-та Рос. акад. образования. М., 2017. № 5. С. 8–16.

Табакон А.Л. Справедливость и позитивное право: проблемы соотношения в русской философии права второй половины XIX – первой половины XX в. // Актуальные проблемы российского права. М., 2017. № 6(79). С. 64–72.

Социология права и теория позитивного права в русской философии: Л.И. Петражицкий, М.А. Рейснер, С.А. Муромцев, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьёв.

Тахо-Годи Е.А. О литературно-философском осмыслении одного метафорического образа Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 4(56). С. 26–41.

Образ «дыры» как апокалиптическое предчувствие грядущей катастрофы в «Трёх разговорах...» и в литературе Серебряного века.

Титаренко С.Д. Русский символизм. Интертекстуальные и интермедийные аспекты // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма). СПб., 2017. С. 313–376.

Синтез философии и литературы в творчестве В.С. Соловьёва и Вяч. Иванова.

Трубецкой Е.Н. Соловьёв и Достоевский // Русская классика: pro et contra. Серебряный век: антология. СПб., 2017. С. 777–781.

Флоровский Г.В., протоиерей. Свидетельство истины: сб. ст. / сост., примеч. и коммент. А.А. Почечунина. СПб.: Духовное наследие, 2017. 481 с.

В.С. Соловьёв и Данте, В.Н. Лосский.

Флоровский Г., протоиерей. Тютчев и Владимир Соловьёв (главы из книги) // Ф.И. Тютчев и православие: сборник статей о творчестве Ф.И. Тютчева / Международный общественный Фонд единства православных народов; сост. В.А. Алексеев. 2-е изд., испр. и доп. М.: К единству! Международного общественного Фонда единства православных народов, 2017. С. 314–331.

Фокин Н.П. О потенциале этического учения В.С. Соловьёва в разработке экологической этики // Культура и экология – основы устойчивого развития России. Проблемы и перспективы «зеленого роста». Переход на траекторию зеленой экономики. Екатеринбург, 2017. Ч. 1. С. 126–130.

Франк С.Л. [Материалы о Вл. Соловьёве, написанные в связи с подготовкой «Антологии Соловьёва»] / подгот. публ. и примеч. Г.Е. Аляева // Соловьёвские исследования 2017. Вып. 1(53). С. 16–55.

Хондзинский П., протоиерей. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. М., 2017. 479 с.

А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьёв и др.

Хохлова Л.В. Философские интерпретации категории «благо» // Булгаковские чтения. Орёл, 2017. С. 68–75.

В.С. Соловьёв и С.Н. Булгаков.

Черкасов Э.А. Некоторые аспекты философской системы Владимира Соловьёва // История, философия, педагогика, психология, право (К 100-летию Рос. революции 1917 г.). Рязань, 2017. С. 186–189.

Концепция «всеединства».

Чернущ В.К. Владимир Соловьёв и онтология С.Л. Франка // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 1(53). С. 55–68.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

УДК 1:050:378

ББК 87.3:Ч448

Михаил Викторович Максимов

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Россия, Иваново, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

2025 год: Хроника Соловьёвского семинара

Аннотация. Представлен краткий обзор научной, издательской и культурно-просветительской деятельности Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия В.С. Соловьёва (Соловьёвского семинара) в 2025 г. Дана характеристика реализованных научных и культурно-просветительских проектов центра. Отмечена вовлеченность в реализацию проектов Соловьёвского семинара студентов, магистрантов и аспирантов Ивановского государственного энергетического университета и ряда вузов и научных учреждений России и Беларуси – Санкт-Петербургского государственного университета, Белорусского государственного университета, Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Финансового университета при Правительстве РФ, Московского педагогического государственного университета, Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва.

Ключевые слова: Соловьёвский семинар, научная, издательская и культурно-просветительская деятельность Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия В.С. Соловьёва, молодежные проекты Соловьёвского семинара

Mikhail Viktorovich Maksimov

Ivanovo State Power Engineering University, Doctor Habil. of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Russia, Ivanovo, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

2025: Chronicle of the Solovyov Seminar

Abstract. This article presents a brief overview of the scholarly, publishing, and cultural-educational activities of the Interregional Scientific and Educational Center for the Study of V.S. Solovyov's Heritage (the Solovyov Seminar) in 2025. It describes the scientific and cultural-educational projects implemented by the center. The involvement of undergraduate, graduate, and postgraduate students from Ivanovo State Power Engineering University, as well as from a number of universities and research institutions in Russia and Belarus – including St. Petersburg State University, Belarusian State University, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Financial University under the Government

of the Russian Federation (Moscow), Moscow Pedagogical State University, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, and N.P. Ogarev Mordovia State University – in the implementation of the Solovyov Seminar's projects is noted.

Key words: Solovyov Seminar, scholarly, publishing, and cultural-educational activities of the Interregional Scientific and Educational Center for the Study of V.S. Solovyov's Heritage, youth projects of the Solovyov Seminar

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.186-191

Соловьёвский семинар – Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва в 2025 году успешно продолжил свою научную, издательскую и культурно-просветительскую деятельность. В 2025 году мероприятия Соловьёвского семинара были посвящены 125-летию кончины В.С. Соловьёва.

Яркими и запоминающимися оказались молодежные научные проекты – межвузовские научные конференции студентов, магистрантов и аспирантов.

Конференция «Поэзия как жанр русской философии» (по страницам журнала «Соловьёвские исследования») (с международным участием) прошла в три этапа в период с 13 марта по 6 мая 2025 г. в Ивановском государственном энергетическом университете (ИГЭУ)¹. В конференции приняли участие студенты, магистранты и аспиранты ИГЭУ, Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва, Санкт-Петербургского государственного университета, Белорусского государственного университета, Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

Вторая за прошедший год молодежная научная конференция – Межвузовская научная конференция студентов, магистрантов и аспирантов «Поиски истины в русской философии, науке и художественной культуре: к 125-летию кончины В.С. Соловьёва» – состоялась 9 декабря 2025 г. Конференция вызвала значительный интерес у молодых ученых из пяти российских университетов: Ивановского государственного энергетического университета, Финансового университета при Правительстве РФ, Московского педагогического государственного университета, Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина.

Яркими, волнующими событиями стали культурно-просветительские мероприятия, посвященные В.С. Соловьёву, в которых качестве исполнителей приняли участие студенты ИГЭУ: музыкально-поэтический вечер «Забытый Соловьёв: поэзия В.С. Соловьёва в русской музыке» и студенческий мини-спектакль

¹ Подробную информацию о конференции см.: Максимов М.В. Философская поэзия – «согласие сердца и ума» (о молодежном проекте Соловьёвского семинара) // Соловьёвские исследования. 2005. Вып. 2(86). С. 178–185.

«Неподвижно лишь солнце любви...», повествующий о жизни, высоких чувствах, переживаниях, обретениях и потерях Владимира Сергеевича Соловьёва. Звучали его стихи и вокальные сочинения русских композиторов, вдохновлявшихся творчеством Соловьёва, в исполнении солистки Ивановской государственной филармонии Елены Анатольевны Лихачевой и концертмейстера Валерии Шотовны Сабуровой.

Неизменной была поддержка мероприятий Соловьёвского семинара сотрудниками Библиотеки ИГЭУ. К пленарному заседанию конференции – 13 марта – была развернута книжная выставка «Поэзия как жанр русской философии».

В сентябре к дню рождения Валерия Андреевича Евдокимова (16.09.1938–07.02.2024) была открыта фотовитрина «Академик Валерий Андреевич Евдокимов – Почетный профессор ИГЭУ», посвященная памяти выдающегося скульптора, академика Академии художеств России, Народного художника России. Его подарок Соловьёвскому семинару – бюст Владимира Сергеевича Соловьёва, преподнесенный в 2018 г., – напоминает и будет напоминать еще на протяжении десятилетий и студентам, и преподавателям университета о великом русском философе.

2025 год – предъюбилейный для «Соловьёвских исследований». Учрежденный в сентябре 2001 г. журнал успешно продвигается к 25-летию своего существования. По подсчетам Science Index, в 2024 г. он сохранил высокий рейтинг и входит в двадцатку лучших периодических научных российских изданий по философии, социологии и культурологии, занимая 15-ю позицию в этой группе.

«Соловьёвские исследования» включены в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, индексируются в системе РИНЦ и Scopus, зарегистрированы в базе данных Ulrich's periodicals directory, включены в «Белый список» научных изданий Минобрнауки РФ. Мы принимаем к рассмотрению и публикуем научные статьи и материалы на четырех языках – русском, английском, французском и немецком.

Постоянные рубрики журнала – «Наследие В.С. Соловьёва: исследования и публикации», «История русской философии», «Философия и литература», «Научная жизнь», «Критика и библиография», а также подборки статей, посвященных юбилейным датам выдающихся русских философов, писателей и поэтов, – в четырех выпусках за 2025 год оказались заполненными интереснейшими статьями и публикациями архивных материалов.

В первом и втором выпусках продолжилась дискуссия об актуальности философского и литературного наследия В.С. Соловьёва, начатая публикацией в 2024 г. статьи Б.В. Межуева «“Он видел особую миссию русского народа”. Почему философ Владимир Соловьёв считал, что Россия объединит все человечество?». В дискуссии приняли участие как российские, так и зарубежные философы и литературоведы. Соловьёвская традиция в русской философии анализируется в статье А.А. Гравина. Этическая концепция Соловьёва, ее значение и влияние рассматриваются в статьях Ю.К. Волкова и М.Ю. Загирняка. «Эсхатологический по-

ворот» в философии В.С. Соловьёва, индивидуально-психологическое и социальное измерение зла исследуются в статьях А.П. Глазкова и В.В. Балановского. В статье И.А. Едошиной, посвященной М.П. Погодину, его личность и труды рассматриваются сквозь призму восприятия современниками – С.М. и Вл.С. Соловьёвыми. В статье В.И. Моисеева и О.М. Коломиец учение В.С. Соловьёва о всеединстве анализируется в сопоставлении с концепцией развития значения слова Л.С. Выготского. В этой же группе – статья испанской коллеги, доктора философии Мириам Фернандес Кальсада, посвящённая характеристике восприятия философии В.С. Соловьёва в Испании, а также статья французского докторанта Тристана Бодаммера, исследующего соловьёвскую критику индивидуализма в контексте решения проблемы соотношения личности и общества у Вл. Соловьёва и Г. Гегеля.

В блоке публикаций отметим статью Н.Ю. Грякаловой ««...сама по себе»: Поликсена Соловьёва и “соловьёвство”» и подготовленный автором архивный материал «П.С. Соловьёва. Несколько слов о моем брате Вл. Соловьёве. Было прочтено в собрании Религиозно-философского Общества в Петербурге 19-го января 1913 года».

Представляют интерес публикация Б.В. Межуева «К текстологии “Воскресных писем”». Из неизданного и несобранного наследия Вл. Соловьёва» и статья О.Л. Фетисенко «“И как юрист старушку обокрал”: комментарий к эпиграмме Вл. С. Соловьёва на К.П. Победоносцева». На основе архива С.А. Рачинского автор реконструирует эпизод, давший повод к написанию Соловьёвым эпиграммы на обер-прокурора Синода, исправляет ошибки и неточности, копившиеся с момента первой публикации эпиграммы.

В богатой по разнообразной тематике и содержанию рубрике «Русская философия» отметим обширное исследование И.И. Евлампиева, посвященное рассмотрению «спора» Г. Фихте и Г. Гегеля в историко-философских сочинениях И.А. Ильина. Читателей журнала непременно заинтересует анализ содержания, раскрытие замысла и история появления и сборника евразийцев «Россия и латинство», представленных в статье В.Л. Черноперова и С.М. Усманова.

В первом, третьем и четвертом выпусках журнала опубликованы подборки статей, посвященных исследованию наследия Н.А. Бердяева. Разнообразна тематика статей: образ Церкви в трудах Бердяева (С.В. Андросенко); Н. Бердяев и И. Кант (Ю.Б. Мелих); Н. Бердяев и Н. Федоров (Е.М. Титаренко); Н. Бердяев и Даниил Хармс (Д.Л. Шукуров). Исключительно важны подготовленные А.А. Ермичевым публикации малоизвестных статей Н.А. Бердяева «Третий исход» (1949 г., Швейцария) и Б.П. Вышеславцева «Никакого третьего пути нет. Ответ на политическое завещание Н.А. Бердяева» (1949 г., переведена на русский язык).

В рубрике «Философия и литература» читатель обнаружит статьи, посвященные творчеству В.С. Соловьёва – поэта и критика (статьи А.В. Гарзаевой, Е.А. Тахо-Годи, Н.Г. Юриной). В статье В.В. Королевой и О.В. Февралевой исследуется рецепция эсхатологических представлений и прогнозов Вл. Соловьёва в

творчестве Андрея Белого. Привлечет внимание читателей статья, посвященная анализу взаимоотношений князя В.Ф. Одоевского и славянофилов (Е.Д. Иванов и М.В. Медоваров). Проблема интерпретаций концепции хаоса в поэзии Ф.И. Тютчева в русской философии раскрыта в статье Д.Д. Романова. Истоки идейных противоречий К.Н. Леонтьева и Ф.М. Достоевского исследуются в статье А.В. Золотарева. Анализу влияния наследия Соловьёва на Б. Пастернака посвящена статья Е.С. Бужор и Э.А. Базилико. В статье Л.Л. Ермаковой анализируется черновой перевод публикуемых фрагментов из книги Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра», выполненный Вяч. Ивановым.

Две юбилейные подборки статей посвящены 205-летию со дня рождения А.А. Фета и 140-летию со дня рождения А.А. Блока. Безусловный интерес вызывают статьи, в которых представлен сопоставительный анализ творческих влияний и литературных судеб А. Фета и Н. Федорова (статья А.Г. Гачевой), А.А. Фета и П.П. Цитовича (статья Н.П. Генераловой), А.А. Фета и Н.В. Гоголя (статья В.А. Лукиной), А.А. Фета и В.С. Соловьёва (статья Т.А. Кошемчук). В статье С.А. Ипатовой на основе богатейших архивных, эпистолярных и мемуарных материалов реконструируется биография Н.Н. Черногубова, собирателя наследия А.А. Фета, исследователя его жизни и творчества.

Авторы статей, посвященных А.А. Блоку, отмечают значение для поэта эстетических и аксиологических идей В.С. Соловьёва, что отразилось в блоковском отзыве о поэте В.П. Лебедеве (статья Н.В. Лощинской). Статья С.Д. Титаренко посвящена рассмотрению проблемы визуализации философского языка поэзии и прозы в творчестве Вл. Соловьёва и его последователей – поэтов-символистов Вяч. Иванова и Ал. Блока.

В рубрике «Научная жизнь» опубликованы три доклада, представленные на Международной научной конференции «Образ будущего в русской литературе XX–XXI вв.», прошедшей в 2023 г. в Москве: «Образ будущего у В.С. Соловьёва» (А.Г. Гачева), «Представления о будущем в прозе В. Итина и Вс. Иванова» (Е.А. Папкина), «Образ будущего через призму идей социального христианства Н.А. Клюева и Ф.-Р. Ламенне» (С.А. Серёгина).

В этой же рубрике опубликована статья М.В. Максимова «Философская поэзия – “согласие сердца и ума”», посвященная одному из молодежных проектов Соловьёвского семинара.

Рубрика «Критика и библиография» представлена рецензиями А.А. Гравина на книгу В.П. Троицкого «Тропа и путь, или Ономатодоксия (СПб.: Алетейя, 2024. 420 с.); К.Ю. Лаппо-Данилевского на четвертый выпуск сериального сборника «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы» (Российская акад. наук, ИМЛИ РАН; Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме; ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. 852 с.); М.В. Максимова на сборник ИФ РАН «Владимир Соловьёв. Материалы и исследования: эпоха, люди, идеи» (отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 516 с.).

Важно отметить еще одно знаковое событие прошедшего года. Четвертьвековой юбилей Соловьёвского семинара не прошел незамеченным руководством Ивановского государственного энергетического университета, впервые в России придавшим институциональные формы научному центру, содержанием деятельности которого явилось всестороннее исследование наследия В.С. Соловьёва. Ученый Совет ИГЭУ рекомендовал М.В. Максимова – руководителя Соловьёвского семинара и главного редактора журнала «Соловьёвские исследования» к присвоению звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В этом мы видим высокую оценку многолетней деятельности участников научных и культурно-просветительских проектов Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия В.С. Соловьёва (Соловьёвского семинара). Решение Ученого Совета ИГЭУ было поддержано Институтом философии РАН, Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Московским педагогическим государственным университетом, Российским государственным гуманитарным университетом, Московской государственной консерваторией имени П.И. Чайковского, Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации, Русской христианской гуманитарной академией имени Ф.М. Достоевского, Правительством Ивановской области.

Таковы итоги деятельности Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия В.С. Соловьёва (Соловьёвского семинара) в 2025 году. Замечательными научными и творческими событиями Соловьёвский семинар отметил двадцатипятилетие своего служения русской философии. Пожелаем ему успехов в дальнейшей деятельности и новых достижений.

Нелли Васильевна Мотрошилова

Письмо участникам Соловьёвского семинара 2018 г.

Nelly Vasilyevna Motroshilova

Letter to the Participants of the Solovyov Seminar 2018

21 февраля 1934 г. – день рождения Нелли Васильевны Мотрошиловой. В 2026 г. в этот день ей исполнилось бы 92 года, но, к сожалению, она ушла из жизни пять лет назад, 23 июня 2021 г. Выдающийся историк философии, доктор философских наук, профессор, тончайший исследователь западноевропейской философии Нового времени и XX века, а также русской философии, многие годы возглавлявшая отдел историко-философских исследований Института философии РАН, Нелли Васильевна высоко ценила работу Соловьёвского семинара и внесла огромный вклад в реализацию его научных проектов.

Сегодня мы публикуем письмо Н.В. Мотрошиловой, адресованное участникам юбилейного заседания Соловьёвского семинара в 2018 г.

Дорогой Михаил Викторович! Дорогие ивановские коллеги-соловьёвovedы! Дорогие участники семинара 2018 года!

Позволю от себя лично обратиться как к высокочтимым ивановским коллегам, так и к участникам юбилейного Соловьёвского Семинара со словами благодарности и наилучшими пожеланиями в связи с юбилейными заседаниями 2018 года, а главное – в связи с постоянной высококлассной деятельностью ивановских соловьёвovedов и всех специалистов, объединенных Вашим семинаром.

Полагаю, право обратиться к Вам от своего имени мне дают тоже многолетние контакты с Ивановским центром и совместная работа над многогранным наследием Владимира Соловьёва.

Список научных мероприятий Соловьёвского Семинара (начиная с 1999 года и по настоящее время) говорит сам за себя, как выглядят убедительными и удивительными солидные результаты научно-исследовательской деятельности под эгидой «Соловьёвских исследований» (59 выпусков). Если бы в нашей стране (я имею в виду инстанции, «руководящие» наукой и культурой) умели ценить и поощрять подобное, вырастающее «от корней травы» (from the grass roots) ростки культуры и науки, если бы массмедиа были повернуты лицом к таким выдающимся результатам, отмечаемый Вами двойной юбилей стал бы в России по-настоящему публичным событием мирового значения. Но надеяться на что-то подобное в сегодняшнем мире, по меньшей мере, наивно. Утешает то, что коллеги-соловьёвovedы во всем мире знают об истинно высокой цене того, что в конце XX и в первые десятилетия XXI столетий сделано соловьёвovedами Иванова и под крылом Вашего Соловьёвского Семинара.

Я лично горжусь тем, что давно и прочно была связана с соловьевоведческими исследованиями Ивановского центра, что участвовала в ряде его интереснейших исследований, проектов и обсуждений. Когда в июне 2002 года я начала небольшой лекционный курс в Иваново в рамках соловьевского семинара, то написала и сказала, что «приглашение прочесть лекции для столь продвинутой аудитории было для меня большой честью».

Сегодня могу повторить те же слова – уже применительно к годам сотрудничества с Вашим семинаром. В год двойного юбилея хочу выразить твердую надежду на то, что в ивановском регионе и дальше сохранится - должен сохраниться – Ивановский соловьевоведческий центр, деятельность которого с годами становится еще более широкой, многогранной и достойной того духовно-философского наследия России, которое постоянно остается современным.

С чувствами любви и солидарности в год соловьевского юбилея поздравляю коллег-соловьёведов Иванова и окружающих земель России, а также тех соловьевоведов, которые и на этом форуме, не сомневаюсь, внесут новый вклад в исследование наследия Соловьева – и философского, и общекультурного.

Всегда Ваша,
Н. Мотрошилова
09 ноября 2018 г.

Публикация М.В. Максимова

О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» “Solov’evskie issledovaniya” (ISSN 2076-9210)

Журнал «Соловьёвские исследования» является научным изданием, освещающим актуальные вопросы отраслей гуманитарного знания – философии, филологии, культурологии. На страницах журнала публикуются результаты исследований российских и зарубежных ученых. Материалы принимаются на русском, английском, немецком и французском языках.

Журнал издается с 2001 г., в состав его редколлегии входят специалисты философских и научных центров России, Германии, Франции, Великобритании, Нидерландов, Польши, Болгарии, Соединенных Штатов Америки, Италии.

Периодичность журнала – 4 выпуска в год: март, июнь, сентябрь, декабрь.

Информация о журнале представлена на сайте <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на сайте Ивановского государственного энергетического университета: <http://www.ispu.ru/node/8026>

Полнотекстовые электронные версии всех номеров журнала с 2001 г. доступны по адресам:

<http://solovyov-studies.ispu.ru/ru/archive>

<http://www.ispu.ru/node/6623>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.7.1 – Онтология и теория познания

5.7.2 – История философии

5.7.3 – Эстетика

5.7.4 – Этика

5.7.7 – Социальная и политическая философия

5.7.8 – Философская антропология, философия культуры

5.7.9 – Философия религии и религиоведение

5.9.1 – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2 – Литературы народов мира

5.9.3 – Теория литературы

5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

Адрес редакции:

153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия
В.С. Соловьёва – Соловьёвский семинар
т. (4932) 26-97-70, 26-98-57
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
koroleva@ispu.ru

Сайт Соловьёвского семинара: <http://solovyov-studies.ispu.ru>

Информацию о текущей деятельности Соловьёвского семинара смотрите также
на: <http://www.ispu.ru/taxonomy/term/1071>

Главный редактор:

Максимов Михаил Викторович, д-р филос. наук, профессор
т. (4932) 26-97-70
факс: (4932) 38-57-01; 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mymaximov@yandex.ru

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Подписка на печатную версию ежеквартального научного журнала «Соловьёвские исследования» производится на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru, а также через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Индекс для подписчиков 37240

Копию квитанции о подписке необходимо выслать на адрес редакции: 153003, Россия, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ, Максимова М.В., или по *E-mail*: mximov@philosophy.ispu.ru; mvmximov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Соловьёвские исследования» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Для публикации в «Соловьёвских исследованиях» принимаются научные статьи, обзоры, рецензии и другие материалы, соответствующие тематике журнала и научным направлениям – философия, филология, культурология.

Плата за публикацию статьи в журнале не взимается.

Аспиранты, магистранты и студенты предоставляют на присылаемые статьи отзыв научного руководителя.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПУБЛИКУЕМЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

1. *Объем статьи* – до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами, включая аннотацию, список литературы и References), рецензий – до 0,5 п.л. Текст предоставляется на электронном носителе в редакторе WORD либо по электронной почте mximov@philosophy.ispu.ru (файлы с материалами должны быть названы по фамилии автора). Шрифт Times New Roman, формат страницы А4. Поля: верхнее – 1,5 см; нижнее, правое и левое – 2 см. Размер бумаги: ширина – 16,5 см; высота – 23,5 см.

2. *Структура статьи* должна быть следующей:

- в верхнем левом углу проставляются УДК и ББК;
- через 1.0 интервал ФИО автора/авторов полностью (на русском языке); полное название места работы, звания, занимаемая должность, страна, город, (на русском языке) и адрес электронной почты автора, кегль 9;
- через 1.0 интервал печатается название статьи по центру, строчными буквами, шрифт полужирный, кегль 13, перенос запрещен (на русском языке);

- через 1.0 интервал печатается аннотация (от 200 до 250 слов (1500–1800 знаков без пробелов)), кегль 9, курсивом (на русском языке);
- через 1.0 интервал печатаются ключевые слова (от 10 до 15 слов), кегль 9, курсивом (на русском языке).

Далее все эти же сведения даются на английском языке.

- через 1.0 интервал печатается текст статьи, кегль 11, межстрочный интервал по всему тексту – одинарный, отступ абзаца – 1 см (5 знаков), автоматический перенос слов включён, кавычки по всему тексту *только* угловые, *внутри цитаты* использовать кавычки другого вида: «”.....”»;

- через 1.0 интервал печатается библиографический список на русском языке (название «Список литературы») и список литературы на латинице (название References) (включают использованную литературу; в библиографическом описании указываются все авторы).

3. Содержание и структура аннотации.

Аннотация должна отражать основное смысловое содержание статьи и её характеристику. Структура аннотации должна включать следующие разделы: состояние вопроса (степень изученности вопроса в науке и литературе, обоснование актуальности выбранной темы); материалы и методы (на каком материале и с помощью каких методов рассматривается обозначенная проблема); результаты проведенного исследования (с использованием глагольных форм и словосочетаний следующего типа: рассматриваются..., излагаются..., утверждается..., предлагается..., обосновывается...; используются методы..., обосновываются положения (концепции, идеи) ..., дается обзор ...; рассмотрены..., изложены..., выявлены..., предложены...; дан анализ..., изложена теория (концепция)... и т. п.); выводы.

Редколлегия журнала просит уделять особое внимание составлению аннотации в соответствии с особенностями этого жанра.

Аннотация на английском языке должна составляться с соблюдением грамматики и стилистики английского языка, с использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии; не должна выполняться при помощи автоматических переводчиков (не обязательно должна быть дословным переводом аннотации на русском языке).

В соответствии с требованиями Scopus, не допускается вынесение развернутых комментариев в сноски; необходимый комментарий следует давать в тексте статьи либо в скобках внутри текста.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи; определять предметную область исследования; встречаться в тексте статьи (имена собственные, общие понятия и общенаучные термины ключевыми словами не являются).

4. Требования к оформлению разделов «Список литературы» и References.

После статьи отдельными разделами оформляются «Список литературы» и References (шрифт Times New Roman, кегль 9). В списке литературы должно

быть не менее 20 позиций. Из них не менее 80 % источников должны составлять работы, опубликованные за последние 5 лет, если такие имеются. Рекомендуются, чтобы не менее 30 % источников, включенных в библиографический список, составляли работы, опубликованные на английском и других иностранных языках. Нумерация *Списка литературы* и ссылки на нее в тексте выполняются **без применения автоматической расстановки ссылок**.

Согласно требованиям Scopus, раздел References должен иметь следующую структуру:

- ссылки на источники (**(Sources)**)
 - *Collected Works (Собрания сочинений)*
 - *Individual Works (Индивидуальные сочинения)*
- ссылки на статьи в научных журналах (**Articles from Scientific Journals**);
- ссылки на статьи в сборниках научных трудов (**Articles from Proceedings and Collections of Research Papers**);
- ссылки на монографии (**Monographs**);
- ссылки на диссертации и авторефераты (**Thesis and Thesis Abstracts**);
- ссылки на электронные ресурсы (**Electronic Resources**)

В библиографическом описании в разделе References заглавия статей из журналов и сборников опускаются (при сохранении заглавий статей необходимо включать в описание их перевод на английский язык); оригинальные названия книжных источников (монографии, сборники, материалы конференций), изданных на кириллице, даются в транслитерации (курсивом) и на английском языке (в квадратных скобках); выходные данные (город (для книжных изданий), том (vol.), номер (no.), страницы (pp., p.)) переводятся на английский язык. Обязательные выходные данные: для статей из журналов – год, том, номер, страницы; для книжных изданий – место издания, год, количество страниц. Место издания, включая Moscow и Saint-Petersburg, пишется полностью.

Применяется одна система транслитерации, которая доступна по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбираем вариант BGN). Примеры оформления библиографических описаний в разделах «Список литературы» и References размещены на сайте журнала: <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на странице журнала на сайте ИГЭУ: <http://www.ispu.ru/node/6623>

В текстах, набранных *латиницей*, используется вариант кавычек "...".

5. *Оформление ссылок*. Ссылки на цитируемую литературу при использовании *прямого цитирования* (если цитата представляет собой развернутое, законченное высказывание с указанием автора и источника цитаты) оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: В работе «Диалектика мифа» (1930 г.) А.Ф. Лосев пишет: «Текст цитаты» [1, с. 15] (первая цифра обозначает порядковый номер в Списке литературы, вторая – страницу цитируемого источника). Если используются приемы *непрямого цитирования* или *частичное цитирование* (т.е. отдельные слова, словосочетания, обороты речи), то ссылка оформля-

ется как подстрочная (в тексте – верхним индексом; внизу страницы дается библиографическое описание цитируемого источника – под сплошной чертой, отделяющей основной текст, шрифт Times New Roman, кегль 9). Например: ¹См.: Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М.: Глобал Ком, 2013. С. 15–25 [1]. Так же, как подстрочная ссылка (верхним индексом), оформляются и *авторские примечания*.

При повторной ссылке в постраничной сноске используется сокращенный вариант библиографического описания источника (допускается сокращение длинных названий источников; опускаются выходные данные). Если повторная ссылка идет сразу ниже ссылки с библиографическим описанием источника, то используется следующая запись: Там же. С.

Ссылки на электронные ресурсы допускаются только при отсутствии их «бумажных» аналогов, с правильным указанием адреса веб-страницы и даты обращения к ней.

6. Авторы статей, публикуемых на языке оригинала (английском, немецком, французском), дополнительно предоставляют реферат статьи объёмом 4500 знаков без учета пробелов (700 слов) на русском языке.

7. Отдельным файлом предоставляется Авторская справка по следующей форме:

- ФИО полностью;
- ученая степень и ученое звание;
- должность, название кафедры, отдела, сектора и др.;
- название организации (полное) / места работы;
- почтовый индекс и адрес организации / места работы;
- почтовый индекс и адрес для переписки;
- телефон;
- E-mail.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей.

При отклонении материалов рукописи не возвращаются.

Гл. редактор, профессор Михаил Викторович Максимов
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

Главный редактор
МАКСИМОВ Михаил Викторович

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2026. Вып. 1(89)

Редактор С.М. Коткова

Компьютерная верстка и макетирование
М.А. Баркова

Обложка А. Лебедев

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись от 22.01.16 г. серия ПИ № ФС77-64667

Подписано в печать 15.03.2025. Дата выхода в свет 30.03.2025.
Формат 70x100 1/16. Печать плоская. Усл. печ. л. 16,25.
Тираж 60 экз. Цена свободная. Заказ №

Адрес редакции журнала:
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Адрес издательства:
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Типография «ПресСто»,
153025, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8